

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1 (53)

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Митрофанов В. П.</i> Динамика аграрного законодательства в тюдоровской Англии.....	3
<i>Блохин В. В.</i> Крестьянская община в конце XIX – начале XX в. в оценках отечественных левых либералов-экономистов	14
<i>Мозохин О. Б.</i> История фальсификации следствия дела ЦК «Трудовой крестьянской партии» (по письмам Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского).....	25
<i>Дюков А. Р.</i> Руководитель госбезопасности Литвы А. Повилайтис на Лубянке: проблема достоверности следственных показаний	45
<i>Кометчиков И. В.</i> «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет...»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е – середина 1950-х гг.)	71
<i>Гречкин В. Н.</i> Кино для зрителя? История одного совещания	84
<i>Томилин В. Н.</i> Реформа 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций и ее влияние на колхозную экономику	93
<i>Пигорева О. В.</i> Архивные материалы о подготовке и праздновании 1000-летия Крещения Руси: столица и провинция.....	103
<i>Аникин Д. А., Бубнов А. Ю., Комплеев А. В.</i> Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски	114

UNIVERSITY PROCEEDINGS VOLGA REGION

HUMANITIES

№ 1 (53)

2020

CONTENTS

HISTORY

Mitrofanov V. P. The dynamics of agrarian legislation in Tudor England	3
Blokhin V. V. Peasant community at the end of the XIX century – the beginning of the XX century in the assessments of domestic left-wing liberal economists	14
Mozokhin O. B. Story of falsification of the Central Committee case investigation “Labor Peasant Party” (according to the letters of N. D. Kondratiev and L. N. Yurovsky)	25
Dyukov A. R. The head of the State Security Service A. Povilaitis, in Lubyanka: the issue of testimony verification	45
Kometchikov I. V. “For the final demining of the districts freed from the occupation, the State Defense Committee decides...”: the evolution of the government’s approaches to demining of the countryside of the West of the RSFSR (1940s – mid 1950s)	71
Grechkin V. N. Is the cinema for the viewer? The story of one meeting	84
Tomilin V. N. Reform of 1958 on the reorganization of machine-tractor stations and its influence on the village economy	93
Pigoreva O. V. Archival materials on preparation and celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus: capital and province	103
Anikin D. A., Bubnov A. Yu., Kompleev A. V. Russian Historical Society as an actor of symbolic policy: institutional features and memorial risks	114

УДК 942.055; 316.485.2; 81.2
DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-1

В. П. Митрофанов

ДИНАМИКА АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ТЮДОРОВСКОЙ АНГЛИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Тема исследования является актуальной в связи с тем, что в отечественной историографии до настоящего времени не проводили анализ динамики аграрного законодательства в Англии эпохи Тюдоров (1485–1603). Специальное изучение этого законодательства позволит лучше понять механизмы экономической и социальной политики абсолютной монархии в эпоху разложения феодализма и генезиса капитализма. Цель работы – опираясь на результаты исследования отечественных и англоязычных историков аграрного законодательства ранних Тюдоров, проследить дальнейшее развитие аграрного законодательства середины и второй половины XVI в.

Материалы и методы. При выполнении поставленных задач в контексте диалектического метода познания с помощью анализа и синтеза проведено исследование содержания парламентских статутов в отношении огораживаний, королевских прокламаций и других источников, а также специальной литературы отечественных и англоязычных авторов. Такой подход позволил проследить динамику аграрного законодательства английских монархов династии Тюдоров.

Результаты. Исследовано содержание парламентских статутов и королевских прокламаций в отношении огораживаний, что позволило определить как причины их изменений, так и сами изменения, а также определить их социальные последствия для английской деревни периода раннего Нового времени.

Выводы. Парламентские статуты, королевские прокламации в отношении огораживаний были направлены в целом на ограничение конверсии лендлордами пахотных земель крестьян с последующей их эвикцией. В них были положения, предписывающие проведение реконверсии пастбищ в пахоту, ограничение размеров манориальных хозяйств, ферм, количества овец и т.п. Последние елизаветинские аграрные законы были более детализированными, включали ряд новых моментов, отражавших аграрные реалии в стране. Кабинет Елизаветы I Тюдор начинает осознавать необходимость экономических методов регулирования процесса огораживаний, но также и необходимость сохранения и развития овцеводства. Это определило сохранение в законах «лазеек» для огораживателей. Именно это, а не только их плохое исполнение местными должностными лицами, как это ранее считалось, стало причиной того, что процесс огораживаний крестьянских земель с эвикцией самих крестьян продолжался. В то же время аграрное законодательство сдерживало темпы

© Митрофанов В. П., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

этого процесса. Оно побуждало лендлордов чаще прибегать к легальным методам эвикции крестьян, в частности посредством повышения фэйнов, а также заключать договоры по огораживаниям со своими крестьянами. Все эти факторы способствовали переходу от системы открытых полей к выделенной системе хозяйствования части крестьянства и созданию экономических условий для распространения фермерства, а значит и переходу к капиталистическим методам хозяйствования.

Ключевые слова: Тюдоры, статуты, прокламации, огораживания, крестьяне, лендлорды, пахотные земли, пастбища.

V. P. Mitrofanov

THE DYNAMICS OF AGRARIAN LEGISLATION IN TUDOR ENGLAND

Abstract.

Background. The research topic is relevant due to the fact that in Russian historiography until now has not conducted an analysis of the dynamics of agrarian legislation in England of the Tudor era (1485–1603). A special study of this legislation will make it possible to better understand the mechanisms of the economic and social policy of the absolute monarchy in the era of the decay of feudalism and the genesis of capitalism. The purpose of the work is based on the results of a study of domestic and English historians of agrarian legislation of the early Tudors to trace the further development of agrarian legislation in the middle and second half of the XVI century.

Materials and methods. When fulfilling the tasks in the context of the dialectical method of cognition, using analysis and synthesis, a study was carried out of the content of parliamentary statutes in relation to enclosures, royal proclamations and other sources, as well as special literature of domestic and English-speaking authors. This approach allowed us to trace the dynamics of the agrarian legislation of the English monarchs of the Tudor dynasty.

Results. The content of parliamentary statutes and royal proclamations on containment of enclosures was investigated, which allowed to determine both the reasons for their substantial changes and the changes themselves, as well as to determine their social consequences for the English village of the early Modern period.

Conclusions. Parliamentary statutes, royal proclamations regarding enclosures were generally aimed at restricting landlords from the conversion of arable land to peasants with their subsequent eviction. They contained provisions prescribing the conversion of pastures to arable land, limiting the size of manorial housekeeping, farms, the number of sheep, etc. The latest Elizabethan agrarian laws were more detailed, including a number of new points that reflected the agrarian realities in the country. The cabinet of Elizabeth I Tudor begins to realize the need for economic methods of regulating the enclosure process, but also the need to preserve and develop sheep husbandry. This determined the preservation of loopholes in the laws for fencers. It was this, and not only their poor performance by local officials, as was previously believed, that caused the process of enclosing peasant lands with the evacuation of the peasants themselves, to continue. At the same time, agricultural legislation restrained the pace of this process. It encouraged landlords more often to resort to legal methods of evicting peasants, in particular, by increasing fain, as well as conclude fencing agreements with their peasants. All these factors contributed to the transition from a system of open fields to a separate system of husbandry parts'

the peasantry and the creation of economic conditions for the spread of farming, and hence the transition to capitalist methods of management.

Keywords: Tudors, statutes, proclamations, enclosures, peasants, landlords, arable land, pastures.

В Англии периода правления монархов династии Тюдоров (1485–1603) на парламентских сессиях был принят ряд важных аграрных законов (статутов) [1, 2], а также изданы королевские прокламации, которые приравнивались к законам [3]. В той или иной степени аграрное законодательство английской монархии затрагивалось в работах как английских, так и отечественных историков [4, с. 217–224; 5, р. 3–21; 6–9]. Определенная историографическая оценка исследованиям англоязычных авторов уже давалась [10; 11; 12, с. 40–58]. Здесь лишь заметим, что исследователи рассматривали аграрные статуты и королевские прокламации преимущественно в контексте изучения процесса превращения пахотных земель крестьян в пастбища для овец и аграрной политики монархии Тюдоров, почти не акцентируя свое внимание на изменениях в их содержании на протяжении данного периода. К тому же отдельные законодательные акты в отношении огораживаний изучались лишь в общем плане. Так, например, мало внимания было обращено на одну из антиогораживательных прокламаций Генриха VIII (1526) о денежном залоге за произведенную конверсию пахоты в пастбища, которая обязывала всех огораживателей явиться в Канцлерский суд, внести залог и пообещать членам королевской комиссии исправить свои незаконные огораживания под угрозой штрафа в 500 марок [3, р. 164]. Очевидно, это можно рассматривать как свидетельство короны, с одной стороны, возвести серьезное финансовое препятствие огораживателям, а с другой – возможность пополнить королевскую казну за счет невозврата джентри-огораживателям денежных залогов. На мой взгляд, при последовательном выполнении и включении положений этой прокламации в очередной статут по ограничению огораживаний пахотных земель это могло бы способствовать если не полному прекращению конверсии пахоты в пастбища, то значительному замедлению темпов этого процесса. Вместе с тем анализ известного отечественного историка Виктора Федоровича Семенова аграрных законов первых Тюдоров показывает, что правительства Генриха VII и Генриха VIII пытались законодательным путем (парламентские статуты и королевские прокламации) ограничить конверсию пахотных земель и эвикцию крестьян. В законах вводились ограничения на размеры овцеводческих манориальных хозяйств, ферм и количество овец, предписывалось проведение реконверсии пастбищ в пахотные земли и восстановление разрушенных полновладельческих крестьянских хозяйств (т.е. не менее 20 акров – В. М.). С этой целью законодательство заменило феодальный принцип ответственности сеньора за вассала расследованием посредством королевских должностных лиц и наложением штрафа на нарушителей в пользу короны. Автором отмечены и уступки законодательства в пользу огораживателей [13, с. 110, 130, 131].

Как известно, аграрная ситуация в английской деревне в середине XVI в. стала меняться в силу Реформации и последовавшей секуляризации монастырских земель, их раздачи и распродажи короной представителям дворянства и буржуазии [14]. Важнейшим последствием этого стало усиление про-

цесса огораживаний и эвикции крестьян, рост пауперизма в стране. Это, очевидно, понимало правительство как Эдуарда VI, так и Марии Тюдор. Поэтому их первой реакцией стало принятие парламентом новых законов о пауперах и об огораживании. Очевидно, продолжатели династии Тюдоров, как и их предшественники по трону, первоначально панацеей против огораживаний также видели в усилении законодательства. Так, при малолетнем Эдуарде VI был принят в 1552 г. новый статут «О поддержке и расширении пахоты» [2, 5 and 6 Edw.VI, cap. 5]. В его преамбуле говорилось о значительном сокращении пахотных земель в стране из-за ее конверсии в пастбища. Акт запрещал дальнейшее обращение пахоты в пастбища, если она когда-либо в течение четырех лет, начиная с 1509 г., вспахивалась. За нарушение этого положения грозил штраф в 5 шиллингов за каждый акр конвертированной земли. Для лучшего выполнения закона король мог назначать комиссии для расследования случаев огораживаний. Особо оговаривался порядок работы таких комиссий и полномочия их членов. Они должны были быть независимы от местных властей и имели право потребовать от последних в помощь себе 12 присяжных. Согласно манориальному обычаю в их число входило и несколько общинников. Значит, фактически представители от крестьян участвовали в расследованиях по случаям огораживаний. Присяжные должны были сообщать членам королевских комиссий о всех случаях огораживаний пахоты в каждом церковном приходе. Причем комиссионеры имели право налагать на присяжных штраф до 12 шиллингов, если те будут плохо выполнять свои обязанности, т.е. предоставлять неправильные сведения об огораживании в своем приходе. Результаты работы комиссий должны были отправляться в Канцлерский суд, а затем и королю. Нарушителей статута можно было привлечь к ответственности в течение трех лет после совершения ими конверсии пахоты в пастбища, но данные факты должны были быть установлены посредством расследования.

Вместе с тем в статуте были положения, не выгодные для крестьянского сословия. Так, вводя запрет на конверсию пахотных крестьянских земель в пастбища, он не ограничивал огораживания общинных угодий при условии, если они не использовались крестьянами в качестве пахоты за последние четыре десятилетия. В реальной действительности это означало, что если крестьяне по решению манориальной курии получили какую-либо часть общинных угодий под пахотные наделы, а лендлорды затем присвоили их и огородили, превратив в пастбища, то они не были обязаны проводить их реконверсию в пахоту. Были и статьи, косвенно не способствовавшие сохранению крестьянских пахотных наделов. Так, если лендлорды захватили и превратили пахотные земли крестьян в парки для оленей, в кроличьи садки или под посевы технических культур, но все это сделали по королевской лицензии, полученной за последние четыре года, то они не были обязаны возвращать их под пахоту.

Тем не менее этот статут имел важное значение для малоземельных крестьян, ибо предписывал формально не только реконверсию полнонадельных крестьянских хозяйств (размером не менее 20 акров – *В. М.*), но и всех, независимо от площади их пахотных наделов. Включение этого пункта вполне могло быть последствием восстания крестьян 1549 г. под руководством Р. Кета. Однако для крестьянства было неприемлемым, что статут из всех

видов огораживаний запрещал лишь конверсию пахотных земель в пастбища, а общинные земли оказывались вне сферы его действия. Ведь в таком случае ни королевские должностные лица, ни сами крестьяне не имели права требовать у лендлордов реконверсии огороженных ими ранее общинных угодий в манорах. Это означало, что общинные угодья оказывались без законодательной защиты, т.е. государство по-прежнему признавало этот вопрос сферой компетенции манориального права.

Несмотря на это, представляет интерес само намерение законодателя в отношении крестьян. К примеру, если крестьяне успели узнать о сути этого закона, то наверняка приветствовали его, а сам лорд Уорик, бывший в то время фактическим правителем королевства при малолетнем монархе¹, представлялся им как правитель, проявивший заботу об их интересах.

Аграрное законодательство первых тюдоров и Эдуарда VI было продолжено Марией Тюдор, когда в 1555 г. парламентом был принят статут «О восстановлении разрушенных земледельческих хозяйств и расширении пахоты» [2, 2 & 3 Phil. & Mary, cap. 2]. Некоторые из его пунктов также затрагивали интересы крестьянства. В частности, один из пунктов предписывал возвращение под пахоту крестьянских участков площадью не менее 20 акров. Получается, что хозяйства малоземельных крестьян опять-таки лишались легитимной защиты от их возможной конверсии лендлордами в пастбища. Но зато в этом статуте содержались положения, обязывающие лендлордов восстанавливать крестьянские земледельческие хозяйства даже в тех случаях, когда они были проданы третьим лицам. Причем предусматривалось восстанавливать оные в тех же самых местах, где они находились ранее или же недалеко от них. Вместе с тем статут разрешал лендлордам при возвращении земли крестьянам требовать у них денежное возмещение за совершенные ими затраты на улучшение огороженных ими пахотных земель. Такое положение статута могло впоследствии затруднить реконверсию пастбищ для овец, ранее бывших пахотными крестьянскими землями, или же просто превратить крестьян в должников этих лендлордов.

Статут повысил роль королевских должностных лиц, которые занимались вопросами восстановления разрушенных крестьянских наделов, поскольку одна из его статей давала им право принимать решения в сложных случаях по огораживанию и организовывать земельный передел крестьянских хозяйств в манорах.

Итак, данный статут в отличие от предшествовавшего не обеспечивал сохранение малоземельных крестьянских хозяйств, а значит, они лишались легитимной гарантии своего существования. Также вне легитимной гарантии по-прежнему оставались общинные угодья, которые лендлорды ранее захватили. Закон не требовал их восстановления и возвращения крестьянам манора, по сути признавая права на них лендлордов-огораживателей. Фактически статут не вмешивался в поземельные отношения крестьян маноров и их лендлордов, а лишь рекомендовал восстанавливать снесенные крестьянские хозяйства и почти не касался деталей этого сложного и зачастую запутанного процесса. Видимо это объясняет тот факт, что в последующие десятилетия в Канцлерском суде рассматривалось огромное количество поземельных

¹ Джон Дадли, 1-й герцог Нортумберленд, 1-й граф Уорик, 1501–1553 гг.

тяжб между крестьянами (фригольдерами, копигольдерами), фермерами и лендлордами, многие из которых были следствием процесса огораживаний [5, 15, 16]. В свое время Р. Тоуни справедливо отметил, что важнейшим моментом в данном статуте, как и предыдущем, было учреждение королевских должностных лиц (commissioners), на которых отныне возлагалось расследование огораживаний и восстановление разрушенных крестьянских земледельческих хозяйств [9, p. 353].

В период правления Елизаветы I Тюдор продолжалось принятие законов против огораживаний и в поддержку пахоты. Так, в 1563 г. был принят «Акт о поддержке и о расширении пахоты» [2, 13 Eliz., cap. 2]. Прежде всего, этот статут предоставлял легитимные гарантии только крестьянским хозяйствам, у которых пахотные участки опять-таки были не менее 20 акров. Причем устанавливался длительный срок давности, аж с 1509 г. Но при этом подчеркивалось, что восстановлению подлежали лишь крестьянские хозяйства, которые были именно земледельческими. Статут не признавал законными огораживания, совершенные по договору (“by agreement”) двух сторон, как между крестьянами и лендлордами, так и между самими крестьянами. На тот момент так называемые огораживания по соглашению были еще новым явлением в английской деревне [17, p. 96–111], и правительство Елизаветы, очевидно, опасалось, что они могли быть лишь ширмой для последующих огораживаний пахотных земель и эвикции крестьян лендлордами. Статут не требовал реконверсии захваченных и огороженных ранее ленлордами наделов малоземельных крестьян-коттеров, находившихся в пределах одной мили от их домениальных хозяйств. Самим лендлордам разрешалось оставлять под пастбища ранее захваченные ими крестьянские угодья, но при этом они должны были в течение четырех лет постараться их улучшить и приспособить для пахоты.

Как видно, новый елизаветинский статут хотя и гарантировал защиту пахотных земель общинников, но далеко не все из них могли найти в нем легитимную гарантию держательских прав в своих манорах. Так, например, сохранение в статуте ставшего уже архаичным феодального принципа невмешательства центральной власти в пределы иммунитетных владений лендлордов в реальности могло лишить крестьян, имевших земельные держания в их манорах, легитимной гарантии. Вне сферы его действия по-прежнему оказывались и общинные угодья, ранее отторгнутые лендлордами и превращенные в пастбища, в парки для оленей и т.п.

Вскоре, в 1571 г., парламент принял очередной, но не совсем обычный статут «Об улучшении земледелия и развитии флота» [2, 13 Eliz., cap. 3]. Его специфика состояла в том, что он фактически не касался непосредственно лендлордов и крестьян, но был направлен на стимулирование землепашества в хозяйствах джентри и фермеров путем установления невысоких пошлин на вывозимое зерно. Тем самым он оказал положительное влияние на развитие внешней торговли Англии и, в частности, на экспорт зерна [9, p. 563–587; 18, p. 110–116, 147–149, 233–242; 19, c. 36–41].

В 1585 г. парламент при продлении в очередной раз закона 1563 г. «О поддержке и о развитии пахоты» включил в него добавочную статью, согласно которой незаконными считались лишь огораживания, совершенные за два последних года [2, p. 718]. Фактически это означало, что крестьянские

земли, захваченные и огороженные ранее, отныне лишались легитимной гарантии и не могли подлежать обязательному восстановлению, что являлось важной уступкой лендлордам-огораживателям.

В 1589 г. после неурожайных лет и разразившегося в 1586/1587 гг. голода парламент принял билль «О поддержке крестьянских хозяйств и пахоты». Однако королева его не подписала и он не стал статутом, т.е. законом. Но зато парламент принял билль о коттеджах, которые королева подписала, и он, соответственно, стал законом. Согласно ему вводился запрет на сдачу домов (коттеджей) безземельным лицам, т.е. потенциальным батракам, без четырех акров земли при каждом таком доме. Статут предписывал в одном доме селить только одну семью [2, 29 Eliz., cap. 7]. Принимая этот закон, королевская власть надеялась таким способом ограничить количество обезземеленных крестьян в стране, от которых не было пользы государству как в уплате ими субсидий, так и в возможном привлечении их в ополчения графств. Несомненно, этот закон способствовал усилению бродяжничества пауперов и осложнил деятельность фермеров, так как не позволял им содержать рядом со своими хозяйствами потенциальных наемных рабочих.

Вскоре во время сессии парламента 1592–1593 гг. в Палате общин при обсуждении вопроса о продлении статута 1563 г. «О поддержке и о развитии пахоты» депутаты от нового дворянства настояли, чтобы его статьи, касающиеся пахотных наделов крестьян, а также наказаний за их нарушения, были исключены из статута. Однако сам закон был вновь продлен [2, 35 Eliz., cap. 7]. Вероятно одной из причин отмены его ключевых статей был спор в палате общин о субсидиях [20, p. 484–488, 491, 492]. Королева пожертвовала интересами крестьянства в угоду своим финансовым интересам, т.е. получению от парламента требуемой суммы субсидий.

Следствием изменения курса аграрного законодательства стало усиление огораживаний и эвикции крестьян с их пахотных наделов в середине 1590-х гг. Поскольку это совпало с рядом неурожайных лет (1594–1597), то вызвало локальные крестьянские мятежи. Очевидно, все это заставило Тайный совет представить на обсуждение парламента во время сессии 1597–1598 гг. два новых законопроекта об огораживании и поддержке крестьянских хозяйств. Назывались они соответственно «Акт о поддержке земледелия и пахоты» и «Акт против упадка селений и пахоты» [2, 39 Eliz., cap. 1, 2]. Оба они напрямую имели отношение к крестьянам, что было отражено в их названиях. Так, первый из них предписывал возвращение под пахоту всех ранее обращенных в пастбища пахотных наделов крестьян, начиная с начала правления Елизаветы I Тюдор, т.е. с 17.11.1558. Правда при этом содержалась оговорка о том, что восстанавливались лишь такие пахотные земли, которые до этого, т.е. до начала правления королевы, использовались на протяжении 12 лет в качестве пахотных полей. Поэтому крестьянам, желавшим восстановления своих земледельческих хозяйств, на деле требовалось доказать факты использования этих земель именно под пахотой, начиная с 1546 г. В действительности в манориальных судах сделать это спустя почти полвека было непросто. Для этого, как минимум, надо было иметь на руках какие-либо письменные документы и желательно представить свидетелей. Статут к тому же был географически ограничен 23 графствами, островом Уайт и епископством Дарем.

Правда, статут содержал пункт, требовавший от огораживателей выплачивать крестьянам деньги при восстановлении их пахотных наделов. В то же время он сохранял установившееся до этого правило о легитимных гарантиях лишь не менее чем 20 акровых пахотных полей крестьян. Это означало, что все малоземельные крестьянские хозяйства по-прежнему не имели легитимной гарантии своего сохранения в манорах. К тому же, хотя статут и обязывал восстанавливать снесенные хозяйства крестьян, но допускал очень невысокие темпы их восстановления: два крестьянских хозяйства в год каждым ленлордом-огораживателем. Более того, им даже разрешалось восстанавливать их не на прежнем месте, а в другом «удобном» месте манора. Однако для кого это другое место было «удобным»: для крестьян или ленлорда, статут не конкретизировалось. При такой правовой неопределенности на практике это могло вылиться в выселение крестьян на плохие, отдаленные и бросовые земли. Кроме того, статут разрешал ленлордам производить обмен землями с крестьянами при восстановлении их пахотных наделов.

Не менее важным был пункт закона, требовавший от огораживателей выплачивать крестьянам денежную компенсацию при восстановлении их пахотных наделов. Однако статут сохранял установившееся задолго до этого правило о легитимных гарантиях лишь не менее чем 20 акровых крестьянских пахотных наделов. Значит, по-прежнему малоземельные крестьянские хозяйства оставались вне сферы действия статута, а ленлорды могли их захватывать и обращать их земли в пастбища [4, с. 223, 224].

К тому же статут не разъяснял процедуру реконверсии ленлордами бывших крестьянских наделов, проданных, подаренных и т.п. ими третьим лицам еще до его принятия. Лишь в одной из его статей оговаривалось, что лица, купившие бывшие крестьянские наделы, обязаны восстанавливать лишь их четвертую часть от общей площади. В то же время статут не конкретизировал, кто должен (или вообще должен ли!) восстанавливать остальные 3/4 бывших пахотных наделов крестьян. Фактически это означало молчаливую легализацию их конверсии ленлордами маноров. Очевидно, в связи с социальной напряженностью в стране из-за массовых огораживаний в предшествующие годы Тайный совет отправил распоряжения шерифам и мировым судьям в графствах, в которых требовал от них немедленного исполнения вновь принятых аграрных статутов [21, р. 388, 389]. Впоследствии оба эти статута будут действовать в королевстве до 1604 г., когда они не были продлены первым парламентом нового короля Якова I Стюарта. Однако в 1607 г. из-за разразившегося крестьянского восстания в ряде центральных графств они будут вновь продлены по решению того же парламента и действовать до конца его правления, а затем и в период правления Карла I Стюарта.

Таким образом, в эпоху Тюдоров парламентом был принят ряд статутов, а монархами издавались прокламации, направленные на запрещение или ограничение конверсии ленлордами пахотных земель крестьян с последующей их эвикцией. Были изданы законы, предписывающие проводить реконверсию пастбищ в пахоту, ограничивать размеры манориальных хозяйств, ферм, количества овец в одном хозяйстве и т.п. Можно ли их назвать однозначно «феодальным законодательством» эпохи абсолютизма? Сохраняя преемственность аграрного законодательства первых Тюдоров, последние елиза-

ветинские аграрные законы были более детализированными, включали ряд новых моментов, отражавших аграрные реалии в стране, как, например, распространение так называемых «огораживаний по соглашению» и общее усиление процесса конверсии лендлордами пахотных земель крестьян в пастбища для овец, т.е. буржуазную тенденцию в развитии аграрного сектора экономики. И хотя в них были прописаны жесткие административные и юридические меры по недопущению эвикции крестьян с их пахотных земель, но кабинет Елизаветы начинает осознавать необходимость экономических методов регулирования процесса огораживаний, а также необходимость сохранения и развития овцеводства, от чего зависело развитие сукнодельческих мануфактур, поступление в казну от экспорта сукна и т.п. Видимо этим и объясняется существование в законах «лазеек» для огораживателей, которые способствовали продолжению процесса огораживаний. Именно это, а не только их плохое исполнение местными должностными лицами, как это ранее считалось, стало причиной того, что процесс огораживаний крестьянских земель с эвикцией самих крестьян продолжался. Вместе с тем существование аграрного законодательства, в котором было немало феодальных черт, все-таки сдерживало темпы этого процесса. Он усиливался лишь тогда, когда законы в отношении огораживаний приостанавливались, как это случилось в 1593–1598 гг. [4, с. 194, 195]. Действующие аграрные законы побуждали лендлордов чаще прибегать к легальным методам эвикции крестьян, в частности посредством повышения фэйнов, что особенно наблюдалось в юго-западных графствах Англии [22, с. 440], а также заключать так называемые договоры по огораживанию со своими держателями [17, р. 94–111]. Все это способствовало переходу от системы открытых полей к выделенной системе хозяйствования части крестьянства и созданию экономических условий для распространения фермерства, а значит и переходу к капиталистическим методам хозяйствования.

Библиографический список

1. Statutes of The Realm of England : in 10 vol. / ed. by A. Luders, T. E. Tomplins. – London, 1818. – Vol. III. – 1032 p.
2. Statutes of The Realm of England : in 10 vol. / ed. by A. Luders, T. E. Tomplins. – London, 1819. – Vol. IV. – 1275 p.
3. Tudor Royal Proclamations : in 2 vol. / ed. by P. L. Hughes, J. F. Larkin. – New-Haven ; London : Yale University Press, 1964. – Vol. I. – 642 p.
4. **Митрофанов, В. П.** Крестьяне и государство в Англии. 1550–1640 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / Митрофанов В. П. – Пенза, 2001. – 392 с.
5. Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth : in 3 vol. – London, 1830. – Vol. II. – 527 p.
6. **Overton, M.** Agricultural Revolution? Development of The Agrarian Economic in Early Modern England / M. Overton // Explorations in Historical Geography / eds.: A. R. H. Baker, D. J. Gregory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 118–139.
7. **Overton, M.** Agricultural Revolution in England: The Transformation of The Agrarian Economy, 1500–1850 / M. Overton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 257 p.
8. **Thirsk, J.** Enclosures and Engrossing / J. Thirsk // The Agrarian History of England and Wales : in 6 vol. Vol. IV. 1500–1640 / ed. by J. Thirsk ; gen. ed. H. P. R. Finberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 1967. – P. 200–255.

9. **Tawney, R. H.** Agrarian Problem in the 16-th Century / R. H. Tawney. – London ; New York : Longmans, Green and C^o, 1913. – 438 p.
10. **Митрофанов, В. П.** Англоязычная историография аграрной политики Тюдоров и первых Стюартов / В. П. Митрофанов // История. Общество. Политика. – 2017. – № 1 (1). – С. 198–207.
11. **Митрофанов, В. П.** Некоторые проблемы аграрной истории Англии раннего Нового времени в работах Дж. Тирск / В. П. Митрофанов // Известия Самарского научного центра РАН / гл. ред. В. П. Шорин. – 2009. – Т. 11, № 6. – С. 213–215.
12. **Митрофанов, В. П.** Крестьяне и государство в Англии (1550–1640 гг.). Социально-экономическая история, аграрная политика Тюдоров и Стюартов / В. П. Митрофанов. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. – 368 с.
13. **Семенов, В. Ф.** Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века / В. Ф. Семенов. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1949. – 372 с.
14. **Савин, А. Н.** Английская секуляризация / А. Н. Савин. – Москва : Кушнерев и К^o, 1906. – 489 с.
15. Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth : in 3 vol. – London, 1827. – Vol. I. – 565 p.
16. Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth : in 3 vol. – London, 1832. – Vol. III. – 398 p.
17. **Kerridge, E.** Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After / E. Kerridge. – London : Allen and Unwin, 1969. – 216 p.
18. **Gras, N. S.** The Evolution of English Corn Market. From The 12-th to 18-th centuries / N. S. Gras. – Cambridge : Cambridge University Press, 1915. – 498 p.
19. **Митрофанов, В. П.** Продовольственный рынок в Англии и политика тюдоров и первых стюартов (1550–1640 годы) / В. П. Митрофанов // Новая и новейшая история. – 2014. – № 6. – С. 32–44.
20. **D'Ewes.** A Compleat Journal of The Votes, Speeches and Debates, Both of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign of Queen Elizabeth, of glorious memory / D'Ewes. – London, 1693. – 689 p.
21. Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England : in 32 vol. / ed. by J. R. Dasent. – London : H. M. Stationery Office, 1904. – Vol. XXVIII. – 708 p.
22. **Винокурова, М. В.** Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII века) / М. В. Винокурова. – Москва : Наука, 2004. – 493 с.

References

1. *Statutes of The Realm of England: in 10 vol.* Ed. by A. Luders, T. E. Tomplins. London, 1818, vol. III, 1032 p.
2. *Statutes of The Realm of England: in 10 vol.* Ed. by A. Luders, T. E. Tomplins. London, 1819, vol. IV, 1275 p.
3. *Tudor Royal Proclamations: in 2 vol.* Ed. by P. L. Hughes, J. F. Larkin. New-Haven; London: Yale University Press, 1964, vol. I, 642 p.
4. Mitrofanov V. P. *Krest'yane i gosudarstvo v Anglii. 1550–1640 gg.: dis. d-ra ist. nauk* [Peasants and the state in England. 1550–1640: dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Penza, 2001, 392 p. [In Russian]
5. *Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth: in 3 vol.* London, 1830, vol. II, 527 p.
6. Overton M. *Explorations in Historical Geography*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 118–139.
7. Overton M. *Agricultural Revolution in England: The Transformation of The Agrarian Economy, 1500–1850*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996, 257 p.
8. Thirsk J. *The Agrarian History of England and Wales: in 6 vol. Vol. IV. 1500–1640*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967, pp. 200–255.

9. Tawney R. H. *Agrarian Problem in the 16-th Century*. London; New York: Longmans, Green and Co, 1913, 438 p.
10. Mitrofanov V. P. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Policy]. 2017, no. 1 (1), pp. 198–207. [In Russian]
11. Mitrofanov V. P. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2009, vol. 11, no. 6, pp. 213–215. [In Russian]
12. Mitrofanov V. P. *Krest'yane i gosudarstvo v Anglii (1550–1640 gg.). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya, agrarnaya politika Tyudorov i Styuartov* [Peasants and the state in England (1550–1640). Social and economic history, agrarian policy of the Tudors and Stuarts]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011, 368 p. [In Russian]
13. Semenov V. F. *Ogorazhivaniya i krest'yanskie dvizheniya v Anglii XVI veka* [Enclosures and peasant movements in England of XVI century]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949, 372 p. [In Russian]
14. Savin A. N. *Angliyskaya sekulyarizatsiya* [English secularization]. Moscow: Kushnerev i K°, 1906, 489 p. [In Russian]
15. *Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth: in 3 vol.* London, 1827, vol. I, 565 p.
16. *Calendar of the proceedings in Chancery, in the Reigns of Queen Elizabeth: in 3 vol.* London, 1832, vol. III, 398 p.
17. Kerridge E. *Agrarian Problems In The Sixteenth Century and After*. London: Allen and Unwin, 1969, 216 p.
18. Gras N. S. *The Evolution of English Corn Market. From The 12-th to 18-th centuries*. Cambridge: Cambridge University Press, 1915, 498 p.
19. Mitrofanov V. P. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 2014, no. 6, pp. 32–44. [In Russian]
20. D'Ewes. *A Compleat Journal of The Votes, Speeches and Debates, Both of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign of Queen Elizabeth, of glorious memory*. London, 1693, 689 p.
21. *Great Britain. Privy Council. Acts of The Privy Council of England: in 32 vol.* Ed. by J. R. Dasent. London: H. M. Stationery Office, 1904, vol. XXVIII, 708 p.
22. Vinokurova M. V. *Mir angliyskogo manora (po zemel'nyim opisyam Lankashira i Uiltshira vtoroy poloviny XVI – nachala XVII veka)* [The world of the English manor (according to the land records of Lancashire and Wiltshire of the second half of the XVI – the beginning of the XVII century)]. Moscow: Nauka, 2004, 493 p. [In Russian]

Митрофанов Владимир Петрович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Mitrofanov Vladimir Petrovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history and social
sciences, Penza State University
(40, Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Митрофанов, В. П. Динамика аграрного законодательства в тюдоровской Англии / В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 3–13. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-1.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛЕВЫХ ЛИБЕРАЛОВ-ЭКОНОМИСТОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования состоит в изучении концептуальных моделей пореформенной модернизации России сер. XIX в. в аграрной сфере, представленных экономистами леволиберального направления – А. С. Посниковым, А. И. Чупровым, А. А. Кауфманом. Анализ экономических воззрений ученых-экономистов позволяет дифференцировать отдельные течения в отечественном либерализме (леволиберальное, полународническое) и осмыслить альтернативные модели экономического пореформенного развития сельского хозяйства. Предложенные либеральными экономистами рецепты возрождения сельского хозяйства в России, путь трансформации общины в современное фермерство, идеи комплексной модернизации сельского хозяйства, основанные на масштабной государственной поддержке, актуальны для современной России.

Материалы и методы. Источниками исследования являются труды по экономике и материалы научной публицистики, позволившие выявить ключевые проблемы споров о характере, направленности и путях реформирования российского общества, его центрального вопроса – роли крестьянства и крестьянской общины в экономическом развитии страны. В работе используется метод сравнительного анализа, позволяющий выявить различия во взглядах на общину представителей классического либерализма (Герье, Чичерин) и левых либералов (А. С. Посникова, А. И. Чупрова, А. А. Кауфмана).

Результаты. На основании анализа концепций левых либералов реконструирована модель экономического прогресса страны, предполагавшая сохранение и трансформацию общинных начал в правильно организованное фермерство. В исследовании выявлена значимая роль в реконструкции аграрного пореформенного сектора таких важных компонентов, как аренда, меры государственной поддержки крестьянству.

Выводы. В процессе анализа дискуссии о пореформенной общине было установлено, что леволиберальные экономисты предложили альтернативную модель пореформенного развития аграрных отношений. К сожалению, результаты их научной деятельности не были учтены в проведении столыпинской реформы, которая, как известно, привела к обострению социально-политического кризиса в 1917 г. Комплексный характер мер по улучшению агрокультуры и землепользования, предложенный леволиберальными экономистами, не утратил своей теоретической и практической значимости по сей день.

Ключевые слова: аренда, община, частная собственность, государственное вмешательство в аграрные отношения, пореформенное развитие, фермерство, левый либерализм, народничество, капитализм.

PEASANT COMMUNITY AT THE END OF THE XIX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN THE ASSESSMENTS OF DOMESTIC LEFT-WING LIBERAL ECONOMISTS

Abstract.

Background. The relevance of the study consists in studying conceptual models of the post-reform modernization of Russia of the XIX century in the agricultural sector, represented by left-wing liberal economists A. S. Posnikov, A. I. Chuprov, A. A. Kaufman. An analysis of the economic views of scientists and economists allows us to differentiate individual trends in domestic liberalism (left-wing liberal, semi-populist), and comprehend alternative models of the economic reform of agriculture. The recipes proposed by liberal economists for the revival of agriculture in Russia, the path of community transformation into modern farming, based on large-scale government support, are relevant for modern Russia.

Materials and methods. Sources of the research are works on economics and materials of scientific journalism, which made it possible to identify the key problems of disputes about the nature, direction and ways of reforming Russian society, its central issue – the role of the peasantry and peasant community in the economic development of the country. In the work, a comparative analysis method is used, which allows to identify differences in the views on the community of representatives of classical liberalism (Gierier, Chicherin) and left-wing liberals.

Results. Based on the analysis of the concepts of left-wing liberals, the model of the country's economic progress was reconstructed, which presupposed the preservation and transformation of the community principles into well-organized farming. The study revealed a significant role in the reconstruction of the post-reform agricultural sector of such important components as rent, measures of state support to the peasantry.

Conclusions. In the process of analyzing the discussion about the post-reform community, it was found that left-wing liberal economists proposed an alternative model for the post-reform development of agrarian relations. Unfortunately, the results of their scientific activities were not taken into account in the implementation of the Stolypin reform, which, as is known, led to an aggravation of the socio-political crisis in 1917. The comprehensive nature of measures to improve agriculture and land use, proposed by left-wing liberal economists, has not lost its theoretical and practical significance to this day.

Keywords: rent, community, private property, state intervention in agrarian relations, post-reform development, farming, left-wing liberalism, populism, capitalism.

Проблема роли крестьянской общины в пореформенной жизни России была одной из центральных в общественной мысли страны второй половины XIX – начала XX в. Ее сохранение или ликвидация определяли модель и характер экономической модернизации страны. Поскольку Великая реформа 1861 г., освободившая крестьян от крепостного состояния, существенным образом не коснулась общинного уклада крестьянской жизни, вопрос о будущем общины стал предметом масштабной общественной дискуссии, в которой приняли участие не только публицисты и литераторы, но и представители профессионального научного сообщества, экономисты.

Дискуссии об общине, кроме того, не только стали своеобразным водоразделом между народниками и либералами, но и обозначили существенные

идейно-теоретические разногласия в среде самой отечественной либеральной мысли. Теоретическая аргументация леволиберальных экономистов А. С. Поникова, А. И. Чупрова, А. А. Кауфмана по-новому высветила идейные постулаты российского либерализма, скорректировала привычные стереотипные клише пореформенных идеологий. Острота дискуссий об общине пришла на середину-конец 1870-х гг., когда стало очевидным установление капитализма, а страна столкнулась с серьезным социально-политическим кризисом. В это тяжелое время в правительстве и общественных кругах произошло осознание глубины и сложности решения крестьянского вопроса, проявившегося в прогрессирующем малоземелье. Не случайно земцы-либералы, демократические публицисты заговорили о неудаче крестьянской реформы. Поскольку специально взгляды левых либералов по проблеме общины не изучались, то предметом настоящей статьи является анализ этого аспекта их экономических воззрений. С этой точки зрения представляется необходимым рассмотреть научную аргументацию, которую леволиберальные экономисты выдвигали в своей полемике с либералами классического типа, до конца защищавшими позиции дворянства.

В спорах об общине определились два магистральных теоретических подхода. Первый олицетворяли представители классического либерализма В. И. Герье и Б. Чичерин, обосновывавшие развитие подворного крестьянского хозяйства и призывавшие к уничтожению общины, которая, по их мнению, препятствовала развитию отношений свободы и собственности. Второй лагерь представляли как народники, так и представители левого либерализма, считавшие необходимым использовать институт общины в целях реконструкции народного хозяйства. К этой группе относились профессиональные экономисты, глубоко знавшие опыт западноевропейских стран.

Последовательными и убежденными критиками общины выступили В. И. Герье и Б. Н. Чичерин. Следуя руслу рыночного либерализма, они решительно возражали князю А. Васильчикову, ученому славянофильского направления, в утверждении о прогрессирующем упадке частновладельческого помещичьего хозяйства и непременном переходе помещичьих земель в руки крестьян. «Если существует на свете логика, то отсюда прямо следует, что мы должны благословить влияние европейской цивилизации, которое усилило помещичий элемент на нашей западной окраине. Между тем кн. Васильчиков не только считает это влияние вредным, но с удовольствием заявляет, что даже и тот малочисленный помещичий элемент, который существует ныне в России, быстро исчезает, уступая место крестьянству» [1, с. 227].

Критики князя Васильчикова обвиняли правительство в ограничении купли-продажи земли, в стремлении «огрabitь» помещичье хозяйство, при этом подчеркивая экономическую несостоятельность мира, общины. По их мнению, власть помещика кроме угнетения имела положительную сторону в попечении, а вот власть общины «часто составляет искушение», поскольку большая часть избытков мира идет на мирские попойки. «Нет приговора, который бы обходился без вина», а сами сходки часто происходили около кабаков. По мнению критиков мира, крестьянин-общинник был лишен какой-либо мотивации и заинтересованности в хозяйственных улучшениях. «Крестьянин не заботится о будущем, не думает об обеспечении своих детей, он живет исключительно настоящим днем», – констатировали либеральные ав-

торы [1, с. 234]. В сохранении общины с ее периодическими переделами крестьянских наделов они видели юридический нонсенс. Периодические переделы земли, по их мнению, были уместны тогда, когда крестьянин нес податные повинности перед своим владельцем. С обретением же свободы, с изменением юридического статуса, при котором крестьянин стал собственником надела, такие переделы земли утратили всякий смысл. «С освобождением крестьян и с выкупом угодий, земля, в первый раз с начала русской истории, сделалась полной собственностью крестьян. Обязанность превратилась в право, повинность в собственность. Спрашивается: кто же тут является собственником: община или отдельные домохозяева? Очевидно, что собственником земли делается тот, кто ее покупает, а покупают ее отдельные домохозяева, которые платят за нее выкуп из собственного кармана, по количеству душ, на которые они получили надел... По существу выкупная ссуда должна считаться долгом, лежащим на участке, который уже и ныне должен быть признан полной собственностью покупающего ее крестьянина. Община же является тут лишь поручительницей...» [1, с. 238].

Таким образом, либералы приходили к заключению, что ни юридически, ни экономически существование общины не являлось оправданным, так как вступало в противоречие со священным правом частной собственности. При этом следует заметить, что ни Чичерин, ни Герье, придерживающиеся классических постулатов экономического либерализма, не брали в расчет, что сама Великая реформа 1861 г. имела политическую мотивацию поддержания социальной стабильности и недопущения пролетаризации населения, способной породить социальный взрыв.

К сожалению, в современной российской литературе либерально-рыночная интерпретация социально-экономической роли общины довольно распространена. Так, в работах современных экономистов обосновывается тезис, что община «была основана на принуждении миллионов людей к сохранению отсталой минималистской схемы общежития, дававшей широчайшие возможности для управления этими людьми» [2, с. 11].

Между тем идея сохранения общины как социально-экономического института имела много сторонников. Народники связывали с сохранением общины обуздание негативных последствий рынка, разоряющей крестьянина и его хозяйство конкуренции. В этой связи весьма показательны оценки Н. К. Михайловского, лидера народников-реформистов. Не будучи убежденным сторонником общины как института, выступая за идею автономной и свободной личности как основополагающую цель развития, он, тем не менее, полагал, что сохранение общины является разумной мерой, помогающей крестьянам адаптироваться к рынку. В статье «Политическая экономия и общественная наука» (1878), вышедшей почти одновременно с работой Герье и Чичерина, он писал: «Община дорога не сама по себе, как идол какой-нибудь. Подумайте и осуществите что-нибудь лучше в смысле ограждения личности мужика от бурь промышленности, конкуренции, кто же бы стал тогда требовать ее сохранения» [3, с. 330]. Кстати, очень многие народники-реформисты довольно определенно выступали за государственную поддержку крестьянству посредством доступного кредита и создания ссудо-сберегательных касс. Это убеждение вытекало из понимания надклассовой природы российского государства, которое при определенных условиях может стать «службой наро-

да» и осуществлять реформы «сверху». В этой связи кажутся весьма спорными доводы М. А. Давыдова, который сводит намерения «народолюбивой интеллигенции» и земских начальников лишь к конкуренции за право эксплуатировать крестьянство: «Если отвлечься от риторики и левых, и правых, и “либералов”, – пишет автор, – то в основе их действий, безусловно, лежало стремление так или иначе управлять 100 млн крестьян. Только первые требовали, чтобы в роли управляющего выступала “народолюбивая интеллигенция”, вторые – земские начальники – чиновники МВД, а третьи – земство. И – по большому счету – конкурировали они прежде всего за своего рода “мандаринат”, за “кормовую площадь”, *стиль*, каковой им представлялась русская деревня – не важно под какими лозунгами!» [2, с. 11].

Совершенно иначе на общину смотрели ученые-экономисты А. С. Посников, А. И. Чупров и А. А. Кауфман. Исследуя социально-экономические проблемы российского крестьянства, осмысливая влияние капитализма на крестьянскую жизнь, они тщательно исследовали экономику общины, выдвигая весомые аргументы против апологетов классического рынка и неограниченной частной собственности.

Александр Сергеевич Посников – один из выдающихся экономистов леволиберального направления – вошел в историю русской экономической мысли как редактор независимой демократической газеты «Русские ведомости», президент Императорского Вольного экономического общества. В 1917 г. он возглавил Главный земельный комитет Временного правительства. Будучи принадлежащим к плеяде видных экономистов-либералов, таким как В. Соболевский, Н. Зибер, А. Чупров, Посников получил известность благодаря своим исследованиям крестьянского мира. Его книга «Общинное землевладение» во многом изменила характер внутрироссийского дискурса по этой проблеме. Ему первому из отечественных исследователей «удалось освободить сам предмет дискуссии от славянофильского, а также утопически-социалистического “тумана” и впервые поставить вопрос о русской общине на научную почву как экономическую проблему. Аргументация А. С. Посникова оказалась столь убедительной, что в существенной степени ослабила доводы противников общинного землеустройства. Первая часть книги послужила основой для его магистерской (1875), а вторая часть – докторской (1878) диссертации» [4, с. 39]. Он явился инициатором создания и впоследствии стал директором Политехнического института в Санкт-Петербурге (1899). Его научная деятельность высоко оценивалась властью, а С. Ю. Витте намеревался представить его Николаю II в качестве товарища министра [4, с. 39].

Анализу русской общины предшествовало глубокое знакомство А. С. Посникова с земледелием Англии, Германии, Дании. Этому в немалой степени способствовала и его научная командировка в Германию, предпринятая в начале 1870-х гг.

Наиболее обстоятельно он изучил опыт самой передовой капиталистической страны, Англии, отличавшейся интенсивным сельским хозяйством. Зачастую к опыту Англии обращались и российские защитники частной собственности, доказывая неэффективность, отсталость любых коллективных форм хозяйствования. В этом смысле британское земледелие выступало в качестве некоего образца. По мнению А. С. Посникова, в правительственных сферах и среди экономистов сложились убеждения, что личный интерес

является двигателем прогресса. Такие взгляды «вошли в катехизис ежедневных наших пониманий», стали незыблемыми догматами. Сторонники частной собственности утверждали, что при общинном пользовании личный интерес состоит лишь в истощении и ограблении земли, в то время как лишь частное хозяйство в полной мере удовлетворяет интересы собственника [5, с. 5].

Опыт Англии, исследованный экономистом, решительно опровергал такое мнение. Посников сфокусировал свой интерес на хозяйстве английских фермеров, которые, как и русские крестьяне, не являлись собственниками земли, а лишь арендаторами у крупных владельцев земли. «Процветание сельского хозяйства Англии – факт вполне необъяснимый по теории поклонников частной собственности на землю даже и с этой стороны. Собственность, притом еще “неограниченная”, считается по этой теории абсолютным условием земельного прогресса; а между тем Англия, представляя образчик высокого хозяйства, вовсе не знает формы “неограниченной собственности”, и право собственности на землю означает там далеко не то право, каким пользуется собственник континентальный. Не говоря уже о том, что по понятию английского права собственность на землю принадлежит короне, а все те, кого обыкновенно считают собственниками, не более как узуфруктуары, владельцы...» [5, с. 57, 58]. Не усматривал экономист и господства свободного рынка в Англии, неоднократно подчеркивая, что законы рыночного регулирования и свойственная рынку мобилизация земли имели весьма ограниченный характер в английском сельском хозяйстве, что также мало вязалось с его капиталистическим характером [5, с. 58].

Оценивая успехи фермерского хозяйства, экономист приходил к выводу, «что процветанием своего сельского хозяйства Англия обязана фермерам... Значение *поземельного собственника* (курсив наш – В. Б.) в земледельческом прогрессе Соединенного Королевства сводится к роли безучастного зрителя, главнейшая обязанность которого состоит в том, чтобы не мешать фермеру расходовать свой капитал на улучшение земли» [5, с. 55]. По мнению ученого, эти факты противоречат утверждениям об эффективности частного хозяйства. В Англии, в стране с интенсивным сельским хозяйством «расходы на улучшения всех видов предпринимаются фермерами, или иначе, – временными владельцами земли. Такие выводы, безусловно, наносили тяжелый удар по аргументации противников общинного землевладения» [5, с. 56].

А. С. Посников был убежден в прогрессивности института аренды. «На основании прочных гарантий, предоставляемых современной арендой, она и является образцовой формой хозяйства, привлекающей к земледелию такой капитал, располагать которым не в состоянии земельный собственник» [5, с. 73].

Сочетание аренды с вмешательством государства в аграрную сферу составляют условия эффективного ведения интенсивного сельского хозяйства. Фактически А. С. Посников приходил к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, разбивая миф о безграничном господстве в Англии, стране развитого капитализма рыночных механизмов регулирования. Не частные собственники, а арендаторы в первую очередь заинтересованы в хозяйственных улучшениях. Выводы относительно Англии отличались репрезентативностью,

подтверждались опытом Германии и ряда других стран континентальной Европы.

Естественно в этой связи он задавался вопросом о применимости европейского опыта к российской пореформенной действительности и предлагал вариант решения аграрного вопроса, учитывающего сохранение общинного землевладения. Вопрос ученого имел, очевидно, риторический характер. «Если затраты на землю возможны для фермера, лица, пользующегося временно чужой землей, отчего же они не доступны члену общины, пользующемуся мирской землей в течение известного времени»? [5, с. 74].

Несомненно, важным итогом исследований А. С. Посникова была научная убежденность в том, что юридическая форма ведения хозяйственной деятельности (собственность или владение) не оказывает решающего влияния на ее эффективность. Так, очевидно, обычай переделывать поля не может мешать развитию земледелия, как не мешает ему срочность арендных условий. «Общинное владение наших крестьян, допускающее периодические переделы, не имеет в себе ничего зловредного, ничего, что ставило бы ее ниже... частной собственности» [5, с. 77].

Не является препятствием для развития земледелия и срочность аренды. Абсолютно неважно, краткосрочная или долгосрочная аренда. В данном случае важно *право аренды* (tenant right), под защитой которого фермеры расходуют свой капитал на значительные улучшения. Основная идея (tenant right) – это обеспечение затрат фермера, которые еще не окупились [5, с. 96]. Аналогичны тому периодические переделы земли в русской общине. Они не могут быть тормозом для крестьянского хозяйствования. Наилучшим сроком, по мнению экономиста, являются переделы в 20–30 лет, но дело даже не в их частоте, а в том, что они не должны быть произвольными. «Мы согласны, что там, где переделы не имеют обычных, определенных сроков, где они совершаются в каждый данный момент произвольно, там они могут быть вредны» [5, с. 109].

При этом ученый отмечал, что практика аренды в России, к сожалению, имеет много негативных проявлений. Наиболее вопиющее представляло «заарендование», при котором аренда осуществляется не у собственника, а у посредника. В результате появлялся паразитический слой посредников-кулаков, незаинтересованных в прогрессе земледелия. В этом случае он предлагал обратиться к европейскому опыту по ограничению спекулятивных операций. Средством такого ограничения могло бы стать составление контрактов, запрещающих торговлю землей [5, с. 118].

А. С. Посников, в отличие от Чичерина и других убежденных рыночников, стоял за необходимость активного вмешательства государства в аграрную сферу, поскольку осознавал ограниченность возможностей вышедших из общины собственников. Это касалось вопросов природопользования, местных дорог, лесов и т.д., бывших в управлении общины. Частный собственник не имел для решения общественных вопросов ни средств, ни возможностей. «Если земли какой-нибудь общины будут раздроблены и обращены в частную собственность ее членов, то для решения вопроса, положим об осушении какой-либо местности, составляющей часть этой обращенной в собственность земли, необходимо добиваться единогласного постановления всех собственников, которым эта местность принадлежит, или же вмешатель-

ства закона. Опыт указывает, что без такого вмешательства высшей власти, принуждающей отдельных лиц к известному улучшению, согласие это не может быть получено» [5, с. 129].

Понимание масштабности землеустроительной деятельности привело экономиста к необходимости устройства на месте ликвидированных общин компаний собственников, товариществ. «В общинном владении мы находим все отличительные черты современных товариществ, организуемых принудительно или свободно с целью произведения особенно обширных и ценных улучшений... Говорить, что общинное владение мешает произведению подобных работ, значит быть в полном неведении относительно способа современного произведения его на Западе» [5, с. 132, 133].

Весьма символично, что в годы после Гражданской войны 1920–1921 гг. община стихийно восстановилась, что наглядно свидетельствует как о жизнеспособности этого института для крестьян, так и о справедливости анализа А. С. Посникова.

«Община регулировала не трудовую деятельность крестьянина, а необходимые для нее условия, включая сюда принудительные севообороты, порядок чередования культур, систему полеводства, сроки начала и окончания полевых работ и т.д. Отвлекаясь от конкретных сфер крестьянской жизни, будь то ведение хозяйства, взаимопомощь или поведение в быту, функции общины: организация, уравнивание, распределение и надзор. Они закреплялись и осуществлялись через институт сельского схода, а равно и должности общинного самоуправления», – отмечают исследователи [6].

Главным условием хозяйственного прогресса в аграрной сфере А. С. Посников считал не только активное вмешательство государства в аграрную сферу, но и создание своеобразной инфраструктуры государственной помощи, которая предполагала как техническое, так и финансовое содействие земледелию. «Правительству придется содержать особый штат инженеров и техников, чрез которых оно будет составлять иногда планы предстоящих улучшений. Проверять представленные проекты, в некоторых случаях заведывать работами и всегда контролировать их... Затем необходимо определить способы, посредством которых организованные союзы будут составлять необходимый для произведения работ капитал» [5, с. 137]. По примеру Пруссии правительство должно дать производителям финансовые гарантии.

Программа, представленная А. С. Посниковым, гарантировала безболезненное, учитывающее традиционно сложившиеся формы хозяйствования, развитие общины, которое было экономически оправданным при условии продуманной государственной поддержки. Не случайно результаты исследований и опыт экономиста были востребованы правительством, привлекавшим его к деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1905 гг. Он отчетливо осознавал глубину проблемы и в отличие от рыночных догматиков не связывал прогресс сельского хозяйства с насильственной ломкой традиционного уклада. В своих выступлениях он неоднократно и настойчиво предостерегал от соблазна превращения крестьян в частных собственников без изменений условий общественной жизни, что было чревато ухудшением положения крестьянства. Будучи председателем Всероссийского съезда представителей кооперативных учреждений, проходившего в Москве 16–21 апреля 1908 г., он напомнил о необходимости вдум-

чивого отношения к преобразованиям в аграрной сфере, о недопустимости расшатывания «бытовых форм землевладения» [4, с. 40].

Закономерно, что А. С. Посников явился убежденным противником столыпинской аграрной реформы, его возмущало бюрократическое, насильственное навязывание реформы «сверху» [7, с. 33].

Взгляды А. С. Посникова на общину и постепенное реформирование крестьянской жизни с сохранением сложившихся бытовых форм разделял другой экономист – А. А. Кауфман. Изучая колонизационные процессы, становление земледелия в Сибири (Тобольской губернии), где, как известно, развивалось индивидуальное заимочное хозяйство, А. А. Кауфман пришел к выводу об отсутствии каких-либо преимуществ частного хозяйства перед общинным. Отвечая на вопрос, «в какой мере богачи-заимочники, хозяйствуя с выгодой для самих себя, являются проводниками улучшенных способов полеводства», он пришел к отрицательному заключению. «Система полеводства, которой держатся богачи-заимочники, – это та же комбинация переложного хозяйства с паром, которой держится в многоземельных местностях Сибири вся масса населения; о переходе к хозяйству с удобрением заимочники думают так же мало, как и беднейшие из их соседей». По убеждению А. А. Кауфмана, «превосходство хозяйства крупных заимочников над хозяйством бедняков основывается, таким образом, не на большем знании, опытности, инициативе и т.п. качествах, свободное проявление которых могло бы привести к общепольным результатам, а исключительно на их большем богатстве» [8, с. 262].

Единомышленник А. С. Посникова и А. А. Кауфмана, выдающийся экономист, профессор А. И. Чупров, один из разработчиков аграрной программы кадетов, подчеркивал экономическую несостоятельность частновладельческого хозяйства по сравнению с крестьянской арендой. «Наше землевладельческое в его целом оказалось слабее хозяйства крестьянского: последнее побеждает первое по всей линии. Отдавать мужикам землю в аренду представляется выгоднее, чем вести собственную обработку... Разве не является подобным же свидетельством то, что за четыре последних десятилетия главные наши земельные собственники, дворяне выпустили из рук несколько десятков миллионов десятин, которые и были преимущественно подобраны крестьянами» [9, с. 253].

Чупров был уверен, что при соответствующей компетентной помощи государства крестьянство в состоянии найти формы для интенсивного развития. Об этом говорит весь европейский опыт кооперативного движения в Европе [9, с. 262].

Разрабатывая предложения по решению аграрного вопроса, Чупров предостерегал от перевода крестьян на отруб. Главную задачу он видел в увеличении крестьянских наделов, уходе от мучительной и крайне актуальной проблемы крестьянского малоземелья. Перевод на отруб крестьянина, имевшего около 4–5 десятин земли, может пагубно сказаться на всем строе крестьянской жизни. В статье «Фантазии и действительность в аграрном вопросе» он констатировал, что «даже при самых благоприятных условиях расселение целой России на хутора неизбежно затянулось бы на долгие годы... Совершенно иначе пошло бы переустройство земельных распоряжений, если бы правительство, сосредоточив свое внимание исключительно на борьбе

с малоземельем, отложило введение хуторов до более благоприятного времени, теперь же лишь приняло бы меры для постепенной подготовки населения к этой реформе» [9, с. 275].

Так, экономисты леволиберального, полународнического направления сформулировали альтернативную программу экономической реконструкции аграрной сферы России. Их теоретические аргументы основывались на учете опыта европейских стран, прежде всего Англии и Германии.

Для леволиберальной экономической мысли было характерно убеждение в том, что юридическая форма собственности не оказывает решающего влияния на результаты хозяйственной деятельности, что противоречит догматизированному представлению о частной собственности как главного и необходимого условия хозяйственного прогресса. Такая мистификация частной собственности и рыночных механизмов, по мнению этих экономистов, не опиралась на очевидные факты. Куда важнее учитывать сложившиеся традиционные формы быта. Поэтому либералы А. И. Чупров, А. С. Посников, А. А. Кауфман были решительными противниками насильственного слома общины, принуждения крестьян к единоличному хозяйству. Главную задачу аграрных преобразований они видели в комплексном улучшении условий крестьянской жизни, искоренении малоземелья, повышении культуры земледелия, привлечении дополнительных финансовых ресурсов. По мере осуществления этих задач возникали предпосылки для появления подлинного фермерского хозяйства.

Левые либералы, следуя европейскому опыту, доказывали необходимость активного вмешательства государства в регулирование аграрной сферы, создания разветвленной инфраструктуры государственной помощи крестьянству. Безусловно, обсуждаемые тогда модели не потеряли актуальности и до сего дня.

Библиографический список

1. **Герье, В. И.** Русский дилетантизм и общинное землевладение. Разбор книги князя А. Васильчикова «Землевладение и земледелие» / В. И. Герье, Б. Н. Чичерин. – Москва : Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1878. – 250 с.
2. **Давыдов, М. А.** Крепостническое мышление пореформенного общества и уравнильно-передельная община (К постановке проблемы) / М. А. Давыдов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. – 2013. – № 1. – С. 5–19.
3. **Михайловский, Н. К.** Полное собрание сочинений : в 10 т. / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург : Тип. Вольфа, 1903. – Т. VI. – С. 303.
4. **Хайлова, Н.** Александр Сергеевич Посников / Н. Хайлова // Российский либерализм: идеи и люди : в 2 т. Т. 2: XX век / под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. – Москва : Новое изд-во, 2018. – 1566 с.
5. **Посников, А. С.** Общинное землевладение / А. С. Посников. – Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1875. – Вып. 1. – 182 с.
6. **Безгин, В. Б.** Крестьянская община и сельсовет в 1920-е годы / В. Б. Безгин, А. Н. Юдин // Социодинамика. – 2013. – № 2. – С. 119–160. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=403 (дата обращения: 07.11.2019).
7. **Лукичев, П. М.** А. С. Посников об аграрных реформах в Российской империи / П. М. Лукичев // Экономические науки. – 2017. – № 5 (59). – С. 31–34.
8. **Кауфман, А. А.** Крестьянская община в Сибири по местным исследованиям 1886–1892 гг. / А. А. Кауфман. – Санкт-Петербург : Тип. П. П. Сойкина, 1897. – 265 с.

9. Чупров, А. И. Россия вчера и завтра. Статьи. Речи. Воспоминания / А. И. Чупров. – Москва : Русский мир, 2009. – 528 с.

References

1. Ger'e V. I., Chicherin B. N. *Russkiy diletantizm i obshchinnoe zemlevladienie. Razbor knigi knyazya A. Vasil'chikova «Zemlevladienie i zemledelie»* [Russian amateurism and community tenure. Analysis of the book of Prince A. Vasilchikov "Landowning and agriculture"]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova i K^o, 1878, 250 p. [In Russian]
2. Davydov M. A. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii* [Bulletin of RUDN University. Series: History of Russia]. 2013, no. 1, pp. 5–19. [In Russian]
3. Mikhaylovskiy N. K. *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Full composition of writings: in 10 volumes]. Saint-Petersburg: Tip. Vol'fa, 1903, vol. VI, p. 303. [In Russian]
4. Khaylova N. *Rossiyskiy liberalizm: idei i lyudi: v 2 t. T. 2: XX vek* [Russian liberalism: ideas and people: in 2 volumes. Volume 2: XX century]. Moscow: Novoe izd-vo, 2018, 1566 p. [In Russian]
5. Posnikov A. S. *Obshchinnoe zemlevladienie* [Community landowning]. Yaroslavl: Tip. G. V. Fal'k, 1875, iss. 1, 182 p. [In Russian]
6. Bezgin V. B., Yudin A. N. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics]. 2013, no. 2, pp. 119–160. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=403 (accessed Nov. 07, 2019). [In Russian]
7. Lukichev P. M. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2017, no. 5 (59), pp. 31–34. [In Russian]
8. Kaufman A. A. *Krest'yanskaya obshchina v Sibiri po mestnym issledovaniyam 1886–1892 gg.* [Peasant community in Siberia according to local studies in 1886–1892]. Saint-Petersburg: Tip. P. P. Soykina, 1897, 265 p.
9. Chuprov A. I. *Rossiya vchera i zavtra. Stat'i. Rechi. Vospominaniya* [Russia yesterday and tomorrow. Articles. Speech. Memories]. Moscow: Russkiy mir, 2009, 528 p. [In Russian]

Блохин Владимир Владимирович

доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и социально-
экономических дисциплин, Российский
университет дружбы народов (Россия,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10,
корп. 3)

E-mail: blohin.vladimir.1960@mail.ru

Blokhin Vladimir Vladimirovich

Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of history and social and
economic disciplines, RUDN University
(building 3, 10, Miklukho-Maklaya street,
Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Блохин, В. В. Крестьянская община в конце XIX – начале XX в. в оценках отечественных левых либералов-экономистов / В. В. Блохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 14–24. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-2.

ИСТОРИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ СЛЕДСТВИЯ ДЕЛА ЦК «ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ» (ПО ПИСЬМАМ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА И Л. Н. ЮРОВСКОГО)

Аннотация.

Актуальность и цели. Провалы в социально-экономической политике на селе в начале 30-х гг. XX в. вынудили партийное руководство искать виновных за срывы темпов коллективизации. В настоящее время совершенно очевидно, что процесс ЦК «Трудовой крестьянской партии» (ТКП), был инициирован Сталиным. Цель работы – на основе использования документальных источников – писем Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского – отразить ход ведения следствия по этому делу.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов Архива Президента Российской Федерации и Центрального архива ФСБ России. Кроме того, в работе были использованы материалы следующих сборников документов: «Политбюро и “вредительство”», «Н. Д. Кондратьев. Суздальские письма» и «Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг.». Методологический потенциал включает философские принципы диалектики, а именно объективность, научность, всесторонность, единство исторического, логического и др. Их реализация помогла провести изучение документальных источников, связанных с выявлением общих и особенных тенденций фальсификации процесса ЦК ТКП.

Результаты. На основании писем Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского исследована деятельность Политбюро ЦК ВКП(б) и органов государственной безопасности по фальсификации следствия по делу ЦК ТКП. Конкретно-историческое изучение данного вопроса позволяет более четко представить реальные процессы функционирования органов государственной власти и безопасности в исследуемый период. Это важно для формирования в российском обществе объективной картины сложных и дискуссионных проблем отечественной истории.

Выводы. Процесс ЦК «Трудовой крестьянской партии», инициированный Политбюро ЦК ВКП(б), преследовал цель нейтрализовать критически настроенную к планам коллективизации интеллигенцию для стабилизации обстановки на селе. В это время был отработан механизм принуждения арестованных в процессе следствия к даче заведомо ложных показаний. В процессе «обработки» они признавались во всем, что от них требовали. Особо отличались в этом плане Экономическое управление и Секретный отдел ОГПУ.

Ключевые слова: ТКП, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский, ЦК ВКП(б), Политбюро, Сталин, ОГПУ, сельское хозяйство, вредительство, репрессии.

STORY OF FALSIFICATION OF THE CENTRAL COMMITTEE CASE INVESTIGATION “LABOR PEASANT PARTY” (ACCORDING TO THE LETTERS OF N. D. KONDRATIEV AND L. N. YUROVSKY)

Abstract.

Background. Failures in socio-economic policy in rural areas in the early thirties forced the party leadership to look for the culprits for disrupting the pace of collectivization. At present it is quite obvious that the process of the Central Committee of the “Labor peasant party” was initiated by Stalin. The purpose of the work – on the basis of the use of documentary sources-letters of N. D. Kondratiev and L. N. Yurovsky to reflect the progress of the investigation in this case.

Materials and methods. Implementation of research tasks was achieved on the basis of the use of documents of the Archive of the President of the Russian Federation and the Central archive of the FSB of Russia. Besides, materials of collections of documents were used in work: “Politburo and wrecking”, “N. D. Kondratyev. Suzdal letters” and “Letters of I. V. Stalin to V. M. Molotov. 1925–1936”. Methodological potential includes: philosophical principles of dialectics, namely objectivity, scientific, comprehensiveness, unity of historical, logical and others. Their implementation helped to conduct a study of documentary sources related to the identification of General and specific trends in the falsification of the CC TCH process.

Results. On the basis of N. D. Kondratyev and L. N. Yurovsky studied the activity of the Politburo of the CPSU(b) and the state security agencies for fraud investigation in the matter of the Central Committee of “Labor Peasant Party”. The specific historical study of this issue allows us to more clearly present the real processes of functioning of public authorities and security in the period under study. This is important for the formation in Russian society of an objective picture of the complex and controversial problems of Russian history.

Conclusions. The CC process “Labour peasant party”, initiated by the Politburo of the CPSU(b), was intended to neutralize critical to the plans of collectivization intellectuals to stabilize the situation in the village. At this time, the mechanism of coercion of those arrested during the investigation to give false testimony was worked out. In the process of “processing” they admitted everything that was required of them. The economic Department and the secret Department of the OGPU were particularly distinguished in this respect.

Keywords: Labor Peasant Party, N. D. Kondratiev, L. N. Yurovsky, CPSU(b), Politburo, Stalin, Joint State Political Directorate (OGPU), agriculture, wrecking, repressions.

Обстановка в стране в начале 1930-х гг. была сложной, это время острейшего политического противоборства внутри большевистской партии. В ЦК ВКП(б) велась борьба с «правыми», шла подготовка судебных процессов «Промпартии», «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)», «Трудовой крестьянской партии» и др. Внутреннее положение осложнялось напряженной международной обстановкой.

В этих условиях И. В. Сталин стремился как можно быстрее расправиться со своими политическими оппонентами, упрочить свою власть.

Провалы в социально-экономической политике на селе в начале 30-х гг. XX в. вынудили партийное руководство искать виновных за срывы темпов коллективизации.

17 июня 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода сообщил И. В. Сталину о деятельности контрреволюционных и вредительских организаций в сельском хозяйстве. Было установлено, что их политическим центром являлось Московское общество сельского хозяйства во главе с Н. Д. Кондратьевым, А. Н. Макаровым, А. В. Чаяновым и др. [1, с. 93–99].

19 июня 1930 г. был арестован профессор Кондратьев, а 20 июня следствие по его делу начал помощник начальника Экономического управления (ЭКУ) М. И. Гай. Кондратьев вспоминал: «М. И. Гай не предъявил мне никакого определенного обвинения. Он предложил мне разоружиться, т.е. чистосердечно рассказать о своих преступлениях. После моего заявления, что я не знаю за собой никаких преступлений, М. И. Гай резко повысил тон и, употребляя оскорбительные для меня выражения, объявил, что рано или поздно он заставит меня признать мои преступления или я буду расстрелян, что он с величайшим удовольствием будет требовать моего расстрела и, пользуясь достаточным влиянием в Коллегии ОГПУ, добьется для меня высшей меры, что я должен совершенно серьезно учесть судьбу Пальчинского, который также не хотел разоружиться и был расстрелян, что если я и могу еще спасти себя, то только чистосердечным раскаянием» [2, с. 102].

Допрос, продолжавшийся с 11 ч. вечера до утра, произвел ошеломляющее впечатление. Кондратьев полагал, что можно доказывать свою невиновность, опровергая конкретные факты, которые приводятся в качестве улик, но невозможно доказывать свою невиновность, если не выдвинуто никаких обвинений, когда предъявлено лишь общее требование: доказать, что ты не преступник.

Авторитетным представителем следствия было дано понять, что Кондратьев рассматривался ими как пойманный преступник, подлежащий расстрелу. При этом следствие в качестве единственного шанса предлагало ему попытаться спасти себя чистосердечным разоружением, т.е. рассказом о преступлениях, которых оно не называло.

Это впечатление подтвердилось и укрепилось следующей ночью. Допрос производился уже следователем Счастливцевым. Тот, не предъявляя никакого обвинения, прочитал против него показания профессора Озерова, с которым у Кондратьева никогда не существовало никаких личных отношений, заявив, что тот будет расстрелян, а его судьба находится на грани и что он может спасти себя лишь чистосердечным разоружением. Участвующий в допросе следователь Климов неоднократно называл Кондратьева государственным преступником.

При следующем ночном допросе Гай и Счастливцев стали говорить, что Кондратьев входил в контрреволюционную вредительскую организацию «Московское общество сельского хозяйства» (МОСХ). Они огласили выдержки из отдельных показаний, в которых неопределенно указывалось, что он принимал участие во вредительской деятельности МОСХа и идеологически возглавлял эту деятельность. М. И. Гай заявил, что в его распоряжении имеется громадное количество аналогичных показаний, что рано или поздно ему придется сдаться и рассказать о своих преступлениях, в противном случае на фоне других «разоружившихся» лиц следствие будет рассматривать его как упорного, не сдающегося врага Советской власти.

Так, к объявлению еще до следствия Кондратьева преступником к непрерывным угрозам расстрелом, к гнетущей постановке перед дилеммой или «разоружение», или зачисление в лагерь упорных врагов Советской власти присоединилось добавление фантастических бессвязных показаний со стороны знакомых и неизвестных лиц.

При одном из следующих ночных допросов Гай заявил, что жена Кондратьева пыталась взять из кабинета и скрыть не обнаруженные при первом обыске секретные документы. ЭКУ эту попытку пресекло, жена арестована. Кондратьев хорошо знал, что никаких секретных документов в его кабинете нет. Однако сообщение об аресте жены воспринял как действительность. Кроме нее у него был маленький ребенок, которого он очень любил. С этого времени Кондратьев почувствовал начало душевного перелома. Он начал примиряться с мыслью о необходимости пожертвовать собой, своим именем, честью.

До этого момента следствие не вело никаких протоколов допроса, как будто их не было. После того как Кондратьев «сломался», ему предложили подписать протокол, написанный Счастливым. Этот протокол допроса не имел никакого отношения к предшествовавшим разговорам. В нем отмечался лишь контрреволюционный характер идеологических настроений Кондратьева и ничего не говорилось о принадлежности к контрреволюционной организации и о вредительстве. Кондратьев подписал его.

На следующем допросе Гай заявил, что жена его освобождена, что он беседовал с Ягодой и через некоторое время обеспечит личное объяснение с ним, если Кондратьев даст чистосердечные показания. Тот написал обширную записку. По его словам, это было единственное его письменное показание, отвечавшее действительному положению вещей. Там он категорически отрицал свое участие в каких-либо контрреволюционных и вредительских организациях, но в то же время признал ошибочность и реакционность некоторых своих взглядов в области экономической и аграрной политики.

Эти показания Гая не удовлетворили, начались дальнейшие допросы, новые требования признания вредительской деятельности и участия во вредительских организациях.

Так как Кондратьев не соглашался дать показания о вредительских организациях, то следователь объявил, что к нему как к злейшему и упорному врагу Советской власти будут применены репрессии. Он лишился права приобретать продукты из тюремного кооператива. Это продолжалось в течение его пребывания за ЭКУ.

Далее Кондратьев вспоминал: «...на одном из допросов след. Счастливцев после ряда оскорбительных эпитетов по моему адресу в резком тоне заявил мне, что “не только с меня будет снята голова, но и с корнем будет вырвана, как кулацкое отродье, вся моя семья”. Тут же при мне по телефону он отдал распоряжение немедленно привести в исполнение уже подписанный ордер на новый арест моей жены. И следующей ночью он вызвал меня к себе, когда в соседней комнате горько рыдала женщина, в голосе которой мое расстроенное уже воображение заставляло узнать голос моей жены, тем более, что следователь подтвердил факт ее ареста.

Я близорук и не могу обходиться без очков. Тем не менее, очки у меня были отобраны, хотя позднее, когда я дал показания, я носил их совершенно беспрепятственно» [2, с. 107].

Подследственного лишили права пользоваться книгами, прогулками, хотя позднее, когда он дал показания, ему разрешалось получать сколько угодно книг, ежедневно передавались газеты, были предоставлены прогулки.

Все допросы в ЭКУ, длившиеся месяц, происходили по ночам, за некоторыми исключениями почти каждую ночь напролет. Днем в камере тюремный надзор запрещал спать, хотя это не запрещено было тюремными правилами. Позднее, когда Кондратьев дал показания, никто не запрещал ему спать когда угодно и сколько угодно.

Крайне нервное потрясение усиливалось тяжелыми ночными допросами, постоянными угрозами смерти и сопровождалось явным физиологическим недостатком сил, в корне деморализовавшим его психику. Он потерял способность нормально воспринимать явления и реагировать на них. Им овладело беспредельное чувство отчаяния, безысходности, сменявшееся постепенно состоянием апатии.

Счастливец смеялся над Кондратьевым, с удовлетворением констатируя, что тот начинает физически быстро сдавать. «В это время он подчеркивал безнадежность моего положения, угрожая, как он выражался, “забить меня народом” т.е. показаниями других лиц против меня. И действительно, по заявлению следователя, день за днем вскрывались все новые и новые вредительские организации, в которых я неизменно участвовал. Коротков на Украине, которого я в жизни видел всего один раз, будто бы показал, что я был одним из руководителей украинской организации вредителей в с. х. Макаров, будто бы показал, что когда в 1924 г. он вернулся из-за границы, то застал в НКЗ уже сложившуюся вредительскую организацию, в которую входил и я» [2, с. 108].

Сломленный физически и душевно деморализованный, угнетаемый почти исключительно одной мыслью о судьбе семьи и ребенка, Кондратьев был готов на любые признания, лишь бы выйти из состояния кошмара, найти какой-либо покой и забыться. «И шаг за шагом, в неопределенной форме, следуя за требованиями следователя, я начал признавать свое общее участие в самых различных к. р. организациях, о существовании которых никогда ничего не слышал и определенного ничего сказать не мог, и в к. р. организации МОСХ, и в к. р. организации при НКЗ при НКФ и т.д. Не будучи уже готов признать, что я к. р. и вдохновлял все эти организации, я все же даже тогда, в значительной мере уже чисто инстинктивно, останавливался в своих признаниях, когда ставился открытый вопрос о вредительстве» [2, с. 108].

Приблизительно 16–17 июля Кондратьев был вызван к Гаю, тот, перейдя от враждебного к мирному тону, сообщил, что временно задержал арест жены и предложил на основе всех предшествующих разговоров еще раз попытаться написать чистосердечное показание. Указал, что на этот раз обязательно обеспечит личное объяснение с Ягодой и даст свидание с женой. Свидание с женой было дано 19 июля. К этому времени им были написаны сводные показания по плану, данному следователем. Однако они вновь не удовлетворили Гаю, и ночью 19-го он снова перешел к угрозам.

Затем его дело перешло в Секретный отдел (СО) к Я. С. Агранову. Тот ограничился предупредительной речью. Заявил, что ждет раскаяния, что его не удовлетворяют показания, данные в Экономическом управлении, и что он дает сутки на размышление и завтра вызовет для первого допроса. В том

состоянии, в каком Кондратьев пришел в СО из ЭКУ, он уже просто не имел сил сопротивляться. На другой день Агранов, хотя и вызвал его, но допрашивать не стал еще несколько дней. Эти дни окончательно решили вопрос о дальнейшем его поведении на допросах.

Еще накануне первого вызова Агранов перевел его из одиночного заключения в камеру, где был человек, который назвал себя летчиком А. Н. Гумилевым. Из его рассказов вытекало, что сопротивление следствию бессмысленно. Чем больше сопротивляешься следствию, тем хуже отношение к обвиняемому, тем больше преступлений придется приписать себе впоследствии. И чем скорее человек «разоружается» тем лучше к нему отношение, тем легче его участь.

Потрясения в ЭКУ физически и психически подорвали у Кондратьева способность противостоять нажиму следствия и отстаивать свою невиновность. Предупреждение Агранова показывало, что противостоять обвинению можно только в процессе борьбы. Рассказы Гумилева свидетельствовали, что исход такой борьбы предreshен. Все это заставило окончательно, избегая всякого раздражения следствия, уступить ему, вверить свою судьбу в его руки, положиться на его волю.

«27 июня на допросе у Я. С. Агранова я без всякого сопротивления подписал протокол, написанный рукой следователя, и тем признал свою принадлежность к партии, которую следователь назвал Трудовой Крестьянской Партией, которая, по его формулировке, была неоформленной и зародилась в самом конце 1926 г. – в начале 1927 г. Я. С. Агранов не встретил с моей стороны никакого сопротивления, потому что я был уже не в силах сопротивляться и абсолютно не верил в возможность что-либо доказать. Он не встретил сопротивления как потому, что я пришел к нему из ЭКУ, так и потому, что, поместив меня с Гумилевым, он убил мои последние силы сопротивления» [2, с. 111, 112].

И так шаг за шагом под руководством следствия из неоформленной партии «Трудовая крестьянская партия» превратилась в мощную организацию со своим ЦК, областными комитетами, директивами, тактикой, блоками, связями и т.д.

Член Коллегии Наркомфина СССР Л. Н. Юровский был арестован 26 июля 1930 г. Он так объясняет свои признания в никогда не совершенных преступлениях: «На первом допросе (в тогдашнем 7 отд. ЭКУ) в ночь с 28 на 29 июля 1930 г. я дал запротоколированное тогда же показание, соответствовавшее действительности. Я сообщил тогда, что не принадлежу ни к какой контрреволюционной партии, что я целиком и полностью солидарен с генеральной линией ВКП(б) и именно ею руководствовался в своей работе» [3, л. 2].

Через пять дней после ареста он был переведен в распоряжение Секретного отдела и вызван на допрос к Я. С. Агранову. «Тов. Агранов заявил мне, что он говорит со мной в качестве того представителя Советской власти, от которого зависит моя судьба, ибо он будет докладывать мое дело Коллегии ОГПУ, т.е. органу, которого я сам не увижу. Он указал, что рекомендует мне не сопротивляться и не вступать в борьбу, так как в такой борьбе я могу только погибнуть; что ко мне предъявляется определенное политическое требование “разоружиться”, т.е. признать свою принадлежность к контрреволю-

ционной организации. Обо мне дали уже соответствующие показания Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов и Н. П. Макаров и с моей стороны было бы бессмысленно запереться. С лицами, против которых следственные власти собрали достаточно показаний, но которые упорствуют в непризнании своей вины, ОГПУ может поступить и поступает одним определенным образом: оно приговаривает их к высшей мере наказания. Наоборот, показания разоружившегося врага совершенно не интересует ОГПУ как орган политический, а не судебный. Моя судьба, таким образом, в моих собственных руках» [3, л. 3].

Л. Н. Юровский продолжал отрицать свою виновность. Через день или два он был переведен в камеру № 35 Внутренней тюрьмы, в которой находился А. Н. Гумилев, выполнявший, как выяснилось впоследствии, поручения Секретного отдела. Пребывание в одной камере с ним оказало огромное влияние на Юровского, такое же, как и на Кондратьева. Влияние Гумилева было направлено к тому, чтобы нарисовать картину обращения с арестованными, отказывающимися дать требуемые показания, в самых мрачных красках и убедить в неизбежности признания своей несуществующей вины. Он рассказал, что вместе с ним в камере находился инженер, содержавшийся ранее с Н. Д. Кондратьевым (в действительности Гумилев сам сидел вместе с Кондратьевым до того дня, когда его посадили к Юровскому). От этого инженера ему якобы было известно, что Кондратьев, Макаров, Чаянов и другие лица признали свою принадлежность к контрреволюционной крестьянской партии. Показали, что и Л. Н. Юровский участвовал в ней. Они это сделали, чтобы спасти себе жизнь. «Именно это сообщение и произвело на меня потрясающее впечатление. Оно подорвало во мне веру в возможность выяснить истины. Совпадая со словами т. Агранова, т.е. не возбуждая сомнений, это сообщение делало правдоподобными и другие рассказы Гумилева. Но, главное, оно доказывало мне, что в процессе следствия заключенные дают показания, ничего общего с действительностью не имеющие. Макарова и Чаянова я видел в течение последних лет всего несколько раз и притом случайно. Ни в каких отношениях я не был близок с ними и не имел даже отчетливого представления об их взглядах и убеждениях. Между тем оказывалось, что после ареста я зачислен ими в какую-то организацию. С Кондратьевым я был в приятельских отношениях, но ни о какой партии или политической группе с ним никогда не разговаривал. Я могу сделать один только вывод. Обстановка, очевидно, действительно такова, что против меня могут быть даны самые фантастические показания» [3, л. 4, 5].

Юровский пришел к заключению, что необходимо уступить. Он поставил при этом лишь два условия: первое – что будет оказана помощь в составлении показаний; второе – что будет возвращен в ЭКУ. Эти условия были приняты. Первое было выполнено, второе было нарушено в середине октября 1930 г.

Показания Юровского в Секретном отделе совпадали по содержанию с теми, которые были получены от других обвиняемых. Его показания составлялись на основании тех сведений, которые он узнавал во время допросов. Он отмечал важнейшие из них на листке бумаги, а затем в камере эти записи облекались в соответствующую форму.

В начале октября 1930 г. следствие, как сказал Агранов, приближалось к концу. Условились, что в ближайшие дни Юровский напишет декларацию о своем отношении к Советской власти – это должно стать последней фазой следствия. Однако ночью 12 октября 1930 г. его вновь вызвали в Экономическое управление. «В ЭКУ обстановка тотчас изменилась к худшему. Мне было объявлено, что следствие в Секретном отделе раскрыло лишь ничего не стоящий идеологический вздор, что теперь его поведут по иному и со мной не будут больше “церемониться”. Для того, чтобы побудить меня давать новые показания, меня лишили сперва свиданий и переписки с женой, затем бумаги и чернил, которыми я пользовался в камере для своей работы. Пом. нач. ЭКУ Гай воздействовал на меня угрозами ареста моей жены, а ст. уполномоченный Н. Ф. Гарнич объяснял мне, что такая мера представляет собой следственный метод получения показаний. Зам. нач. ЭКУ т. Молочников указывал мне, что мне не забудут моего сопротивления и что я подготавливаю себе участь лиц, расстрелянных по делу пищевиков» [3, л. 6].

Возобновились ночные допросы, от которых Юровский был избавлен в Секретном Отделе. Они были особенно тягостны потому, что перед арестом он болел тяжелой болезнью и страдал от частых припадков головокружения. Эти припадки продолжались в тюрьме. Юровский подчинился и дал новые показания, что от него требовали. Дело доходило до того, что два протокола показаний были составлены в его отсутствие, ему было поручено переписать их, что мотивировалось экономией времени. «После 42 допросов я заявил, что чувствую себя физически и психически изнуренным и прошу поставить мне необходимые вопросы и закончить следствие: дело в том, что мои показания признавались еще недостаточными. Наконец, 20 ноября днем я заявил допрашивавшему меня следователю (а меня допрашивали в ЭКУ в разной последовательности, порознь и совместно пять человек), что число припадков головокружения дошло у меня до шести в день. В ту же ночь я был вызван вторично, к нач. 7 отделен. ЭКУ т. М. О. Станиславскому и мне было объявлено, что следственным властям дела нет до моего состояния, раз я не даю требуемых показаний, что следствию мои припадки не мешают. К этому моменту я был уже настолько подавлен, что изъявил согласие удовлетворить все требование. После этого были составлены протоколы об интервенции, о меньшевиках, о промпартии и блоке с ними, о повстанческих отрядах, о подготовке вооруженного восстания, о разрушении финансов и дезорганизации денежного обращения и т.д. и т.д.» [3, л. 6, 7].

После этого сотрудничества возобновились свидания и переписка с женой, возвратили письменные принадлежности, улучшили пищевой режим, оказали врачебную помощь. Организовали прогулки на автомобиле в Петровский парк и на Воробьевы горы, выдали по указанию ЭКУ двухмесячное жалование.

Вот таким образом, Секретный отдел совместно с Экономическим управлением начал раскрывать контрреволюционную организацию «Трудовая крестьянская партия», которая якобы ставила своей целью, не много не мало, свержение советской власти, реставрацию капитализма и установление буржуазно-демократической республики.

23 августа 1930 г. всем полномочным представителям и начальникам областных отделов ОГПУ за подписью председателя ОГПУ В. Р. Менжин-

ского был направлен циркуляр ОГПУ за № 249. В нем сообщалось, что по результатам проведенного следствия «Трудовая крестьянская партия» была создана в Москве в 1925 г. Во главе ее стоял центральный комитет в составе: профессора Н. Д. Кондратьева (председатель ЦК), профессоров А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Г. Дояренко, члена Коллегии Наркомфина СССР Л. Н. Юровского, заместителя председателя сельсоюза П. А. Садырина, профессоров А. А. Рыбникова и Л. Н. Литошенко.

Организация имела разветвленную сеть своих ячеек в Наркомземе РСФСР, Наркомфина СССР, Госплане СССР, ЦСУ, Конъюнктурном Институте Наркомфина, Московском обществе Сельского хозяйства, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и др. Ячейки якобы были построены преимущественно по системе пятерок и были строго законспирированы. ТКП имела целую сеть организаций на периферии: в Центрально-Черноземной области, на Северном-Кавказе, в УССР, Ленинграде, Омске, Самаре, Нижегородском крае, Иваново-Промышленной области и других областях СССР. Социальной опорой «Трудовой крестьянской партии» являлось кулачество и городская мелкая буржуазия.

Роль центрального печатного органа ТКП выполнял журнал МОСХа «Вестник Сельского Хозяйства», редактировавшийся профессором Дояренко и выходивший под лозунгом «Молись и трудись».

Центральный комитет этой партии держал главную ставку на экономический кризис в стране и на широкое развитие крестьянских волнений и вооруженных выступлений против советской власти. По мнению руководителей ТКП, крестьянское восстание против советской власти имело бы успех, если бы оно приняло массовый характер и было поддержано массовым движением городского пролетариата.

ТКП на протяжении ряда лет вела вредительскую работу, направленную на срыв социалистического преобразования деревни и на капиталистическое развитие сельского хозяйства.

«В то время как общее количество членов ТКП в Москве и на периферии насчитывает немногим выше 1000 человек, обвиняемые насчитывают количество сторонников платформы ТКП, не вовлеченных формально в партию, до 400 000 человек. В это количество входят агрономы, работники земорганов, с.-х. кооперации, статбюро, члены обществ сельского хозяйства, значительная часть крестьян-отрубников (хуторян), антисоветские группировки, студенчество с.-х. учебных заведений, корреспонденты опытных станций, с.-х. журналов и др.» [4, л. 433 об., 434].

В целях полной ликвидации контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии» ОГПУ предложило принять срочные меры к выявлению и ликвидации на местах организаций и низовых ячеек ТКП. Следствие предлагалось вести ускоренным темпом, выявляя возможные организационные связи с какими-либо контрреволюционными вредительскими центрами.

2 сентября 1930 г. Политбюро ЦК принимает решение опубликовать в газетах 3 сентября в разделе «хроника» следующее сообщение: «ОГПУ арестованы: Кондратьев Николай Дмитриевич, Громан Владимир Густавович, Садырин Павел Александрович, Чаянов Александр Васильевич, Юровский Леонтий Наумович, Суханов (Гиммер) Николай Николаевич, Макаров Николай Павлович, Рамзин Леонид Константинович, Базаров Владимир Александр-

рович и другие как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов.

Арестованные признали свою руководящую роль в этих контрреволюционных организациях и свою связь с вредительскими организациями специалистов, в том числе и с шахтинцами.

Следствие продолжается» [5, л. 1].

Сталин почти всегда лично контролировал ход следствия по всем крупным процессным делам. Каким путем он направлял следствие по делам «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии», видно из его письма Менжинскому с пометой «Только лично»:

«Тов. Менжинский! Письмо от 2/Х и материалы получил. Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях – это вопрос об интервенции вообще и, особенно, вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию 1930 г., но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это очень вероятно и важно. Это тем более важно, что исходит от первоисточника, т.е. от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющей самую сильную социально-экономическую группу из всех существующих в СССР и эмиграции группировок, самую сильную как в смысле капитала, так и в смысле связей с французским и английским правительством. Может показаться, что ТКП (трудовая крестьянская партия) или «Промпартия», или «партия» Милюкова представляют главную силу. Но это не верно. Главная сила – группа Рябушинского–Денисова–Нобеля и т.п., т.е. «Торгпром», ТКП, «Промпартия», «партия» Милюкова – мальчики на побегушках у «Торгпрома». Тем более интересны сведения о сроке интервенции, исходящие от «Торгпрома». А вопрос об интервенции вообще, о сроке интервенции в особенности, представляет, как известно, для нас первостепенный интерес.

Отсюда мои предложения:

а) Сделать одним из самых важных узловых пунктов новых (будущих) показаний верхушки ТКП, «Промпартии» и, особенно, Рамзина вопрос об интервенции и сроке интервенции: 1) почему отложили интервенцию в 1930 г.; 2) не потому ли, что Польша еще не готова? 3) может быть потому, что Румыния не готова? 4) может быть потому, что лимитрофы еще не сомкнулись с Польшей? 5) почему отложили интервенцию на 1931 г.? 6) почему «могут» отложить на 1932 г.? 7) и т.д. и т.п.

б) Привлечь к делу Ларичева и других членов «ЦК промпартии» и допросить их строжайше о том же, дав им прочесть показания Рамзина.

в) Строжайше допросить Громана, который по показанию Рамзина заявил как-то в «Объединенном центре», что «интервенция отложена на 1932 г.»

г) Провести сквозь строй г.г. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно!) интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милюков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К^о и т.д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ, так как полученный таким образом

материал мы сделаем в той или иной форме достоянием секций КИ и рабочих всех стран, проведем широчайшую кампанию против интервенционистов и добьемся того, что парализуем, подорвем попытки к интервенции на ближайшие 1–2 года, что для нас немаловажно.

Понятно?

Привет! И. Сталин» [6, с. 99, 100].

Таким образом, Сталин этими процессами преследовал решение еще одной, совершенно на первый взгляд не очевидной задачи – подрыв попыток интервенции против СССР на ближайшие год – два.

Председатель ОГПУ В. Р. Менжинский исполнил просьбу вождя. 22 ноября 1930 г. он направил Сталину протокол допроса Л. Н. Юровского от 21 ноября по вопросам интервенции.

В нем Юровский признался, что еще до установления блока между ТКП и Промпартией последняя принимала участие в переговорах, имевших цель подготовку интервенции. До 1927–1928 гг. Промпартия вела эти переговоры через Торгпром, который имел непосредственные связи с Французским правительством. По сообщению А. В. Чаянова, эти переговоры велись Пальчинским и затем Рамзиным и Чарновским.

Организация коалиции интервентов и их вооруженных сил осуществлялась якобы Францией, которой заключены соответствующие военные договоры с Польшей и Румынией.

В показаниях Юровского говорится: «В начале 1930 г. Чаянов сделал сообщение в ЦК ТКП, о чем мне передал Кондратьев, что интервенция в 1930 г. не состоится, ввиду, с одной стороны, незаконченности перевооружений и реорганизации армии в Румынии и Польше и, с другой стороны, внутренних затруднений, вызванных в западно-европейских государствах экономическим кризисом, усилением рабочего и, в частности, коммунистического движения. В связи с этим срок интервенции отодвигается на 1931 или даже 1932 г.» [7, л. 56–59].

Юровский рассказал о своих встречах с Милюковым и Гефдингом, состоявшихся якобы в конце января или в начале февраля 1928 г. в Париже. Беседы с ним касались положения внутри ВКП(б), перспектив победы правой оппозиции. По его словам, общее вооруженное восстание всех повстанческих отрядов должно было быть приурочено к моменту интервенции.

После этих «признаний» Юровского стали обрабатывать Кондратьева. 22 ноября 1930 г. ночью он был вызван на допрос к Гаю, тот заявил, что его показания о ТКП, данные в СО, касаются идеологической болтовни и не касаются существа дела, потребовал полного и окончательного разоружения, указав, что в противном случае не гарантирует жизнь.

Кондратьев вспоминал: «М. И. Гай дал мне прочитывать протокол показаний проф. Юровского от 20 или 21 ноября, в котором последний в изменении своих показаний в СО признал как интервенцию, вредительство, так и повстанческие отряды, организуемые будто бы ТКП против Советской власти. Этот протокол потряс меня до глубины души. Хорошо зная безукоризненную честность Л. Н. Юровского, как в личной жизни, так и в Советской работе, я столь же хорошо знал, что все его показания абсолютно не отвечали действительности, ибо не мог я не знать, например, делал проф. Юровский у меня на квартире доклад о свидании с Милюковым и об интервенции или

нет. И я без труда представил себе все те страдания, через которые он должен был пройти перед подписанием такого протокола. Все же и теперь я еще отказался изменить свои показания и подтвердить протокол Юровского. И я в ту же ночь был переведен из приличной камеры в камеру с температурой от 3 до 5 градусов. Таков был первый результат первой попытки сопротивления следствию в этом новом цикле допросов» [3, л. 45].

После холодной камеры Кондратьев сдался. На следующем допросе он заявил Гаю, что, не входя в обсуждение поставленных им вопросов по существу, целиком полагается на него и готов принять на себя любые преступления. Просил освободить его от прямого признания вредительства, от признания получения от кого-либо денег и о такой формулировке пункта об интервенции, чтобы было ясно, что ТКП стояла не за интервенцию как таковую, а за вооруженное восстание собственными силами в момент начала интервенции.

Гай согласился. Он сам продиктовал своему помощнику два протокола показаний Кондратьева, из которых первый начинался словами: «В целях окончательного разоружения». Оба эти протокола Кондратьев подписал не читая. «В результате я превратился в человека, который был занят общим руководством организацией повстанческих отрядов и подготовкой общего вооруженного восстания в момент интервенции. Теперь у ТКП были уже не только ЦК, областные комитеты, многочисленные приверженцы, но и свои склады оружия, в частности при различных научно-исследовательских учреждениях, готовые отряды, которые частично даже уже действовали» [3, л. 46].

Примерно 28 декабря дело Кондратьева вновь перешло в СО следователю А. С. Славатинскому. В первый же день он вновь поднял вопросы об интервенции и повстанческом движении. Кондратьев в состоянии полного отупения сказал ему, что подпишет любой протокол и примет на себя любое преступление. На это Славатинский заметил, что в последних показаниях в ЭКУ Кондратьев сбился с пути и посоветовал ему поговорить с Аграновым.

Эта беседа состоялась приблизительно 31 декабря в присутствии Славатинского и Горожанина. Агранов заявил, что все до последнего пребывания его в ЭКУ ему известно и что его интересует лишь этот период. Тогда Кондратьев сообщил ему о мотивах, заставивших признаться в мнимых преступлениях. Агранов заметил, что понимает его состояние.

В это время закончилось следствие по делу «Промпартии». Предположения «отца народов» оказались прозорливыми. В приговоре по делу утверждалось, что эта организация была связана с «Торгпромом» – зарубежной контрреволюционной группой, в которую входили бывшие российские капиталисты во главе с Денисовым, Нобелем, Монташевым.

Промпартия делает основной упор на военную интервенцию против СССР, для подготовки которой вступает в организационную связь с интервенционистскими организациями как внутри СССР (эсеров-кадетской и кулацкой группой Кондратьева – Чаянова, меньшевистской группой Суханова – Громана), так и за границей (Торгпром, группа Милюкова, интервенционистские круги Парижа).

Военная интервенция готовилась в 1930 г. силами иностранных экспедиционных корпусов при участии остатков врангелевской армии и краснов-

ских казачьих частей. Эти соединения должны были якобы нанести комбинированный удар по Москве и Ленинграду.

На открытом процессе, проходившем с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., все обвиняемые признали свою вину. Л. К. Рамзин, В. А. Ларичев, Н. Ф. Чарновский, И. А. Калинин и А. А. Федотов Верховным судом СССР были приговорены к расстрелу; С. В. Куприянов, В. И. Очкин и К. В. Сытнин – к десяти годам лишения свободы. Позже Президиум ЦИК СССР по ходатайству осужденных заменил расстрел десятилетним заключением и снизил срок наказания другим осужденным.

Для участия в этом процессе следователи ОГПУ подготовили Юровского. 30 ноября 1930 г. его отвезли на заседание Верховного суда, рассматривавшего дело «Промпартии». Он был вызван в зал заседаний, где председательствовавший Вышинский напомнил, что советский кодекс требует, чтобы свидетель говорил правду. По этой логике Юровский должен был бы сказать, что до ареста ничего не знал по рассматриваемому делу. Но из этого вытекала бы необходимость заявить, что на следствии в ОГПУ он четыре месяца давал ложные показания. В зале сидели иностранцы.

Юровский вынужден был объявить себя контрреволюционером. Как он считал, это был последний акт его советской службы. «Во всяком случае, я так смотрел на свое положение. Никто никогда не узнает того, что я здесь пишу. Но я хотел бы, чтобы это знали т.т. Сталин и Молотов» [3, л. 8]. Юровский «разоружался», не имея никакого оружия, т.е. признавал все, в чем его обвиняли.

23 декабря 1930 г. Менжинский в целях скорейшей и полной ликвидации контрреволюционной «Промышленной» и «Трудовой крестьянской партии» и всех возглавлявшихся ими областных и краевых вредительских центров, диверсионных, террористических, военных и повстанческих организаций и ячеек разграничил следственно-оперативные функции Секретно-оперативного и Экономического управления ОГПУ. Он приказал следствие по делу «Трудовой крестьянской партии» сосредоточить в центре и на периферии в органах Секретно-оперативного управления ОГПУ [8, л. 192].

После издания приказа активизировалось следствие по «Трудовой крестьянской партии». Органам ОГПУ удалось выяснить, что еще в начале 1927 г. по личному поручению председателя ЦИК М. И. Калинина и бывшего Наркомзема А. П. Смирнова Н. Д. Кондратьев подготовил докладную записку для доклада Калинина на IV объединенном съезде Советов. Однако взгляды, изложенные в ней как ошибочные, были отвергнуты.

Позже эта записка была объявлена Г. Е. Зиновьевым «Манифестом кулацкой партии». Он написал статью, направленную непосредственно против Кондратьева и «кондратьевщины», с прямого его обвинения в «устряловщине». «Есть у нас в Москве заместитель Устрялова, его, так сказать, московский полпред. Это профессор Н. Д. Кондратьев». Далее в статье под именем «столпов» кондратьевской школы были названы многие обвиняемые, проходящие по делу ЦК «Трудовой крестьянской партии». Статья была напечатана в 1927 г., когда Зиновьев уже не воспринимался вождем, в то время он был лидером оппозиционного блока. Тем не менее она с некоторыми оговорками была признана правильной. Через три года, когда ОГПУ понадобилась программа ТКП, о ней вспомнили [9, с. 61].

ОГПУ при проведении обысков не смогло обнаружить каких-либо вещественных доказательств существования организации, естественно не обнаружило оно и программы вымышленной ими самими партии.

Первоначально в качестве программы партии Агранов считал возможным рассматривать записку Кондратьева, написанную им по личному распоряжению председателя ЦИК М. И. Калинина. Однако следствие не смогло достать эту докладную записку.

Агранов неоднократно просил Кондратьева помочь ему это сделать, но тот так же не мог ее достать, так как она предоставлялась только для ЦИК и в свое время все экземпляры ее были взяты в личное распоряжение А. П. Смирнова. Позднее Агранов настоял, чтобы Кондратьев сам сформулировал программу «Трудовой крестьянской партии». Тот вынужден был подчиниться. В основу несуществующей партии им были положены те представления, которые в то время в качестве рабочей схемы были у следователя.

После того как программа была написана, 22 декабря 1930 г. она Циркулярным письмом была направлена в местные органы ОГПУ для информации. Там в общем плане была отображена политическая платформа и тактические установки ТКП.

Программа ТКП, написанная Кондратьевым, в основном сводилась к следующему: земля остается национализированной и находится в пользовании индивидуальных крестьянских хозяйств, их объединений и государства; кооперирование сельского хозяйства признавалось одной из прогрессивных и целесообразных форм развития сельского хозяйства; в области промышленности планировалось непосредственное управление государством основными отраслями промышленности на основах хозяйственного расчета; отмена монополий внешней торговли; устойчивость валюты. Декларировался 8-часовой рабочий день. Устанавливался минимум заработной платы. Кроме того, должна была проводиться политика мира при неуклонной охране границ государства. Устанавливалось вхождение страны в состав Лиги Наций. Признавались царские долги с установлением льготных условий платежа и учетом контрпретензий России.

ТКП якобы мыслила создание федеративно-демократической республики во главе с ответственными министерствами, установление всеобщего, равного и тайного избирательного права, легализацию политических партий за исключением явно реакционных и антигосударственных, равноправие национальностей и т.д. [4, л. 668–677].

С 1 по 9 марта 1931 г. проходил процесс по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». В качестве обвиняемых по этому процессу проходили В. Г. Громан, Н. И. Суханов, В. В. Шер, Б. М. Берлацкий, И. Г. Волков, А. М. Гинзбург, Л. Б. Залкинд, В. К. Иков, К. Г. Петунин, И. И. Рубин, А. Л. Соколовский, М. И. Тейтельбаум, А. Ю. Финн-Енотаевский, М. П. Якубович. Им были предъявлены обвинения в развале советской экономики, установлении связи с правительствами империалистических стран и др. Все они «признали» себя виновными и получили от 3 до 10 лет лишения свободы.

Н. Д. Кондратьев выступал в качестве свидетеля по делу «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». Это было связано с тем, что после того, как он начал давать показания Агранову, то в числе других обвинений принял на себя и обвинение в том, что находился в блоке с контрреволюционной организацией Громана – Суханова.

В связи с этим в конце февраля 1931 г. его вызвали в ЭКУ, где следователь Дмитриев и Азарьян предложили ему рассказать, что ему известно о меньшевиках, возглавляемых Громаном и Сухановым. Кондратьев повторил свои показания, данные в свое время в СО, следователей это не удовлетворило. Они сообщили, что раскрыто «Союзное бюро меньшевиков» и что Кондратьев должен будет выступить на суде в качестве свидетеля. Кондратьев согласился, попросив только исключить пункты о своей вредительской деятельности и о контрреволюционной военной работе.

Следователь Славатинский со своей стороны сказал Кондратьеву, что своим выступлением он даст окончательное доказательство своего «разружения». Тут же были сформулированы тезисы показаний, которые он должен был сообщить на суде.

На процессе Кондратьев показал, что знал о существовании меньшевистской организации, неоднократно встречался с ее лидерами Громаном, Сухановым и др. Встречи носили характер бесед и дискуссий о политическом переустройстве общества и органов власти в стране. Подтвердил наличие состоявшихся связей между «контрреволюционными» организациями и их лидерами, единство в целях и задачах политической деятельности по свержению советской власти и реставрации капиталистических отношений в стране.

В середине мая 1931 г., когда следствие по делу ТКП закончилось, Кондратьев был вызван к А. С. Славатинскому, у которого он встретил А. П. Радзивиловского, С. М. Смирнова, который вскоре ушел, и следователя по фамилии Али. «Во время разговора А. С. Славатинский спросил меня, скажите, теперь, откровенно, по-человечески, что же из того, что Вы показывали, соответствует действительности. Я ответил, что по человечеству и под честным словом: ничего.

Тогда в разговор вмешался А. П. Радзивиловский и сказал: я понимаю, когда Вы отрицаете показания, данные в ЭКУ. Но теперь Вы пользуетесь случаем и, заметив, что мы очищаем материал следствия от наносных элементов, пытаетесь взять назад все свои показания. Конечно, мы сами знаем, что у Вас не было настоящей партии, не было ее учредительного съезда, не было выборного ЦК, выборных должностей, писаной программы, но что-то все же было. На это я заметил: скажите, что же тогда было, в чем можно было бы усмотреть состав преступления?

Я бы очень просил Вас, как и А. С. Славатинского, спокойно и беспристрастно прочесть все мои показания, по основным пунктам и критически проанализировать их. А. С. Славатинский, не давая ответа на мою просьбу сказал: “Было, во всяком случае, обволакивание Советской власти, был захват учреждений”. Не входя здесь в обсуждение несостоятельности обвинения в только что упомянутых действиях, из предыдущего можно видеть, что по мнению ответственного следователя, как А. С. Славатинский, в руках которого находилось ближайшее руководство следствием по делу т. н. ТКП, в действительности имели место совсем не те действия, которые следствие официально мне инкриминировало и за которое я осужден» [3, л. 49, 50].

В отношении членов ТКП готовился открытый политический процесс, об этом свидетельствует письмо И. В. Сталина В. М. Молотову от 2 сентября 1930 г.:

«...2) Разъяснение в печати “дела” Кондратьева целесообразно лишь в том случае, если мы намерены передать это “дело” в суд. Готовы ли мы

к этому? Считаем ли нужным передать “дело” в суд? Пожалуй, трудно обойтись без суда.

Между прочим: не думают ли господа обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Советской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно.

3) Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громанам-кондратьевым, согласен, но как быть тогда с Рыковым (который, бесспорно, помогал им) и Калининым (которого явным образом впутал в это “дело” подлец-Теодорович)? Надо подумать об этом...» [10, с. 211–213].

Однако «вождь народов» сомневался, что обвиняемые публично признают свои ошибки, и передумал передавать это дело в открытый суд. Он считал, что это не безопасно, полагая, что обвиняемые будут до конца защищать себя, не признавая «своих ошибок». Спустя некоторое время он дал новую директиву: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского “дела”. Это не совсем безопасно. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения против» [10, с. 224].

В результате было принято решение передать дело на рассмотрение во внесудебный орган – в Коллегию ОГПУ.

21 сентября 1931 г. Менжинский утвердил обвинительное заключение по делу. Лица, проходящие по нему, были признаны виновными в том, что входили в состав нелегальной ТКП, которая ставила своей целью свержение Советской власти и создание буржуазно-демократической республики. Им вменялось в вину проведение вредительства в различных отраслях сельского хозяйства и др.

23 января 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании приняло решение: обвиняемым больше восьми лет лишения свободы не давать [11, л. 4].

26 января 1932 г. Коллегия ОГПУ вынесла постановление заключить в концлагерь сроком на 8 лет Н. Д. Кондратьева, Н. П. Макарова, Л. Н. Юровского; сроком на 5 лет – А. В. Чаянова, А. Г. Дояренко, А. А. Рыбникова; сроком на 3 года с заменой этого наказания высылкой на тот же срок – Л. Н. Литошенко, С. К. Чаянова, Л. Б. Кафенгауза; сроком на 3 года с заменой этого наказания ограничением в месте жительства на тот же срок – А. В. Тейтеля, И. Н. Леонтьева; сроком на 3 года с последующим освобождением от наказания – А. О. Фабриканта.

Приговоренные были отправлены в места заключения.

Через полгода, 25 июня 1932 г., вышло постановление ЦИК и СНК СССР о революционной законности и одновременное обращение ЦК ВКП(б) ко всем партийным организациям по этому вопросу.

В Постановлении было подчеркнуто, что революционная законность является «одним из важнейших средств управления пролетарской диктатуры» отмечалось «наличие все еще значительного числа нарушений революционной законности со стороны должностных лиц и искривлений в практике ее проведения», намечалась система мер по ее укреплению. Центральный орган ЦК ВКП(б) в руководящей статье, посвященной декрету, писал: «В самом содержании своем любой закон Советского Правительства включает защиту и укрепление диктатуры пролетариата, ускорение темпов строительства со-

циализма, усиление борьбы с классовыми врагами пролетариата. Закон Советского государства есть революционно-целесообразный закон» [12, с. 1].

Приведенные законодательные постановления Советского правительства и руководящее положение передовой «Правды» не оставляли сомнения в том, что нарушение революционной законности не может быть оправдано никакими соображениями, в том числе и соображениями целесообразности, что выполнение директив Советской власти предполагает выполнение ее законов и исключает их нарушения.

Учитывая выход Постановления ЦИК и СНК СССР и обращение ЦК ВКП(б), осужденный по делу ТКП Л. Н. Юровский из Суздальского Политизолятора ОГПУ отправил 4 июля 1932 г. прошение в Коллегию ОГПУ, а копии – в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и в СНК СССР В. М. Молотову о пересмотре дела.

В нем он писал, что ему было предъявлено обвинение во вредительстве, а затем в принадлежности к контрреволюционной организации «Трудовая крестьянская партия». В своих показаниях он признал себя виновным и постановлением Коллегии ОГПУ от 26 января 1932 г. приговорен к лишению свободы сроком на 8 лет. Далее он сообщал: «...вопреки данным мною показаниям, я никогда не принадлежал ни к какой контрреволюционной партии, группе или группировке и не имел иных сведений о таких группировках, кроме тех, которые я мог получить из советских газет. Из членов ЦК ТКП, в состав которого я якобы входил вместе с 7 другими лицами, как сказано в моих же собственных показаниях, я одного (а именно А. Г. Дояренко) вообще никогда не видел до 11 февраля 1932 г., когда я был отправлен вместе с ним в Суздальский Политизолятор, а ряд других (А. В. Чаянова, А. А. Рыбникова, Н. П. Макарова и П. А. Садырина) встречал в течение последних пяти лет до ареста два-три раза» [3, л. 1]. До ареста Л. Н. Юровский не слышал фамилий Чарновского, Куприянова, Ризенкампа, упоминаемых в его же показаниях. С Рамзиным познакомился только в камере № 35 Внутренней тюрьмы ОГПУ в сентябре 1930 г. В заключении своего прошения он писал, что остается верным слугой Советской власти, независимо от того, что его постигло и что ожидает в будущем. «Дело социалистического строительства мне дорого, хотя мне и не дана больше возможность участвовать в нем. И, хотя я выброшен из социалистического общества, я радуюсь его успехам и желаю ему новых успехов в нынешних советских границах и вне этих границ» [3, л. 8, 9].

17 ноября 1932 г. из Суздальского политизолятора и Н. Д. Кондратьев направил председателю Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинскому заявление, а копии – генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, председателю СНК СССР В. М. Молотову и председателю ЦИК СССР М. И. Калинин.

Вначале Кондратьев, как и Юровский описал суть своего дела. После чего заявил, что все его показания, которые он дал во время следствия, от начала и до конца не соответствуют действительности. Он писал, что никогда не принадлежал к «Трудовой крестьянской партии», не принадлежал к группе или кружку лиц, которые пытались создать эту партию. «О том, что существует “Трудовая крестьянская партия” и я являюсь ее руководителем, впервые узнал от следователя по моему делу Я. С. Агранова» [2, с. 100].

Всех лиц, которые помимо него числились в составе так называемой ЦК ТКП, он знал исключительно на личной почве, с большинством из них совместно преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и работал в различных советских учреждениях.

Далее Н. Д. Кондратьев писал: «Никогда не было у меня на квартире заседаний какой-либо к-р. организации. В частности, никогда не было того к-р. совещания, на котором бы проф. Юровский делал сообщение о своем свидании с Милюковым в Париже и о готовящейся интервенции. Не слышал я об этом свидании ни лично от него, ни от других лиц.

Ни с кем и никогда не намечал состава будущего антисоветского правительства, никому не давал согласия возглавлять таковое или участвовать в нем.

Никогда не вел никаких политических переговоров с Пальчинским и ничего не слышал от него не об инженерном центре, ни о готовящейся интервенции. Во всю свою жизнь видел Пальчинского не более 3-х раз и всегда в официальной обстановке. Последний раз видел его ровно за 8 лет до моего ареста.

За всю свою жизнь никогда не был знаком с Рамзиным и никогда не видел его. Не участвовал ни в каких к. р. совещаниях с ним, не вел ни лично, ни через посредников никаких и в том числе никаких к-р переговоров с ним. Никогда и ни одного слова не слышал о какой-либо к. р. организации Рамзина, в частности, ничего не слыхал об этом и от проф. Чайнова. О существовании инженерного центра, а потом промпартии и своих связях с ними впервые услышал от следователя Я. С. Агранова» [2, с. 101].

Кондратьев писал, что был знаком с Громаном, Базаровым, Сухановым, Фалькнером, встречался с ними, но никогда ни с кем не обсуждал вопросов о создании какой-либо организации. Об организации меньшевиков во главе с Громаном и Сухановым и о своем блоке с ними также впервые узнал от следователя Я. С. Агранова. Не участвовал в контрреволюционных совещаниях по вопросам работы в Красной армии. До ареста ничего не знал о том, что участвовал в подготовке вооруженного восстания против Советской власти и в организации повстанческих отрядов. Также не слышал, что повстанческими отрядами руководили Дояренко и Садырин. Не знал, что последний стягивал под видом сельскохозяйственных машин оружие из заграницы. Никогда не вел разговоров о терроре против деятелей Советской власти и не занимался шпионажем. Все это Кондратьев впервые узнал от следователя М. И. Гая.

«Утверждая отсутствие за собой преступления, этим я не утверждаю, что я не погрешим, что не было грубых ошибок в моих прежних идеологических воззрениях. Эти ошибки у меня были, их было много. Они являются моим несчастьем, но они не являются моими преступлениями, не являются они и теми преступлениями, за которые я осужден» [2, с. 121].

Исходя из всего вышеизложенного Кондратьев ходатайствовал о назначении нового следствия по его делу; о поручении ведения нового следствия лицам, не участвовавшим в предыдущем; а также направить копию настоящего заявления-ходатайства генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, председателю СНК СССР В. М. Молотову и председателю ЦИК СССР М. И. Калинин.

Нового следствия назначено не было, однако подлинник и копия его письма, как того хотел Кондратьев, попала к Сталину. После ознакомления с этим документом, на сопроводительной записке ОГПУ он написал резолюцию: «В архив. Ст.» [2, с. 99].

Только в 1987 г. дело было пересмотрено, а лица, проходящие по нему, реабилитированы.

В период проведения в стране сельскохозяйственных реформ обстановка в стране была очень сложной. Совершенно очевидно, что процесс ЦК «Трудовой крестьянской партии», инициированный Политбюро ЦК ВКП(б), а точнее И. В. Сталиным, преследовал цель нейтрализовать критически настроенную к планам коллективизации интеллигенцию для стабилизации обстановки на селе. Это было своего рода и предупреждение для «правых» о последствиях, которые будут их ждать в случае противостояния генеральной линии партии.

Одновременно с помощью проводимых процессов над так называемыми контрреволюционными организациями – «Промпартией», «Союзным бюро ЦК РСДРП(м)» и «Трудовой крестьянской партией» – Сталин стремился донести до мировой общественности агрессивные планы запада в отношении СССР и тем самым оттянуть начало надвигавшейся войны. Сфальсифицированные дела служили механизмом для осуществления этих планов, естественно до самих обвиняемых не было никому никакого дела.

Необходимо отметить, что с приходом к руководству органами государственной безопасности В. Р. Менжинского они по существу превратились в учреждение, обслуживающее интересы И. В. Сталина. Эта зависимость сохранилась на многие годы, правда не в такой мере. С помощью органов безопасности «вождь народов» уничтожал своих политических конкурентов, проводил ту политику, в том числе и в экономике, которую считал целесообразной.

В это время был отработан механизм принуждения арестованных в процессе следствия к даче заведомо ложных показаний. В процессе «обработки» они признавались во всем, что от них требовали. Особо отличались в этом плане Экономическое управление и Секретный отдел ОГПУ.

Библиографический список

1. Политбюро и «вредительство». Кампания по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве СССР : сб. док. / под общ. ред. О. Б. Мозохина. – Москва, 2018. – 845 с.
2. **Кондратьев, Н. Д.** Суздальские письма : сб. док. / Н. Д. Кондратьев. – Москва, 2004. – 879 с.
3. Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 398.
4. Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 433 об., 434.
5. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 394.
6. Коммунист. – 1990. – № 11. – С. 99, 100.
7. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 395.
8. ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 192.
9. **Куренышев, А. А.** Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма / А. А. Куренышев. – Москва, 2017. – 238 с.
10. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. : сб. док. – Москва : Россия молодая, 1996. – 304 с.

11. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 397.
12. Правда. – 1932. – 25 июня. – № 176.

References

1. *Politbyuro i «vreditel'stvo». Kampaniya po bor'be s vreditel'stvom v sel'skom khozyaystve SSSR: sb. dok.* [Politburo and “wrecking”. The campaign to combat sabotage in the agriculture of the USSR: collected reports]. Ed. by O. B. Mozokhin. Moscow, 2018, 845 p. [In Russian]
2. Kondrat'ev N. D. *Suzdal'skie pis'ma: sb. dok.* [Suzdal letters: collected reports]. Moscow, 2004, 879 p. [In Russian]
3. *Arkhir Prezidenta Rossiyskoy Federatsii (AP RF)* [Archive of the President of the Russian Federation]. F. 3. Op. 58. D. 398. [In Russian]
4. *Tsentrallyy arkhiv (TsA) FSB Rossii* [Central Archive of the FSB of Russia]. F. 66. Op. 1. D. 208. L. 433 ob., 434. [In Russian]
5. *AP RF*. F. 3. Op. 58. D. 394.
6. *Kommunist* [Communist]. 1990, no. 11, pp. 99, 100. [In Russian]
7. *AP RF*. F. 3. Op. 58. D. 395.
8. *TsA FSB Rossii*. F. 66. Op. 1. D. 192.
9. Kurenyshev A. A. *Sel'skokhozyaystvennaya intelligentsiya i vlast' v epokhu stalinizma* [Agricultural intelligentsia and power in the era of Stalinism]. Moscow, 2017, 238 p. [In Russian]
10. *Pis'ma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936 gg.: sb. dok.* [Letters from I. V. Stalin to V. M. Molotov]. Moscow: Rossiya molodaya, 1996, 304 p. [In Russian]
11. *AP RF*. F. 3. Op. 58. D. 397.
12. *Pravda* [Pravda newspaper]. 1932, 25 June, no. 176. [In Russian]

Мозохин Олег Борисович

доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19)

E-mail: mozohin@bk.ru

Mozokhin Oleg Borisovich

Doctor of historical sciences, senior staff scientist, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitriya Ulyanova street, Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Мозохин, О. Б. История фальсификации следствия дела ЦК «Трудовой крестьянской партии» (по письмам Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского) / О. Б. Мозохин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 25–44. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-3.

РУКОВОДИТЕЛЬ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ЛИТВЫ А. ПОВИЛАЙТИС НА ЛУБЯНКЕ: ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОКАЗАНИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Произошедшая после распада СССР «архивная революция» в России и других странах постсоветского пространства открыла для историков возможность использовать в своих исследованиях следственные показания, полученных органами ОГПУ-НКВД. Несмотря на это, методика проверки достоверности информации, содержащейся в данном виде источников, до сих пор остается весьма слабо разработанной. Целью настоящей статьи является применение базовой методики проверки достоверности следственных показаний к конкретному кейсу – показаниям, данным бывшим шефом госбезопасности Литвы А. Повилайтисом в ходе следствия 1940–1941 гг. Содержание данных показаний существенно корректирует представления современных историков о событиях 1939–1940 гг. в странах Прибалтики и мотивации действий Кремля летом 1940 г. Таким образом, вопрос о достоверности этих показаний является чрезвычайно важной научной проблемой.

Материалы и методы. В статье используются документы, извлеченные из фондов шести зарубежных архивов: филиала Государственного архива Эстонии (Eesti Riigiarhiivi filiaal), Государственного архива Латвии (Latvijas Valsts Arhīvs), Государственного исторического архива Литвы (Lietuvos centrinis valstybės archyvas), Особого архива Литвы (Lietuvos ypatingas archyvas), Политического архива МИД Германии (Politische Archiv des Auswärtigen Amts) и архива Центрального ведомства земель ФРГ по расследованию национал-социалистических преступлений в Людвигсбурге (Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung von NS-Gewaltverbrechen in Ludwigsburg). Используемая в исследовании базовая методика проверки достоверности следственных показаний НКВД была сформулирована в 2004 г. С. В. Журавлевым и в 2018 г. уточнена автором настоящей статьи в специальной публикации. Данная методика предполагает двухэтапный анализ достоверности следственных показаний. В рамках первого (предварительного) этапа исследователю необходимо установить, планировалось ли дело к рассмотрению в качестве публичного; существуют ли данные о применении следователем пыток; сосредотачивал ли следователь внимание исключительно на фиксации компрометирующих подследственного материалов; не носят ли показания шаблонный и расплывчатый характер; не происходило ли во время следствия резкой смены поведения обвиняемого. Ответы на эти вопросы дают возможность исследователю выдвинуть предположения о наличии или отсутствии фальсификаций в показаниях репрессированного. В рамках второго (окончательного) этапа анализа осуществляется проверка показаний с привлечением независимых источников. Данная статья содержит результаты первого (предварительного) этапа анализа следственных показаний А. Повилайтиса; результаты второго этапа анализа будут опубликованы отдельно.

Результаты. В статье впервые в историографии описан ход следствия НКВД по делу А. Повилайтиса, дан анализ содержания показаний и их содержательных изменений, проанализированные данные об осуществлявших допросы следователях НКВД. Специально рассмотрены вопросы о политическом значении показаний А. Повилайтиса, исследованы вопросы возможности использования следователями пыток для получения «нужных» показаний, а также возможность фальсификации показаний следователями. В результате проведенной работы выдвинуты предварительные предположения о наличии или отсутствии фальсификаций в показаниях репрессированного.

Выводы. Подводя итоги первого (предварительного) этапа анализа следственных показаний А. Повилайтиса, мы не можем дать исчерпывающий ответ на вопрос о достоверности содержащейся в них информации. Политическая значимость дела и состав следователей ясно говорит о том, что фальсификация показаний Повилайтиса более чем возможна. Однако внимательное изучение самих показаний и механизма их появления, напротив, дает множество существенных аргументов в пользу достоверности зафиксированной в протоколах допросов и собственноручных показаниях А. Повилайтиса информации. Поэтому на втором этапе нашего анализа мы ответим на вопрос, подтверждаются ли показания подследственного независимыми источниками и, если да, то в какой степени. Только этим путем мы сможем окончательно решить интересующий нас вопрос о достоверности показаний А. Повилайтиса.

Ключевые слова: следственные дела, НКВД, источниковедение, Литва, Повилайтис.

A. R. Dyukov

THE HEAD OF THE STATE SECURITY SERVICE A. POVILAITIS, IN LUBYANKA: THE ISSUE OF TESTIMONY VERIFICATION

Abstract.

Background. With the USSR collapsed, Russia and other post-Soviet states faced an “archive revolution” which enabled historians to use testimonies received by the Joint State Political Directorate for their research work. Nevertheless, verification procedure of information in these sources still remains poorly developed. This paper is aimed at application of basic testimony verification methods to a particular case, namely testimony given by A. Povilaitis, former Head of the State Security Service of Lithuania, within investigation in 1940–1941. His evidence significantly affects modern conception of the events in 1939–1940 in the Baltic states, as well as motivation of Moscow in summer 1940. Thus, the issue of this evidence is of vital importance for scientific studies.

Materials and methods. The paper refers to sources received from six archives in different countries: Branch of the Estonian State Archive (Eesti Riigiarhiivi filiaal), the Latvian State Archive (Latvijas Valsts Arhīvs), the Lithuanian State Archive (Lietuvos centrini valstybes archyvas), the Lithuanian Special Archive (Lietuvos ypatingas archyvas), the Political Archive of the German Ministry of Foreign Affairs (Politische Archiv des Auswärtigen Amts) and the Archive of the Central Office of the Federal Republic of Germany for investigation of National Socialistic Crimes in Ludwigsburg). The basic method of NKVD testimony verification used in the research was proposed by S. Zhuravlev in 2004 and upgraded by this paper author in 2018 in a dedicated study. This method consists of a two-stage analysis of verification of evidence. At the first (preliminary) stage a researched is supposed to ascertain if the case was planned to go public; whether there are any information tes-

tifying using of tortures, whether an investigator focused exclusively on materials compromising a suspect; whether testimonies are vague and stereotyped; if a suspect changed his behaviour during the investigation unexpectedly. Answering these questions, a researcher can make an assumption about verity or falsification of a suspect's testimony. At the second (final) stage of the analysis, verification will be provided with the help of independent sources. This paper contains the results of the first (preliminary) stage of analysis of A. Povilaitis' evidence; the results of the second stage of the research are to be published separately.

Results. For the first time in historiography, the course of NKVD investigation against A. Povilaitis is scientifically examined, analysis of the evidence and its changes is conducted, profiles of the NKVD investigators performing the interrogations have been analyzed. We carefully examined the issue of political significance of A. Povilaitis' testimony, checked the probability of using tortures for receiving the desired evidence by investigators, as well as probability of falsification of the evidence by them. As a result of the conducted research, preliminary assumptions have been made about probable falsification of the evidence of the purged man.

Conclusions. Summing up of the first (preliminary) stage of analysis of A. Povilaitis' testimony, we fail to give a full and complete answer about their verity. Political significance of this criminal case and the panel of investigators clearly point that falsification was highly likely. At the same time, detailed examination of the evidence and the way of their receiving on the contrary provides a lot of arguments confirming information fixed in the records of interrogations and A. Povilaitis' own testimony. For this reason, at the second stage of our analysis we are going to ascertain if the evidence are confirmed with independent sources and to what extension if positive. This is the only way we can close the door on the set question of verity of A. Povilaitis' testimony.

Keywords: criminal cases, NKVD, source study, Lithuania, Povilaitis.

25 июля 1940 г. бывший директор Департамента государственной безопасности МВД Литвы Аугустинас Повилайтис был доставлен в Москву, на Лубянку. Там на него уже было заведено уголовное дело по ст. 58-6 (шпионаж) и ст. 58-13 (активная борьба против рабочего класса или революционного движения) УК РСФСР¹. Следствие по делу Повилайтиса продолжалось чуть менее года; бывший шеф литовской госбезопасности дал сотрудникам НКВД развернутые показания, в том числе о санкционированных президентом Литвы А. Сметой тайных контактах со спецслужбами нацистской Германии. Материалы следственного дела А. Повилайтиса, сохранившиеся в Особом архиве Литвы и к настоящему времени в значительной части опубликованные [1], существенно корректируют представления современных историков о событиях 1939–1940 гг. в странах Прибалтики и мотивации действий Кремля летом 1940 г. [2, с. 32, 33]. Таким образом, вопрос о достоверности этих показаний является чрезвычайно важной научной проблемой – к сожалению, к настоящему времени еще не решенной.

Настоящая работа – первый шаг на пути анализа достоверности показаний А. Повилайтиса. Используемая нами методика проверки достоверности следственных показаний НКВД была сформулирована в 2004 г. С. В. Журавлевым [3] и в 2018 г. уточнена автором настоящей статьи [4]. Данная методи-

¹ Письмо начальника Центрального архива ФСБ России Ю. А. Трамбицкого автору от 3 июля 2013 г. Личный архив автора.

ка предполагает двухэтапный анализ достоверности следственных показаний. В рамках первого (предварительного) этапа исследователю необходимо установить, планировалось ли дело к рассмотрению в качестве публичного; существуют ли данные о применении следователем пыток; сосредотачивал ли следователь внимание исключительно на фиксации компрометирующих подследственного материалов; не носят ли показания шаблонный и расплывчатый характер; не происходило ли во время следствия резкой смены поведения обвиняемого. Ответы на эти вопросы дают возможность исследователю выдвинуть предположения о наличии или отсутствии фальсификаций в показаниях репрессированного. В рамках второго (окончательного) этапа анализа осуществляется проверка показаний с привлечением независимых источников. Данная статья содержит результаты первого (предварительного) этапа анализа следственных показаний А. Повилайтиса; результаты второго этапа анализа будут опубликованы отдельно.

Итак, для начала опишем ход следствия по делу Повилайтиса.

Первый допрос бывшего шефа литовской госбезопасности состоялся 29 июля 1940 г. Проводил допрос сотрудник Следственной части Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД СССР С. М. Кушнеров [1, с. 74–83]. То, что следствие по делу Повилайтиса было поручено Следственной части Главного экономического управления, на первый взгляд может показаться странным – ведь никаких преступлений экономического характера в вину бывшему директору Департамента госбезопасности МВД Литвы не вменялось. Однако странность эта лишь кажущаяся.

Вплоть до конца 1938 г. следственная работа в органах НКВД совмещалась с оперативной, что приводило к «упрощению» порядка следствия и административному произволу [5, с. 28–31; 6, с. 187–194; 7, с. 582–584]. Только 22 декабря 1938 г., после окончания «массовых операций», было принято решение о создании Следственной части НКВД. Однако уже в сентябре 1939 г. Следчасть НКВД была разделена на два отдельных подразделения – Следственную часть Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД и Следственную часть Главного экономического управления НКВД [7, с. 69, 70]. Если создание Следчасти НКВД было вызвано объективной необходимостью упорядочения следственной работы органов внутренних дел, то разделение ее объяснялось стремлением руководства наркомата выстроить специфическую систему внутриведомственных сдержек и противовесов. До разделения Следчасть НКВД возглавлял Б. Кобулов, человек близкий к наркому Л. Берии. После разделения Следчасть ГУГБ оказалась подчиненной заместителю наркома В. Меркулову, а Следчасть ГЭУ – все тому же Б. Кобулову. При этом, как впоследствии отмечал Меркулов, Берия «в оперативной работе все же опирался главным образом на Кобулова» [8], а потому Следственной части ГЭУ поручалось расследование важных политических дел, далеких от экономики.

Таким образом, тот факт, что следствие по делу Повилайтиса было поручено Следственной части ГЭУ, демонстрировал особое внимание к делу со стороны наркома внутренних дел Л. Берии. Следствие по делу непосредственного начальника Повилайтиса, бывшего министра внутренних дел Литвы К. Скучас, кстати, велось 3-м (контрразведывательным) отделом ГУГБ [1, с. 103]. Объяснялось это тем, что в 1934–1938 гг. Скучас занимал долж-

ность военного атташе при посольстве Литвы в Москве и среди дипломатов имел репутацию «одного из опытейших аналитиков-советологов» [9, с. 204]; вполне естественно, что советская контрразведка желала получить полную информацию об организовывавшейся Скучасом на этом посту разведработе.

Первый допрос Повилайтиса был во многом формальным. Сначала следователь С. Кушнарев попросил арестованного изложить свою биографию, потом приступил к выяснению обстоятельств попытки бегства Повилайтиса за границу и его ареста литовской полицией. Показания подследственного на первом допросе весьма подробные и детальные; примечательно, что в протоколе зафиксировано утверждение Повилайтиса о его непричастности к пропаже красноармейцев из распоряжения советских военных частей в Литве [1, с. 75, 76]. Между тем именно причастность к похищению красноармейцев являлась основным содержанием советских обвинений в адрес Повилайтиса во время советско-литовского кризиса мая – июня 1940 г. [10]; фиксация в протоколе допроса заявления подследственного, прямо отвергающего обвинение, свидетельствует о корректности работы следователя.

Следующий известный нам допрос Повилайтиса состоялся почти месяц спустя, 26 августа 1940 г. Допрос проводили следователи уже более высокого ранга – заместитель начальника Следчасти ГЭУ Л. Шварцман и помощник начальника того же подразделения Е. Либенсон. Согласно имеющейся в нашем распоряжении выписке из протокола допроса, следователей интересовали связи Повилайтиса с германскими разведывательными органами и деятельность германской разведки в Литве в целом. В протоколе допроса зафиксированы первые и довольно подробные показания Повилайтиса о его знакомстве с сотрудником Главного управления имперской безопасности (РСХА) Х. Грефе, поездке в Берлин в феврале 1940 г., последующих встречах с Грефе, а также фамилии лиц, работавших на германскую разведку в Литве [1, с. 83–88].

Примерно две недели спустя, 13–14 сентября 1940 г., развернутые показания о поездке Повилайтиса в Берлин дал также бывший министр внутренних дел Литвы К. Скучас. При этом допрашивали Скучас не сотрудники Следчасти ГЭУ, а начальник отделения 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ. Последовательность зафиксированных в протоколе допроса вопросов и ответов вполне естественна и логична. Сначала следователь просит описать обстоятельства предпринятой Скучасом и Повилайтисом попытки бегства за границу. Ответы бывшего министра внутренних дел подробны и детальные: он рассказывает и о встречах в президентуре утром 14 июня, и о выезде вместе с Повилайтисом в пограничную деревню Пашвянтис. В Пашвянтисе, рассказывает Скучас, они с Повилайтисом встретились с чиновником политической полиции Мешкаускасом, к тому времени согласовавшим бегство за границу с германскими властями. Отвечая на вопросы следователя о личности Мешкаускаса и его связях в Германии, Скучас называет имя сотрудника РСХА Грефе и затем подробно рассказывает о его контактах с Повилайтисом [1, с. 89–103].

Показания Повилайтиса от 26 августа и показания Скучаса от 13–14 сентября рассказывают об одних и тех же событиях. При этом, однако, нам неизвестно, имелись ли у проводившего допрос Скучас следователя ГУГБ показания, данные Повилайтисом 26 августа. С учетом того, что следственные

дела бывшего министра внутренних дел и бывшего директора Департамента госбезопасности велись в различных подразделениях, весьма вероятно, что с обменом информации дело обстояло не лучшим образом; как мы увидим дальше, первые данные о сотрудничестве Следчасти ГЭУ и 3-го отдела, отложившиеся в следственном деле Повилайтиса, относятся лишь к середине октября 1940 г.

Как бы то ни было, в сентябре 1940 г. Повилайтис согласился подготовить развернутые собственноручные показания по всем интересовавшим следствие вопросам. Эти показания – в общей сложности 70 страниц – были написаны от руки на литовском языке и отличались поразительной подробностью. Вначале Повилайтис описывал организацию работы Департамента государственной безопасности МВД Литвы, агентурную деятельность в среде коммунистов и представителей других политических партий, затем переходил к описанию борьбы литовских органов госбезопасности с иностранным шпионажем, поименно перечислял известных ему агентов германской, английской и французских разведок. Отдельный большой раздел был посвящен взаимодействию Департамента госбезопасности с германским РСХА. Повилайтис подробно описывал обстоятельства своего знакомства с Х. Грефе, инструкции, полученные от министра иностранных дел Литвы И. Урбшиса перед визитом в Берлин в феврале 1940 г., перечислял состоявшиеся в германской столице встречи с высшим руководящим составом РСХА (Р. Гейдрихом, В. Бестом, Г. Мюллером, П. фон Фитингоф-Шелем), фамилии присутствовавших на этих встречах сотрудников различных подразделений РСХА и тематику бесед. Бывший директор Департамента госбезопасности также рассказывал о заключении с руководством РСХА соглашения об антипольском сотрудничестве и его реализации, о визитах в Каунас весной 1940 г. Х. Грефе и обсуждавшихся с ним рабочих и политических вопросах. По своему объему и детальности содержащаяся в собственноручных показаниях информация о сотрудничестве с германскими спецслужбами многократно превосходила сведения, зафиксированные в протоколе допроса от 26 августа 1940 г. [1, с. 103–147]. Однако этим собственноручные показания не исчерпывались.

Отдельные разделы показаний Повилайтис посвятил вопросам организации работы полиции безопасности в зоне дислокации советских гарнизонов в Литве, а также «делу Бутаева». Если в сотрудничестве с германскими спецслужбами бывший директор Департамента госбезопасности признавался без каких-либо экивоков, то свою причастность к организации разведывательной работы против советских гарнизонов категорически отрицал, признавая, однако, причастность чиновников полиции безопасности к «самовольной» вербовке Бутаева [1, с. 103–147]. В целом же по этому вопросу Повилайтис придерживался позиции, изложенной им еще во время допроса следователем Каунасского окружного суда Литвы 26 июня 1940 г. [11, л. 131, 132; 12, с. 110–112]. Еще один раздел собственноручных показаний был посвящен попытке бегства за границу; в основном он повторял информацию, уже озвученную на допросе 29 июля, однако имелись и интересные подробности.

Насколько можно понять, работа над собственноручными показаниями еще не была закончена, когда 27 сентября 1940 г. Повилайтиса вызвали на новый допрос, проведенный заместителем начальника Следчасти ГЭУ Л. Шварцманом и С. Кушнаревым. Огромный протокол этого допроса фак-

тически является изложением собственноручных показаний Повилайтиса [1, с. 148–166]. Практически полностью сохраняется даже структура показаний: сначала идет информация об организации работы Департамента, затем – об агентурной работе, после этого – об организации работы в зоне дислокации советских гарнизонов и о сотрудничестве с германскими спецслужбами. При этом следователи не ограничивались простой записью показаний подследственного. Они хорошо подготовились к допросу, получив из Каунаса документы из архива Департамента госбезопасности, и потому им даже удалось поймать Повилайтиса на лжи. Вернее, почти поймать.

Дело в том, что в своих собственноручных показаниях Повилайтис попытался скрыть от следствия информацию об известных ему агентах-осведомителях. Он утверждал, в частности, что лично не занимался работой с агентами и что общее число агентуры департамента в составе коммунистической партии Литвы составляло от 60 до 100 человек [1, с. 108]. На самом деле, как показывают современные исследования, в литовской компартии было около двухсот агентов-осведомителей департамента [13, с. 213, 247], в том числе особо ценный – Стасе Тракимайте, жена второго человека в компартии, секретаря ЦК Коммунистической партии Литвы (КПЛ) Казиса Сприндиса. Эта женщина с 1933 г. передавала литовским органам госбезопасности информацию о конспиративных квартирах, директивы и инструкции Коминтерна, фотоконпии внутренних документов ЦК и нелегальную литературу [13, с. 240; 14, с. 80; 15, с. 29; 16; 17, с. 71, 101, 102]. Тракимайте была арестована еще в конце июня 1940 г., однако Повилайтис не желал рассказывать о своей работе с ней. В собственноручных показаниях он признавал, что слышал о наличии такого агента-осведомителя, однако утверждал, что лично с ним не был знаком [1, с. 107]. На допросе 27 сентября 1940 г. Повилайтис пытался придерживаться версии, разработанной в собственноручных показаниях, однако следователи предъявили ему ведомости на оплату агентов. Под ведомостями стояла подпись Повилайтиса, а в одной из строк значился некто «Сприндис». Бывший директор Департамента госбезопасности сориентировался быстро: он заявил, что действительно вел некоторых агентов и что «Сприндис» – псевдоним агента, освещавшего деятельность партии христианских демократов [1, с. 150–152]. Вернувшись в камеру, он дописал эту версию к тексту собственноручных показаний, озаглавив раздел «Моя агентура» [1, с. 144, 145]. Судя по всему эта уловка так и не была разоблачена следователями.

Упорство, с которым А. Повилайтис скрывал информацию о Тракимайте, выглядит особенно ярко на фоне показаний его предшественника на посту начальника Департамента государственной безопасности (ДГБ) Йонаса Статкуса и сотрудника отдела агентуры ДГБ Повиласа Лашаса-Спиридонова, также арестованных органами НКВД. Оба эти чиновника рассказали следствию о Тракимайте на первых же допросах – еще в августе 1940 г. [18, л. 18, 38–40].

Помимо раздела «Моя агентура», вторая часть написанных в сентябре собственноручных показаний А. Повилайтиса включала в себя информацию о деятельности русских белогвардейских организаций и иностранных шпионов в Литве, а также данные о личности Мешкаускаса – сотрудника Департамента госбезопасности, сопровождавшего Повилайтиса во время визита

в Берлин [1, с. 141–147]. Вся эта информация была весьма подробной; бывший глава Департамента госбезопасности прекрасно знал, что лист нужно прятать в лесу.

Информации было так много, что ее уточнению был посвящен также и следующий допрос, проведенный следователем Кушнаревым 1 октября 1940 г. На сей раз следователь задавал вопросы относительно агентуры германских разведорганов в Литве; ему удалось получить от Повилайтиса весьма ценную дополнительную информацию, отсутствовавшую в собственноручных показаниях – об агентуре литовской госбезопасности в руководстве немецкой организации «Культурфербанд» и литовском отделении Русской фашистской партии. Также следователем была уточнена впервые сообщенная Повилайтисом на допросе 27 сентября 1940 г. информация о выдаче литовскими органами госбезопасности в руки РСХА арестованных польских подпольщиков [1, с. 166–168].

О следующем допросе Повилайтиса, состоявшемся 16 октября, нам известно лишь по сохранившейся выписке из протокола допроса [19, л. 76]. Выписка эта весьма лаконична и посвящена исключительно деятельности Ф. Борткявичюса – заместителя директора Департамента государственной безопасности МВД Литвы, летом 1940 г. бежавшего в Германию. Однако, по всей видимости, допрос был весьма продолжительным – ведь его проводили сразу два следователя. Первым был уже известный нам начальник Следчасти ГЭУ Л. Шварцман, а вторым – заместитель начальника 3-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) Л. Влодзимирский. Как мы помним, именно 3-й отдел ГУГБ вел следствие по делу К. Скучаса; участие представителя ГУГБ в допросе Повилайтиса является первым достоверным свидетельством о том, что это подразделение наладило взаимодействие со Следчастью ГЭУ.

Примерно к этому времени относятся и приобщение к делу Повилайтиса материалов, полученных в ходе следствия по делам других высокопоставленных литовских чиновников. В хранящихся в особом архиве Литвы подготовленных сотрудниками КГБ Литовской ССР выписках из протоколов допросов Повилайтиса достаточно часто отмечаются страницы, на которых в следственном деле располагаются документы, послужившие источником для выписок. Благодаря этому мы получаем возможность увидеть контуры недоступного для нас следственного дела.

Протокол допроса Повилайтиса от 27 сентября был расположен на с. 52–89, протокол допроса от 1 октября – на с. 91–94. У нас нет информации о том, какие документы были представлены на с. 95–109, однако без особого риска ошибиться мы можем предположить, что именно на этих страницах скрывался известный нам лишь по краткой выписке протокол допроса от 16 октября, проведенного Шварцманом и Влодзимирским. Далее на с. 110–112, 114, 115 и 123 размещались приобщенные к делу Повилайтиса выписки из протоколов допросов бывшего министра внутренних дел Ю. Чапликаса [20, л. 250, 251], сотрудника военной разведки П. Кирлиса [20, л. 253, 254] и связанного с польским подпольем в Вильнюсе П. Комара [20, л. 252]. То, что эти документы были приобщены к делу уже после протокола допроса Повилайтиса от 16 октября, свидетельствует о сборе следователями дополнительной информации по делу. Показательно также то, что все допросы, выписки

из протоколов которых были приобщены к делу Повилайтиса в октябре 1940 г., были проведены Следчастью ГУГБ.

По состоянию на конец октября следствием были получены весьма детальные показания о взаимодействии Повилайтиса с германскими разведорганами. Эта информация была доложена руководству страны и была использована в дипломатических контактах с Берлином. В Политическом архиве МИД Германии сохранилась информационная записка начальника РСХА Р. Гейдриха, подготовленная в ответ на датированный 12 ноября 1940 г. запрос из Имперского министерства иностранных дел [21, 22]. Из этого документа следует, что в первый же день пребывания наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в Берлине советская сторона передала МИД Германии материалы, полученные в ходе расследования дела Повилайтиса, и предъявила Берлину претензии, связанные с нарушением советско-германских договоренностей относительно Литвы. Германская сторона эти претензии, разумеется, отвергла; более того, в записке Гейдриха утверждалось, что РСХА «располагает достаточным количеством свидетелей, способных дать опровергающие показания – речь идет о бежавших в Рейх бывших руководителях литовской полиции государственной безопасности, и прежде всего о заместителе начальника Борткявичюсе и упомянутом выше д-ре Мешкаускасе» [21].

Подчиненные Гейдриха в Берлине еще только готовили ответ на запрос министерства иностранных дел, когда в Москве расследование дела Повилайтиса было неожиданно отобрано у Следчасти ГЭУ и передано в «конкурирующее» подразделение – Следчасть ГУГБ. Мы можем лишь строить предположения о причинах этого решения. Может быть, руководство НКВД хотело таким образом обеспечить независимую проверку полученных сотрудниками Следчасти ГЭУ показаний? Или, возможно, передача дела в Следчасть ГУГБ была проявлением недовольства недостаточной активностью следствия? Или же за этим решением стояли внутриведомственное соперничество, столкновение честолюбий начальника ГЭУ Кобулова и начальника ГУГБ Меркулова?

Как бы то ни было, 10 декабря 1940 г. допрос Повилайтиса провел новый следователь – сотрудник Следчасти ГУГБ А. Рассыпнинский. Отныне он будет единственным следователем, ведущим дело.

Рассыпнинский интересовался вопросами, которые ранее уже задавали Повилайтису следователи Следчасти ГЭУ. Допрос 10 декабря был посвящен секретной агентуре литовских органов госбезопасности, состоявшей на связи у директора департамента [19, л. 77], допрос 29 декабря (о котором нам, к сожалению, известно лишь из кратких выдержек, приведенных в позднейшем допросе бывшего министра иностранных дел Литвы И. Урбшиса) – поездке Повилайтиса в Берлин в феврале 1940 г. [23, л. 125, 126], допрос 7 января 1941 г. – агентуре иностранных разведорганов в Литве и борьбе Департамента госбезопасности с литовской компартией [24, л. 113–129]. 23 января 1941 г. Рассыпнинский провел допрос Повилайтиса, посвященный организации литовскими спецслужбами разведывательной работы против СССР и координации этой работы с германскими разведорганами. На этом допросе следователю удалось получить новую информацию о сотрудниках Департамента госбезопасности, поддерживавших прямые контакты с представителями германских спецслужб, а также заявление о том, что разведывательная работа

литовских органов госбезопасности против советских гарнизонов в Литве осуществлялась по заданию руководства страны и в интересах Германии [25, л. 33–46]. Стоит отметить, что ранее Повилайтис последовательно отказывался признать свое прямое участие в организации разведывательной работы против советских гарнизонов; таким образом, Рассыпнинскому удалось добиться заявления, прямо влиявшего на судьбу подследственного.

О педантичности работы Рассыпнинского свидетельствует составленный им в качестве приложения к протоколу допроса Повилайтиса от 7 января 1940 г. весьма обширный (7 листов) аннотированный список лиц, упомянутых в показаниях подследственного [24, л. 130–136]. Разобраться в показаниях следователь пытался весьма настойчиво: одновременно опрашивались и новые свидетели. 30 декабря 1940 г. находившийся в ссылке бывший премьер-министр Литвы А. Меркис написал весьма подробные собственноручные показания, касавшиеся поездки Повилайтиса в Берлин [26, л. 220–227], а 15 января о роли Повилайтиса в борьбе с коммунистическим движением был допрошен бывший директор Департамента полиции МВД Литвы К. Свилас [20, л. 149].

Задание дать дополнительные собственноручные показания о своей поездке в Берлин получил от следователя и Повилайтис. Новые собственноручные показания, датированные 4 февраля 1941 г., начинались с весьма характерного пассажа: «По требованию следственных органов я даю следующее дополнительное и окончательное показание о моей поездке с д-ром Мешкаускасом в Берлин в конце февраля 1940 г.» [1, с. 173]. Этот документ существенно дополнял ранее написанные Повилайтисом показания: в нем впервые появилась прямая информация о том, что одной из задач визита в Берлин был зондаж возможности передачи Литвы под германский протекторат и что соответствующие указания перед поездкой Повилайтису давал адъютант президента Сметоны С. Жукаускас. Повилайтис утверждал, что после возвращения из Берлина лично отчитывался о проведенном зондаже перед главой государства. «Из беседы с президентом Сметоной я понял, что он собирался сменить правительство тогда, когда Германия победит Францию; тогда он, возможно, попросил бы протектората у Германии или другой политической опеки», – резюмировал бывший директор Департамента госбезопасности [1, с. 187].

В собственноручных показаниях также приводилось обширное изложение содержания бесед Повилайтиса с начальником 1-го управления РСХА В. Бестом, дополнительная информация о визитах Х. Грефе в Каунас весной 1940 г. и информация о поездке начальника полиции госбезопасности Ф. Борткявичюса в Ригу и встречах с главной политической полицией Латвии Я. Фридрихсонсом [1, с. 176–200].

Возможно, 4 февраля было датой начала написания Повилайтисом новой порции собственноручных показаний, а не датой их завершения. На эту мысль наводит тот факт, что на допросе 25 февраля 1941 г. следователем не задавались какие бы то ни было уточняющие вопросы относительно поездки в Берлин. Допрос был посвящен выяснению организации агентурной борьбы Департамента госбезопасности против литовской компартии [19, л. 83, 84]. А вот весьма объемные протоколы допросов от 13 и 19 марта 1941 г. представляют собой фиксацию устного изложения собственноручных показаний Повилайтиса.

Допрос 13 марта был посвящен новым показаниям Повилайтиса относительно поездки в Берлин и организации разведывательной работы против СССР. Подобно второй части собственноручных показаний, протокол допроса от 13 марта начинается с саморазоблачающего признания подследственного: «Я до последнего времени скрывал от следствия то обстоятельство, что по заданию Гестапо департамент государственной безопасности Литвы, руководителем которого я являлся, производил заброску секретной агентуры на территорию Советского Союза для ведения шпионской работы. Помимо этого я также пытался скрыть от следствия истинные причины моей поездки в Германию» [1, с. 201]. После этого следовало изложение той же информации, что и в собственноручных показаниях – за вычетом деталей, показавшихся следователю маловажными или крамольными.

Допрос 19 марта был посвящен разбору показаний Повилайтиса о борьбе литовских органов госбезопасности с коммунистическим движением и попытках наладить координацию этой деятельности с латвийской полицией безопасности. Впоследствии полная копия протокола этого допроса была приобщена к следственному делу бывшего начальника литовской политической полиции Я. Фридрихсона [27, т. 2, л. 390–405].

Насколько можно понять, следователь оказался вполне удовлетворен полученными признательными показаниями Повилайтиса. Больше вопросов о связях с германскими спецслужбами бывшему главе Департамента госбезопасности не задавалось; в ходе следующих допросов (10, 28 апреля, 17 мая) Рассыпнинский сосредоточился на вопросах организации борьбы литовских органов госбезопасности с местной коммунистической партией [19, л. 85, 86, 102–105; 20, л. 40, 41]. Одновременно продолжался сбор документов, подтверждающих показания Повилайтиса: в мае – июне к делу были приобщены показания генерального секретаря Союза таутининков, бывшего руководителя Департамента госбезопасности И. Статкуса с профессиональной и политической характеристикой Повилайтиса [20, л. 184], а также показания главы литовской военной разведки К. Дульксниса о связях Повилайтиса с германскими разведорганами [28, л. 85]. Немного раньше, 10 апреля, был допрошен фигурировавший в показаниях Повилайтиса литовский политический деятель, бывший председатель Союза литовских националистов Д. Цесявичюс. В отличие от большинства других свидетелей, Цесявичюс опровергал показания Повилайтиса [24, л. 164], однако вызвано это было исключительно обоснованными опасениями за свою судьбу.

О каких-либо новых попытках использовать полученную от Повилайтиса информацию в политических целях нам неизвестно – также, как и о проведении каких-либо дополнительных следственных действиях в отношении бывшего директора Департамента государственной безопасности МВД Литвы. 23 июня 1941 г., на следующий день после нападения Германии на Советский Союз, приговором Военной коллегии Верховного Суда СССР А. Повилайтис был поспешно осужден к расстрелу¹.

Приведенный нами обзор хода следствия НКВД по делу А. Повилайтиса дает представление о последовательности следственных мероприятий и

¹ Письмо начальника Центрального архива ФСБ России Ю. А. Трамбицкого автору от 3 июля 2013 г. Личный архив автора.

полученных от подследственного показаниях. Однако этот обзор не дает ответа на главный вопрос: насколько полученные в ходе следствия показания были достоверны, не были ли они сфальсифицированы следователем, не представляли ли собой выбитый из подследственного самооговор?

В историографии традиционно указывается, что во время следствия к Повилайтису могли применяться пытки [29; 30, с. 74]. Невозможно отрицать, что основания для подобных подозрений имеются – достаточно лишь посмотреть на фамилии ведущих дело следователей. Вот, например, заместитель начальника Следчасти ГЭУ Л. Шварцман, чья подпись стоит под протоколами трех допросов Повилайтиса – от 25 августа, 27 сентября и 16 октября 1940 г. В марте 1955 г. Шварцман был осужден к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР. И хотя приговор звучал довольно абсурдно («Подсудимый Шварцман, получив воспитание в духе сионизма, являясь по мировоззрению буржуазным националистом, оказавшись на работе в органах государственной безопасности СССР, изменил Родине и стал проводить подрывную, вражескую деятельность против социалистического государства» [31, с. 164]), в следственном деле имеются многочисленные показания свидетелей о реально совершенных чекистом преступлениях – применении пыток к подследственным. Например, в начале 1939 г. Шварцман вел допросы арестованного генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А. В. Косарева. Как вспоминал впоследствии один из очевидцев, сотрудник органов госбезопасности А. С. Козлов, «Косарев лежал на полу вниз головой и хрипел. Макаров держал его за ноги, Родос за голову, а Шварцман бил его резиновым жгутом» [31, с. 156].

Об избиении Шварцманом впоследствии рассказала и проходившая по одному делу с Косаревым секретарь ЦК ВЛКСМ В. Ф. Пикина. После ареста ее привели в кабинет наркома: «Берия заявил ей, что НКВД готовит судебный молодежный процесс, на котором Пикина должна выступить и разоблачить Косарева в контрреволюционной деятельности. Пикина отказалась быть соучастницей преступного замысла Берия. После этого Пикина была подвергнута Кобуловым (осужден) и Шварцманом избиению резиновыми дубинками с целью принудить ее подписать вымышленные Шварцманом показания о вражеской деятельности Косарева и о своей вражеской работе» [31, с. 157].

Еще одним заключенным, дело которого вел Шварцман, был знаменитый театральный режиссер В. Э. Мейерхольд. В своем заявлении от 13 января 1940 г. Мейерхольд описывал применявшиеся к нему пытки: «Клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам. В следующие дни, когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом. <...> Следователь все время твердил, угрожая: “Не будешь писать, будем бить опять, оставим не тронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного тела”. И я все подписывал» [32, с. 271].

В июне 1940 г. Шварцман вел дело Н. С. Ангарского-Клестова, старшего научного сотрудника Института Маркса – Энгельса – Ленина, обвиняемого в сотрудничестве с царской охранкой. В ходатайстве о помиловании Ангарский рассказывал о том, что в ходе следствия подвергался пыткам: «...Страшные, жуткие угрозы, сопровождаемые ударами резины, заставили

меня стать на путь лжи. Я оклеветал себя. Я оклеветал целый ряд лиц, участвующих в моем деле... Мне следствие рисовало радужные перспективы, твердо обещало административную высылку, если я признаю себя шпионом и вредителем... И я вступил на путь огромного оболгания себя и других. Меня уверяли, что пошлют в суд хорошую обо мне характеристику, и если, говорили мне, вы будете хорошо вести себя на суде, если все подтвердите, то мы вас не оставим...» [33, с. 568, 569].

Как отмечалось в приговоре суда по делу Шварцмана, после войны он «сфабриковал дело на ответственного работника Министерства сельского хозяйства СССР Г. Н. Шлыкова, превратив честного советского работника в американского шпиона», а в 1949 г. «по указанию Абакумова принял участие во внешнеполитической провокации, в фальсификации протокола допроса Бородина с целью скомпрометировать руководителей компартии Китая и вызвать к ним недоверие» [31, с. 164].

Как видим, ни пыток, ни фальсификации протоколов допросов Шварцман не чурался – а ведь именно им были впервые получены показания Повилайтиса о сотрудничестве с германской разведкой и поездке в Берлин. Может быть, Шварцман добился этих показаний тем же самым способом, которым позднее превратил Г. Н. Шлыкова в американского шпиона?

25 августа 1940 г. допрос Повилайтиса совместно с Шварцманом проводил помощник начальника Следчасти ГЭУ Е. Либенсон. Он также неоднократно применял пытки к подсудимым. Например, летом 1939 г. Либенсон вел следствие по делу начальника Главэнерго Т. П. Регентова. Подсудимый в дальнейшем вспоминал: «Когда я заявил о своей невинности, меня начал избивать Либенсон, который с силой бил кулаком по лицу и шее. Вместе с Либенсоном меня бил и Мешик... Когда меня начали бить, я стоял, затем, потеряв сознание, упал... Сколько времени меня били, я не могу сказать, но в камеру меня притащили два человека, видимо вахтеры, так как сам я идти не мог... Показания, что меня завербовал в к[онтр]р[еволюционную] организацию Конторщиков, я дал Либенсону, но они его не устраивали... При дальнейших допросах Либенсон прямо и открыто требовал показаний на Первухина и Вахрушева, убеждая, что такой маленький человек, как Конторщиков, не мог меня вербовать. Эти требования Либенсон сопровождал систематическими избиениями меня на допросах. Бил он меня кулаком, резиновой палкой, причем он, видимо, испытывал особое удовольствие от избиений, так как иногда он вызывал меня в кабинет Лефортовской тюрьмы, где я содержался, и просто, не допрашивая и не записывая никаких моих показаний, принимался меня бить. Избивал Либенсон меня зверски, как правило, я после избиений терял сознание» [34, с. 619].

Систематическое насилие Либенсон применял по отношению к арестованному бывшему члену коллегии ОГПУ М. С. Кедрову. В написанных в ходе следствия собственноручных показаниях Кедров писал: «Отвратительные издевательства проделывал надо мной в особенности гражданин Либенсон. Он тряс меня за шиворот и сталкивал со стула, ставил меня, как мальчишку, в угол носом, хватал за бороду, рвал мою гимнастерку» [34, с. 621]. Об избиении Кедрова свидетельствовал и один из следователей НКВД Адамов: «Когда я допрашивал Кедрова, он содержался в Лефортовской тюрьме. Во время одного из допросов в июле 1939 г. ко мне в кабинет зашли Мешик и

Либенсон, и Мешик спросил Кедрова: “Ну как, признаешься, старый черт?”. На это Кедров ответил, что ему признаваться не в чем и он ни в чем не виноват. После этого Мешик и Либенсон избили Кедрова» [34, с. 623].

16 октября 1940 г. допрос Повилайтиса совместно со Шварцманом проводил заместитель начальника 3-го отдела ГУГБ Л. Влодзимирский – человек в своем роде легендарный, специализировавшийся именно на пыточном следствии. В конце 1937 г. Влодзимирский вместе с В. С. Абакумовым проводил допросы бывшего секретаря Днепропетровского обкома Н. В. Марголина. Следователи довели Марголина до попытки самоубийства: подследственный пытался повеситься в камере на изготовленной из платков веревке [32, с. 209].

В начале 1941 г. Влодзимирский вел дело «военных заговорщиков» (Локтионова, Рычагова, Смушкевича и др.). О том, как проходили допросы, впоследствии вспоминал следователь В. Г. Иванов: «Я вызвал по указанию Родоса арестованного Локтионова и привел его на допрос в кабинет начальника следственной части НКВД Влодзимирского. Во время допроса Влодзимирский и Родос требовали от Локтионова показаний о его антисоветской работе. Локтионов не признал себя виновным. Тогда Влодзимирский и Родос приказали Локтионову лечь животом на пол и принялись поочередно на моих глазах избивать Локтионова резиновыми палками, продолжая требовать от него показаний об антисоветской деятельности. Избиение продолжалось длительное время с небольшими перерывами. Локтионов от ударов, от боли катался по полу, и ревел, и кричал, что он ни в чем не виноват. Во время избивания Локтионов лишился сознания, и его откачивали водой» [35, с. 864–866]. Применение пыток к арестованным советским военачальникам признавал впоследствии и сам Влодзимирский: «В моем кабинете действительно применялись меры физического воздействия, как я уже об этом показывал, к Рычагову, может быть к Локтионову... Били арестованных резиновой палкой... Я помню, что один раз сильно побили Рычагова, но он не дал никаких показаний, несмотря на избивание» [32, с. 165].

Еще один сотрудник Следчасти ГЭУ, допрашивавший Повилайтиса, – С. Кушнеров. Его подпись стоит под допросами от 29 июля, 25 августа и 27 сентября (эти два допроса проводились совместно с Л. Шварцманом), а также 1 октября 1940 г. Об этом следователе мы знаем немного – он дослужился до подполковника и вплоть до августа 1946 г. был одним из помощников начальника Следственной части по особо важным делам Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР Л. Влодзимирского [36]. Информации о прямой причастности Кушнерова к пыткам подследственных нам не встречалось – впрочем, возможно лишь потому, что занимал он весьма скромные должности.

Нет информации и о прямой причастности к пыткам сотрудника Следчасти ГУГБ А. Рассыпнинского, с декабря 1940 г. ставшего единственным следователем по делу Повилайтиса. Судя по всему, это был весьма педантичный профессионал, детально проверявший качество работы предшественников. Об этом свидетельствует дело бывшего председателя исполнительного комитета Мариентальского кантона автономной республики немцев Поволжья А. А. Денинга. Высланный в 1941 г. в Алтайский край Денинг в апреле 1945 г. арестован по делу о распространении антисоветских листовок.

Не удовлетворившись обвинением по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация), местные чекисты сфабриковали дело о якобы существовавшей в Ивдельлаге НКВД, а до того – в республике немцев Поволжья разветвленной антисоветской повстанческой организации, возглавляемой Деннингом и бывшим председателем совнаркома республики немцев Поволжья А. И. Гекманом. Все это закончилось чрезвычайно печально для обвиняемых, если бы дело не направили на рассмотрение в Москву. «Дальнейшее расследование вел старший следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР, подполковник Рассыпнинский, который нашел много противоречий между показаниями Денинга и Гекмана. При передопросе Денинг отказался частично от своих прежних показаний и полностью отрицал связь с Гекманом, что подтвердил и Гекман. Решением особого совещания при НКВД СССР высшая мера наказания (расстрел) для Денинга была заменена на 10-летнее содержание в исправительно-трудовом лагере» [37]. Примерно в то же время Рассыпнинский вел дело нацистского коллаборациониста, атамана П. Н. Краснова – и, по оценкам знакомых со следственным делом современных историков, обходился без какого-либо физического давления на подследственного [38, с. 523, 524].

Впрочем, при необходимости Рассыпнинский не гнушался прямой фальсификации показаний подследственных – пусть и обходясь при этом без физического воздействия. Один из обвиняемых по делу Еврейского антифашистского комитета, артист В. Л. Зускин, вспоминал: «Перед окончанием следствия по моему делу, ввиду отсутствия каких-либо серьезных обвинительных материалов против меня, следователь Рассыпнинский принужден был совершить новое преступление: он ознакомил меня со своими материалами, протоколами допросов всех проходящих по “еврейской националистической организации”, с их признательными показаниями о якобы совершенных ими преступлениях, и предложил мне написать собственноручно отзыв, то есть мое личное мнение по этому делу. Я написал и дал суровую оценку антисоветской, подрывной работе, в которой они сознались. Через несколько дней из моих же собственноручных записей следователь Рассыпнинский смонтировал фальсифицированный “протокол моего допроса”. Все мои же обвинительные аргументы он обратил против меня и под сильным нажимом, насильственно заставил меня подписать этот от начала до конца сфабрикованный протокол» [39]. В итоге Зускин был приговорен к расстрелу.

Даже беглое знакомство с биографиями следователей, ведших следствие по делу бывшего директора Департамента госбезопасности МВД Литвы А. Повилайтиса, не оставляет сомнений: при необходимости эти люди без каких-либо затруднений могли «выбить» из подследственного требуемые показания или же сфальсифицировать их. Однако делалось ли это в случае Повилайтиса?

С политической точки зрения показания бывшего директора Департамента госбезопасности, безусловно, носили весьма важный характер. Хотя с присоединением республик Прибалтики к СССР описанная нами в предыдущих работах [2, 10] проблема «прибалтийского плацдарма» и была снята с повестки дня, свидетельство о направленных против СССР контактах литовских и германских спецслужб (а тем более об обсуждении в Берлине возможности передачи Литвы под протекторат Третьего Рейха) по-прежнему

истолковывались в Москве как прямое и весьма опасное нарушение советско-германских договоренностей. Предъявление советской стороной соответствующих претензий германскому МИД в ноябре 1940 г. [21, 22] наглядно свидетельствовало о том, что Кремль рассматривал показания А. Повилайтиса как значимую с внешнеполитической точки зрения информацию. Для следователей НКВД это могло означать карт-бланш на применение любых методов для получения требуемой информации.

Мотив для выбивания или фальсификации показаний А. Повилайтиса имелся, а следователи имели соответствующий опыт. Однако иметь опыт и мотив еще не значит фальсифицировать дело. Читая материалы следственного дела Повилайтиса, мы видим, как бывший глава литовской спецслужбы рассказывает все больше и больше, причем рассказывает именно то, что требуется следствию – информацию о контактах с германскими спецслужбами. Разумеется, подобная странная откровенность наводит на мысль о том, что показания не соответствуют действительности, что они выбиты или сфальсифицированы следователем. По осторожному замечанию американского историка А. Сенна, «собственное описание Повилайтисом своей миссии, данное советским следователям, является не совсем надежным, поскольку он в ходе длительных допросов показал возрастающее желание удовлетворить своих похитителей» [30, с. 74].

Однако достаточно посмотреть на два других следственных дела, ведшихся в тех же самых стенах теми же самыми сотрудниками НКВД, чтобы усомниться в стремлении следователей получить требуемые признания любым путем. Речь идет о следственных делах двух коллег Повилайтиса – директора управления полиции МВД Эстонии Й. Соомана и директора Департамента политической полиции МВД Латвии Я. Фридрихсона. Оба этих высокопоставленных полицейских чиновника были арестованы в конце сентября 1940 г. и доставлены на Лубянку. 12 сентября 1940 г. в ходе допроса, проводившегося уже известным нам по делу Повилайтиса следователем – заместителем начальника 3-го отдела ГУГБ Л. Влодзимирским – бывший директор политполиции Латвии признался в том, что в начале 1940 г. его пытались завербовать сотрудники германской военной разведки – Абвера [27, т. 1, л. 48, 49; 40, с. 139, 140]. Полторы недели спустя, 23 сентября 1940 г., аналогичные признания о попытке вербовки Абвером сделал бывший глава эстонской политполиции Сооман; под протоколом допроса стоит подпись помощника начальника Следчасти ГЭУ Е. Либенсона, также знакомого нам по делу Повилайтиса [40, с. 141–145; 41, л. 228, 237–248].

Если предположить, что перед следователями стояло задание любым путем получить показания о связях с германскими спецслужбами, следовало бы ожидать, что Влодзимирский и Либенсон «раскрутят» эти признания, как они делали это в случае с Повилайтисом. Ведь признания в сотрудничестве с германской разведкой глав спецслужб Латвии и Эстонии имели никак не меньшее внешнеполитическое значение, чем аналогичное признание руководителя спецслужбы Литвы.

Однако и в случае Фридрихсона, и в случае Соомана следователи удовлетворились заявлениями подследственных о том, что попытки вербовок были неудачными для Абвера. В следственных делах Фридрихсона и Соомана (доступных нам полностью) не зафиксировано ни одной попытки

следователя вернуться к этим сюжетам. Не потому ли, что попытки вербовки Фридрихсона и Соомана, в отличие от Повилайтиса, были действительно неудачными для германской разведки?

Немаловажно для нас также наблюдение латвийского историка А. Траутманиса: «Анализ материалов уголовного дела Яниса Фридрихсона показывает, что он во многих случаях успешно уклонился от дачи точных сведений и не открыл большую часть секретной информации, имевшейся в его распоряжении. Вместо этого он обширно говорил по общеизвестным делам, фактам, которые в то время можно было отыскать в прессе и других справочных сборниках» [42, с. 100]. Подобная оценка поведения подследственного заставляет усомниться в том, что ведшие дело бывшего директора латвийской политполиции следователи НКВД «выбивали» из него заведомо ложные показания, а ведь это были те же самые люди, что допрашивали и Повилайтиса.

Вернемся к делу Повилайтиса. По справедливому замечанию С. И. Быковой, «важнейшим источником сведений о характере отношений “следователь – обвиняемый” являются сохранившиеся в делах... ходатайства, жалобы и заявления. <...> В прошениях и письмах воссоздается история ареста, условия содержания во время предварительного ареста и произвол следователей» [43]. Любой исследователь сталинской репрессивной политики знаком с десятками таких документов – попытки подследственных сообщить о нарушениях «революционной законности» были нередки. Однако в имеющихся в нашем распоряжении материалах уголовного дела (в том числе в собственноручных показаниях, написанных на неизвестном следователям языке) нет ни одного упоминания Повилайтиса о том, что по отношению к нему применялись пытки.

Косвенным образом о применении пыток может свидетельствовать отказ подследственного от данных им под принуждением показаний – такие случаи также встречаются в следственных делах сталинского периода достаточно часто [44, с. 136–138]. В известных нам материалах следственного дела Повилайтиса подобные свидетельства отсутствуют. Также не существует каких-либо независимых свидетельств (например, воспоминаний сокамерников) о применении следователями пыток по отношению к Повилайтису.

О пытках может свидетельствовать существенное изменение почерка подследственного. Однако сравнение почерка Повилайтиса в собственноручных показаниях конца сентября 1940 и 4 февраля 1941 г. с почерком письма жене в июне 1940 г. [11, л. 109; 12, с. 100] не дает возможности говорить о каких-либо кардинальных изменениях, могущих свидетельствовать о пытках. Таким образом, на данный момент достоверные свидетельства о применении следователями пыток в отношении А. Повилайтиса отсутствуют – также, впрочем, как и свидетельства сфальсифицированного характера данных им показаний.

По наблюдению историков, следователями НКВД применялись два способа фальсификации показаний подследственных. В первом случае следователь сам писал вымышленные показания, основываясь на доносах и агентурных данных, а потом заставлял подследственного поставить под этим фальсификатом свою подпись [44, с. 130; 45, с. 41]. Подобные заведомо сфальсифицированные показания легко узнаваемы: они носят расплывчатый характер, признание вины обвиняемого делается без ссылок на конкретные

факты и обстоятельства, зато вместо этого наличествуют многословные рассуждения об «антисоветском» характере действий подследственного¹. Как отмечает С. В. Журавлев, подобные целиком «состряпанные» протоколы допросов сравнительно легко вычислить. «Во-первых, в силу явной абсурдности и противоречивости содержащихся в них данных, во-вторых, поскольку при составлении “липы” следователи не особенно заботились о правдоподобии вымысла, в-третьих, на основании фактов, имен или деталей, которые есть возможность перепроверить с помощью других источников» [3, с. 186]. То, что показания А. Повилайтиса не являются подобным грубым фальсификатом, совершенно очевидно – ведь многие весьма точно изложенные детали просто не могли быть известны московским следователям [1, с. 57].

Второй использовавшийся в органах НКВД способ фальсификации следственных показаний представлял собой своеобразное «коллективное творчество» подследственного и следователя. Пример подобного коллективного творчества уже приводился нами выше: следователь А. Ф. Рассыпнинский, ознакомив подследственного В. Л. Зускина с протоколами допросов его признавшихся «подельников», попросил написать комментарии к этим показаниям. После того как эти комментарии были написаны, следователь на их основе подготовил сфальсифицированные «показания» [39]. С подобными документами историку работать труднее, однако сфальсифицированные элементы также могут быть выявлены. Еще раз процитируем С. В. Журавлева: «Такого рода вынужденное “коллективное творчество” лучше всего выдают логические нестыковки и неправдоподобные детали в отношении обстоятельств вербовки, полученного задания, связанных и переданных им материалов, других участников шпионской группы и др.» [3, с. 187].

Однако в зафиксированных в протоколах допросов показаниях А. Повилайтиса подобных нестыковок не наблюдается. Более того, мы располагаем обширными собственноручными показаниями подследственного на литовском языке. При их сравнении с протоколами допросов в последних не обнаруживается каких-либо принципиально важных признаний, которые имело бы смысл фальсифицировать следователю. Развернутые признания о сотрудничестве с нацистскими спецслужбами и визите А. Повилайтиса в Берлин (а это единственные признания, имевшие актуальный политический смысл) сначала появляются в собственноручных показаниях и лишь потом фиксируются следователями в протоколах допросов.

Но, быть может, фальсификация показаний проводилась не на уровне протоколов допросов, а на уровне собственноручных показаний? Рассмотрим эту возможность.

Как и в случае с протоколами допросов, существуют две возможности фальсификации собственноручных показаний. Первый – наиболее простой, когда собственноручные показания пишутся сломленным арестантом под диктовку следователя. Подобный метод фальсификации, безусловно, практиковался в НКВД, однако в интересующем нас случае это практически невозможно. Дело в том, что свои собственноручные показания Повилайтис писал

¹ Наглядным примером подобного рода «показаний» является протокол допроса бывшего главнокомандующего эстонской армии генерала И. Лайдонера от 17 марта 1952 г. [23, л. 170–172]. Стоит отметить, что данные в 1940–1941 гг. показания Лайдонера оцениваются историками как достоверные [46, с. 220].

на литовском языке, в знании которого невозможно заподозрить ни одного из допрашивавших его следователей НКВД. Однако для того, чтобы следователь имел возможность проверить правильность изложения диктуемых им «показаний», Повилайтис должен был бы писать диктуемый ему текст исключительно по-русски (русским языком бывший шеф литовской политической полиции, разумеется, владел). К тому же остается непонятным, откуда следователю было известно столько специфической информации о деятельности литовских, германских, британских и французских спецслужб на территории Литвы.

Разумеется, возможен другой способ подготовки сфальсифицированных собственноручных показаний – путем уже упоминавшегося «коллективного творчества». Историкам известны случаи, когда подследственный писал свои показания самостоятельно, следователь НКВД вносил в них «нужные» дополнения, после чего подследственный подготавливал чистовую версию показаний [47, с. 146]. Однако в интересующем нас случае реализация подобного сценария предельно маловероятна, так как требует многократного (и абсолютно бессмысленного ввиду владения Повилайтиса русским языком) перевода текстов собственноручных показаний с литовского на русский и обратно.

Стоит обратить внимание и на еще один немаловажный момент. В предыдущем разделе мы уже обращали внимание на то, что информация, сообщаемая Повилайтисом в собственноручных показаниях, практически сразу фиксировалась следователями в отдельных протоколах допросов. По всей видимости, следователи не хотели дожидаться подготовки перевода собственноручных показаний, предпочитая получить показания как можно скорее. Сравнение этих протоколов с собственноручными показаниями демонстрирует, что в протоколы не включались детали, показавшиеся следователям крамольными. Например, в протоколе допроса от 13 марта 1941 г. при изложении содержания беседы Повилайтиса с высокопоставленным сотрудником РСХА В. Бестом следователь записывает показания следующим образом: «Здесь же Бест не упустил также случая высказать свое отношение к СССР и стал в довольно неприкрытой и наглой форме возводить клевету на Советский Союз, причем каждый раз старался подчеркнуть свою широкую осведомленность о Советском Союзе и его внутригосударственной жизни» [1, с. 208]. Обращение к собственноручным показаниям А. Повилайтиса от 4 февраля 1941 г. позволяет понять, что «неприкрытая и наглая клевета» заключалась в негативной оценке Бестом последствий «Большого террора» 1937–1938 гг. для политической устойчивости и обороноспособности Советского Союза [1, с. 179].

В тех же собственноручных показаниях Повилайтиса от 4 февраля 1940 г. мы находим не менее крамольное наблюдение: «Движение троцкистов [в Литве] начало также увеличиваться в 1939 г., после того, как Германия подписала пакт о ненападении с Советским Союзом. Это движение проявилось в критике данной политики коминтерна... Помню, что самой главной нападкой троцкистов на коммунистов было следующее: дескать, коммунисты все время кричали, что троцкисты и сам Лев Троцкий – агенты Гитлера и фашизма. Теперь же, после подписания пакта о ненападении с Германией, выяснилось, кто настоящие агенты Гитлера и фашизма. Как мне докладывали

начальники округов, подобными аргументам троцкисты вносили разочарование в коммунизм в рабочую среду и в компартию» [1, с. 191, 192]. В «закрепляющих» собственноручные показания последующих протоколах допросов ничего подобного, разумеется, не зафиксировано: следователь предусмотрительно сократил показания Повилайтиса.

Наличие подобных сокращений чрезвычайно важно для нас, поскольку наглядно свидетельствует о том, что имеющиеся в нашем распоряжении собственноручные показания Повилайтиса не писались под диктовку следователей и не редактировались ими. Ведь в противном случае никакой «крамолы» в показаниях не было бы с самого начала.

Существенным является и тот факт, что ни в протоколах допросов, ни в собственноручных показаниях Повилайтиса мы не находим упоминаний о том, что следователь неправильно записывает его показания. Между тем в материалах следственных дел других литовских чиновников (в том числе в дошедших до нас в форме выписок из протоколов допросов) подобные упоминания встречаются. Так, например, в протоколе допроса сотрудника военной разведки Литвы К. Пранцкониса от 24 мая 1941 г. в ответ на уточняющий ранее данные показания вопрос подследственный отмечает: «В этой части мои показания неверны и я об этом заявлял во время допроса, но мне следователь сказал, что это впоследствии будет уточнено, чего сделано не было, и я об этом писал специальное заявление на имя начальника следчасти» [24, л. 217]. Повилайтис же подобных заявлений не делал – даже в собственноручных показаниях.

Анализируя собственноручные показания Повилайтиса, необходимо обратить внимание и на еще одно обстоятельство. Как отмечает А. Ю. Ватлин, «своеобразной формой сопротивления фальсификациям было незаметное для следователя встраивание... в собственноручные показания нелепиц и фактов, которые можно было бы опровергнуть на судебном заседании. Это было достаточно распространенной тактикой обвиняемых, в частности, офицеры Красной армии называли в качестве вербовщиков имена средневековых немецких рыцарей» [44, с. 140, 141]. Однако в собственноручных показаниях Повилайтиса нет абсолютно никаких заведомых нелепиц.

При этом стоит отметить, что поведение Повилайтиса на следствии никак не соответствует поведению «сломленного» человека. Мы уже упоминали в предыдущем разделе, что бывший директор Департамента безопасности последовательно пытался скрыть от следствия известную ему агентуру литовской политической полиции в компартии и других политических организациях, проявляя при этом изрядное хитроумие и находчивость. Это, безусловно, поведение сильного и умного человека, ведущего опасную игру со следователем и заботящегося о тех, кто ему доверился. К слову сказать, аналогичным было поведение на следствии и коллег Повилайтиса – руководителей политических партий Эстонии и Латвии Й. Соомана и Я. Фридрихсона [42, с. 100].

В предыдущей работе [4] мы описывали последовательность, в которой производится анализ достоверности информации, содержащейся в следственных показаниях. *На первом (предварительном) этапе* исследователю необходимо установить, планировалось ли дело к рассмотрению в качестве публичного; существуют ли данные о применении следователем пыток; сосредото-

тачивал ли следователь внимание исключительно на фиксации компрометирующих подследственного материалов; не носят ли показания шаблонный и расплывчатый характер; не происходило ли во время следствия резкой смены поведения обвиняемого. Ответы на эти вопросы дают возможность исследователю сформировать предварительное представление об особенностях источника, выдвинуть предположения о наличии или отсутствии фальсификаций в показаниях репрессированного.

Что мы можем сказать о деле А. Повилайтиса с точки зрения этих вопросов?

1. Дело А. Повилайтиса не планировалось к рассмотрению в качестве публичного, однако, вне всякого сомнения, носило актуальный политический характер. Следовательно, возможность фальсификации показаний подследственного весьма высока.

2. Хотя прямые свидетельства о применении пыток по отношению к А. Повилайтису отсутствуют, имеются обширные и достоверные свидетельства о том, что все ведущие дело следователи при необходимости не гнушались ни избиением подследственных, ни фальсификацией их показаний. Это, опять-таки, заставляет нас оценивать возможность фальсификации показаний подследственного как весьма высокую.

3. Имеющиеся в нашем распоряжении протоколы допросов и выписки из протоколов допросов свидетельствуют, что Повилайтиса допрашивали не только по вопросам, связанным с предъявленными ему обвинениями, и политически значимой теме сотрудничества с германскими спецслужбами, но и по многим другим. Следователи пытались выяснить известную Повилайтису информацию об агентуре Департамента государственной безопасности в политических партиях и общественных организациях, об установленной агентуре иностранных разведывательных органов в Литве, о структуре литовских органов государственной безопасности. С учетом того, что Повилайтису было предъявлено обвинение по ст. 58-6 (шпионаж) и ст. 58-13 (активная борьба против рабочего класса или революционного движения) УК РСФСР, для простого осуждения бывшего главы литовской спецслужбы выявление всех этих подробностей было абсолютно излишним. Излишними эти сведения были и с внешнеполитической точки зрения. А вот в случае их оперативного использования эти подробности становились чрезвычайно важны. Из этого мы можем сделать вывод, что одной из задач следователей являлось получение информации оперативного характера. Это уменьшает возможность применения по отношению к Повилайтису мер физического воздействия, резко снижает возможность «выбивания» у него заведомо ложных показаний и (или) их фальсификации.

4. Как собственноручные, так и зафиксированные в протоколах допросов показания А. Повилайтиса носят подробный и четкий характер, содержат массу деталей, о которых не могли знать следователи НКВД. Наличие в деле рукописных собственноручных показаний на незнакомом следователям литовском языке делает процесс возможной фальсификации показаний чрезвычайно сложным. В собственноручных показаниях Повилайтиса от 4 февраля 1940 г. присутствуют «крамольные» с советской точки зрения высказывания, свидетельствующие о том, что следователь в написании и (или) редакции этих показаний участия не принимал.

5. Резкой смены показаний обвиняемого не происходило, все ключевые показания относительно политически значимой темы сотрудничества с германскими спецслужбами и визита в Берлин были даны Повилайтисом в самом начале следствия. Однако в феврале – марте 1941 г. следователь А. Ф. Рассыпнинский добился их важного уточнения, значимого с политической точки зрения. Это может быть признаком фальсификации части показаний, однако каких-либо категорических выводов на этом основании сделать нельзя.

Подводя итоги первого (предварительного) этапа анализа следственных показаний А. Повилайтиса, мы не можем дать исчерпывающий ответ на вопрос о достоверности содержащейся в них информации. Политическая значимость дела и состав следователей ясно говорит о том, что фальсификация показаний Повилайтиса более чем возможна. Однако внимательное изучение самих показаний и механизма их появления, напротив, дает множество существенных аргументов в пользу достоверности зафиксированной в протоколах допросов и собственноручных показаниях А. Повилайтиса информации. Поэтому на втором этапе нашего анализа мы ответим на вопрос, подтверждаются ли показания подследственного независимыми источниками и, если да, то в какой степени. Только этим путем мы сможем окончательно решить интересующий нас вопрос о достоверности показаний А. Повилайтиса.

Библиографический список

1. **Дюков, А. Р.** «Протекторат Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и не реализованный сценарий утраты литовской независимости / А. Р. Дюков. – Москва, 2013.
2. **Дюков, А. Р.** Вводная статья / А. Р. Дюков, Н. Н. Кабанов, В. В. Симиндей // Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 : сб. док. / сост.: А. Р. Дюков, Н. Н. Кабанов, В. В. Симиндей. – Москва, 2019.
3. **Журавлев, С. В.** Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация / С. В. Журавлев // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. – Москва, 2004.
4. **Дюков, А. Р.** К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ-НКВД / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (47). – С. 74–89.
5. **Гоцуленко, А. В.** О следственной работе органов НКВД СССР в 1930-е годы / А. В. Гоцуленко // История государства и права. – 2013. – № 6. – URL: <http://lawinfo.ru/en/catalog/contents-2013/5881/6/>
6. **Гоцуленко, А. В.** Следствие в органах НКВД СССР в середине 1930-х годов / А. В. Гоцуленко // Российский юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 187–194.
7. Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1960 : справочник / сост., введ., прим. А. И. Кокурина, Н. В. Петрова. – Москва, 2003.
8. **Жирнов, Е.** «Берия стал бояться Абакумова как огня» / Е. Жирнов // Коммерсантъ-Власть. – 2008. – № 25. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/906894> (дата обращения: 02.01.2017).
9. **Кантор, Ю. З.** Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии 20–30-х годов / Ю. З. Кантор. – Москва, 2014.
10. **Дюков, А. Р.** «Дело Повилайтиса» и кризис советско-литовских отношений в мае – июне 1940 г. / А. Р. Дюков // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2018. – № 1. – С. 46–53.
11. Lietuvos centrinis valstybes archyvas. Ф. R-475. Оп. 1. Д. 1.

12. **Ašmenskas, V.** Didžiosios tautos aukos / V. Ašmenskas. – Vilnius, 2009.
13. **Anušauskas, A.** Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940 / A. Anušauskas. – Vilnius, 1993.
14. **Anušauskas, A.** KGB Lietuvoje. Slaptosios veiklos bruožai / A. Anušauskas. – Vilnius, 2008.
15. **Tininis, V.** Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža) / V. Tininis. – Vilnius, 2000.
16. **Voveris, V.** Broliai Sprindžiai: “Plūgo” direktorius ir CK sekretorius / V. Voveris. – URL: <http://www.aidas.lt/lt/istorija/article/13369-09-30-broliai-sprindziai-plugo-direktorius-ir-ck-sekretorius> (дата обращения: 12.11.2018).
17. **Славинас, А.** Гибель Помпеи. Записки очевидца / А. Славинас. – Тель-Авив, 1997.
18. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. К-1. Оп. 58. Д. 28419/3.
19. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 58. Д. 483.
20. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. К-40. Оп. 1. Д. 107.
21. Politische Archiv des Auswärtigen Amts. R 101.031.
22. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung von NS-Gewaltverbrechen in Ludwigsburg. II 207 AR-Z 41/83, vol. 2.
23. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 55. Д. 65.
24. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 58. Д. 806.
25. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. К-40. Оп. 1. Д. 84.
26. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. К-40. Оп. 1. Д. 104.
27. Latvijas Valsts Arhīvs. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 43894.
28. Lietuvos ypatingas archyvas. Ф. 3377. Оп. 55. Д. 40.
29. **Butautas, K.** A. Povilaičio kelionė į Berlyną 1940 metais / K. Butautas // Aidai. – 1988. – № 4. – P. 248–257. – URL: <http://archive.is/R9yV> (дата обращения: 15.07.2013).
30. **Seen, A.** Lithuania 1940: Revolution from Above / A. Seen. – Amsterdam ; New York, 2007.
31. **Петров, Н.** Палачи. Они выполняли заказы Сталина / Н. Петров. – Москва, 2011.
32. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 гг. / сост. А. Н. Артизов, Ю. В. Сига-чев, В. Г. Хлопов, И. Н. Шевчук. – Москва : МФД, 2000. – 503 с.
33. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. – Москва, 2006.
34. «Дело Берия». Приговор обжалованию не подлежит / сост. В. Н. Хаустов. – Москва, 2012.
35. Политбюро и дело Берия : сб. док. / сост. О. Б. Мозохин. – Москва, 2012.
36. Следственная часть по особо важным делам. – URL: <http://shieldandsword.mozohin.ru/nkgb4353/structure/sledchast.htm> (дата обращения: 05.01.2017).
37. **Обгольц, А.** История одной лжи / А. Обгольц. – URL: <http://lexikon.wolgadeutsche.net/article/112/apps/18> (дата обращения: 05.01.2017).
38. **Смирнов, А. А.** Казачьи атаманы / А. А. Смирнов. – Санкт-Петербург, 2002.
39. **Борщаговский, А.** Обвиняется кровь: фрагменты книги / А. Борщаговский // Новый мир. – 1993. – № 10.
40. **Дюков, А. Р.** Неудачи капитана Крибца. О попытках вербовки абвером руководителей политических полиций Латвии и Эстонии / А. Р. Дюков // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 2.
41. Eesti Riigiarhiivi filiaal. Ф. 130SM. Оп. 1. Д. 9861.
42. **Trautmanis, A.** Izlūkošanas noslēpumi. Latvijas iedzīvotāji ārvalstu slepenajos dienestos 20. gadsimta pirmajā pusē / A. Trautmanis. – Rīga, 2015.

43. **Быкова, С. И.** «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД / С. И. Быкова // Неприкосновенный запас. – 2009. – № 2.
44. **Ватлин, А. Ю.** «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области, 1936–1941 гг. / А. Ю. Ватлин. – Москва : РОССПЭН, 2012.
45. **Ватлин, А. Ю.** Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области, 1937–1938 гг. / А. Ю. Ватлин. – Москва : Политическая энциклопедия, 2004. – 254 с.
46. **Ильмярв, М.** Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940) / М. Ильмярв. – Москва, 2012.
47. **Соколов, М. В.** Трактат для ОГПУ: Борис Шабер. «Народничество на рубеже 2-й пятилетки» (1933) / М. В. Соколов // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. – Москва : Ретгум, 2012. – Т. XIII. – 520 с.

References

1. Dyukov A. R. *«Protectorat Litva». Tainoe sotrudnichestvo s natsistami i nerealizovannyi stsenariy utraty litovskoy nezavisimosti* [“Protectorate of Lithuania”. Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of the loss of Lithuanian independence]. Moscow, 2013. [In Russian]
2. Dyukov A. R., Kabanov N. N., Simindey V. V. *Vynuzhdenyy al'yans. Sovetsko-baltiyskie otnosheniya i mezhdunarodnyy krizis 1939–1940: sb. dok.* [Forced alliance. Soviet-Baltic relations and the international crisis 1939–1940: collected reports]. Moscow, 2019. [In Russian]
3. Zhuravlev S. V. *Istochnikovedenie noveyshey istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika* [Source studies of the contemporary history of Russia: theory, methodology, practice]. Moscow, 2004. [In Russian]
4. Dyukov A. R. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2018, no. 3 (47), pp. 74–89. [In Russian]
5. Gotsulenko A. V. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law]. 2013, no. 6. Available at: <http://lawinfo.ru/en/catalog/contents-2013/5881/6/> [In Russian]
6. Gotsulenko A. V. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian law journal]. 2012, no. 1, pp. 187–194. [In Russian]
7. *Lubyanka. VChK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB, 1917–1960: spravochnik* [Lubyanka. Cheka – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – Ministry of Internal Affairs – KGB, 1917–1960: reference book]. Compilers A. I. Kokurina, N. V. Petrova. Moscow, 2003. [In Russian]
8. Zhimov E. *Kommersant'-Vlast'* [Kommersant – Vlast newspaper]. 2008, no. 25. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/906894> (accessed Jan. 02, 2017). [In Russian]
9. Kantor Yu. Z. *Zaklyataya družhba. Sekretnoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii 20–30-kh godov* [Sworn friendship. Secret cooperation of the USSR and Germany of the 20–30ss]. Moscow, 2014. [In Russian]
10. Dyukov A. R. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. 2018, no. 1, pp. 46–53. [In Russian]
11. *Lietuvos centrinis valstybes archyvas* [Central State Archives of Lithuania]. F. R-475. Op. 1. D. 1.
12. Ašmenskas V. *Didžiosios tautos aukos* [The sacrifices of the great nation]. Vilnius, 2009.
13. Anušauskas A. *Lietuvos slaptosios tarnybos, 1918–1940* [Lithuanian Secret Services, 1918–1940]. Vilnius, 1993.

14. Anušauskas A. *KGB Lietuvoje. Slaptosios veiklos bruožai* [KGB in Lithuania. Features of covert activityx]. Vilnius, 2008.
15. Tininis V. *Sniečkus: 33 metai valdžioje (Antano Sniečkaus biografinė apybraiža)* [Sniečkus: 33 years in power (biography of Antanas Sniečkus)]. Vilnius, 2000.
16. Voveris V. *Broliai Sprindžiai: "Plūgo" direktorius ir CK sekretorius* [Brothers Sprindžiai: Director of "Plūgo" and Secretary of the Central Committee]. Available at: <http://www.aidas.lt/lt/istorija/article/13369-09-30-broliai-sprindziai-plugo-direktorius-ir-ck-sekretorius> (accessed Nov. 12, 2018).
17. Slavinas A. *Gibel' Pompei. Zapiski ochevidtsa* [The death of Pompeii. Witness notes]. Tel'-Aviv, 1997. [In Russian]
18. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. K-1. Op. 58. D. 28419/3.
19. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. 3377. Op. 58. D. 483.
20. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. K-40. Op. 1. D. 107.
21. *Politische Archiv des Auswärtigen Amts* [Political archive of the Federal Foreign Office]. R 101.031.
22. *Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Verfolgung von NS-Gewaltverbrechen in Ludwigsburg* [Central office of the State Judicial Authorities for the persecution of Nazi violent crimes in Ludwigsburg]. II 207 AR-Z 41/83, vol. 2.
23. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. 3377. Op. 55. D. 65.
24. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. 3377. Op. 58. D. 806.
25. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. K-40. Op. 1. D. 84.
26. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. K-40. Op. 1. D. 104.
27. *Latvijas Valsts Arhīvs* [Latvian State Archives]. F. 1986. Op. 1. D. 43894.
28. *Lietuvos yapatingas archyvas* [Special archive of Lithuania]. F. 3377. Op. 55. D. 40.
29. Butautas K. A. *Aidai* [Echoes]. 1988, no. 4, pp. 248–257. Available at: <http://archive.is/R9yV> (accessed Jul. 15, 2013).
30. Seen A. *Lithuania 1940: Revolution from Above*. Amsterdam; New York, 2007.
31. Petrov N. *Palachi. Oni vypolnyali zakazy Stalina* [The executioners. They carried out the orders of Stalin]. Moscow, 2011. [In Russian]
32. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TsK KPSS i drugie materialy: v 3 t. T. 1. Mart 1953 – fevral' 1956 gg.* [Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the CPSU Central Committee and other materials: in 3 volumes. Volume 1. March, 1953 – February, 1956]. Compilers A. N. Artizov, Yu. V. Sigachev, V. G. Khlopov, I. N. Shevchuk. Moscow: MFD, 2000, 503 p. [In Russian]
33. *Lubyanka. Stalin i NKVD – NKGB – GUKR «Smersh». 1939 – mart 1946* [Lubyanka. Stalin i NKVD – NKGB – GUKR "Smersh". 1939 – March, 1946]. Moscow, 2006. [In Russian]
34. *«Delo Beriia». Prigovor obzhalovaniyu ne podlezhit* [“The case of Beria”. The verdict is not subject to appeal]. Comp. V. N. Khaustov. Moscow, 2012. [In Russian]
35. *Politbyuro i delo Beriia: sb. dok.* [Politburo and the Beria Affair: collected reports]. Comp. O. B. Mozokhin. Moscow, 2012. [In Russian]
36. *Sledstvennaya chast' po osobo vazhnym delam* [Investigative part on critical cases]. Available at: <http://shieldandsword.mozohin.ru/nkgb4353/structure/sledchast.htm> (accessed Jan. 05, 2017). [In Russian]
37. Obgol'ts A. *Istoriya odnoy lzhi* [The story of one lie]. Available at: <http://lexikon.wolgadeutsche.net/article/112/apps/18> (accessed Jan. 05, 2017). [In Russian]
38. Smirnov A. A. *Kazach'i atamany* [Cossack chieftains]. Saint-Petersburg, 2002. [In Russian]
39. Borshchagovskiy A. *Novyy mir* [Novyy mir newspaper]. 1993, no. 10. [In Russian]
40. Dyukov A. R. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East European Historical Studies]. 2017, no. 2. [In Russian]

41. *Eesti Riigiarhiivi filial* [Branch of the Estonian State Archives]. F. 130SM. Op. 1. D. 9861.
42. Trautmanis A. *Izlūkošanas noslēpumi. Latvijas iedzīvotāji ārvalstu slepenajos dienestos 20. gadsimta pirmajā pusē* [Intelligence secrets. Latvian residents in foreign secret services in the first half of the XX century]. Riga, 2015.
43. Bykova S. I. *Neprikosnovennyi zapas* [Neprikosnovennyi zapas journal]. 2009, no. 2. [In Russian]
44. Vatlin A. Yu. «Nu i nechist'». *Nemetskaya operatsiya NKVD v Moskve i Moskovskoy oblasti, 1936–1941 gg.* [“Oh, those evil spirits”. German NKVD operation in Moscow and the Moscow Region, 1936–1941]. Moscow: ROSSPEN, 2012. [In Russian]
45. Vatlin A. Yu. *Terror rayonnogo masshtaba. «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom rayone Moskovskoy oblasti, 1937–1938 gg.* [Terror of regional scale. “Mass operations” of the NKVD in the Kuntsevo district of the Moscow region, 1937–1938]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2004, 254 p. [In Russian]
46. Il'myarv M. *Bezmolvnaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdvumnyaya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940)* [Silent surrender. Foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania between the two wars and the loss of independence (from the middle of 1920s until the annexation of 1940)]. Moscow, 2012. [In Russian]
47. Sokolov M. V. *Russkiy Sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: studies on the history of Russia]. Moscow: Regnum, 2012, vol. XIII, 520 p. [In Russian]

Дюков Александр Решидеович
научный сотрудник, Институт
российской истории Российской
академии наук (Россия, г. Москва,
ул. Дмитрия Ульянова, 19)
E-mail: a.dyukov@gmail.com

Dyukov Aleksandr Reshideovich
Researcher, Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences
(19, Dmitriya Ulyanova street, Moscow,
Russia)

Образец цитирования:

Дюков, А. Р. Руководитель госбезопасности Литвы А. Повилайтис на Лубянке: проблема достоверности следственных показаний / А. Р. Дюков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 45–70. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-4.

**«ДЛЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РАЗМИНИРОВАНИЯ РАЙОНОВ,
ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ОККУПАЦИИ, ГКО
ПОСТАНОВЛЯЕТ...»: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ВЛАСТИ
К РАЗМИНИРОВАНИЮ ДЕРЕВНИ ЗАПАДА РСФСР
(1940-е – СЕРЕДИНА 1950-х гг.)¹**

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование разминирования западнорусской деревни в 1940-е – середине 1950-х гг. определяется необходимостью углубить представления о механизме взаимодействия власти и колхозной деревни в этот период, уточнить эволюцию соотношения в нем нормативных и чрезвычайных властных практик. Цель работы – выяснить, как и почему менялись подходы власти к решению проблемы разминирования западнорусской деревни на протяжении 1940-х – середины 1950-х гг.

Материалы и методы. Обоснованность выводов исследования, системы их аргументации определяется привлечением следующих источников: 1) нормотворчества Государственного комитета обороны (ГКО) СССР, Совета министров (СМ) СССР, обкомов ВКП(б), исполкомов областных Советов депутатов трудящихся, райкомов ВКП(б) и райисполкомов, Военных Советов фронтов и военных округов, а также структур Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству (Осоавиахима) СССР, Наркомата обороны СССР; 2) делопроизводственной документации партийных и советских структур, военных частей; 3) статистических материалов, отразивших масштабы и ход работ по разминированию; 4) источников личного происхождения, в том числе материалов перлюстрации частной корреспонденции органами военной цензуры, записей бесед с современниками и участниками работ по разминированию. Большинство источников выявлено в архивах и вводится в научный оборот впервые. История разминирования изучается с точки зрения занимавшихся им структур власти, Осоавиахима, а также населения. Такой подход позволяет лучше понять причины различий во взглядах на проблему каждой из этих сторон, объяснить постепенное изменение подхода власти к ее решению.

Результаты. Изучена основа нормативной базы организации и ведения работ по разминированию в 1940-е – середине 1950-х гг., масштабы и динамика работ, их методы, масштабы потерь от подрывов саперов и гражданского населения, восприятие проблемы властью и крестьянством.

Выводы. Разминирование западнорусской деревни в 1940-е – середине 1950-х гг. рассматривается как часть противоречивых взаимоотношений власти и деревни, предлагается периодизация его истории, в основе которой вытеснение чрезвычайных методов проведения разминирования с привлечением гражданского населения в годы войны разминированием за плату по заявкам

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-00031 «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)».

© Кометчиков И. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

учреждений и организаций силами специализированных подразделений с конца 1940-х гг.

Ключевые слова: западнорусская деревня, разминирование, Осоавиахим, Досарм, бойцы-минеры, власть и колхозная деревня в 1940-е – середине 1950-х гг.

I. V. Kometchikov

“FOR THE FINAL DEMINING OF THE DISTRICTS FREED FROM THE OCCUPATION, THE STATE DEFENSE COMMITTEE DECIDES...”: THE EVOLUTION OF THE GOVERNMENT’S APPROACHES TO DEMINING OF THE COUNTRYSIDE OF THE WEST OF THE RSFSR (1940s – MID 1950s)

Abstract.

Background. The research of the removal of mines in villages of western Russia in the 1940s – middle 1950s is determined by the need to achieve a better understanding of the government power mechanism and collective farming communities at the time and to obtain a more precise knowledge of the evolution of balance between regulatory and emergency measures employed by the power structures. The objective of the research is to find out how and why the approaches to the removal of mines in villages of western Russia in the 1940 – middle 1950s evolved.

Materials and methods. The conclusions and their argumentation are validated by the use of the following sources: 1) the process of rule-making of the State Defense Committee of the USSR, the Council of Ministers of the USSR, the regional committees of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU), the executive committees of the Council of Workforce Representatives, regional executive committees, the Military Councils at the frontline and in military districts, the Organization for Assisting Defense, Aerial and Chemical Industries (OADACI), and the National Defense Commissariat of the USSR; 2) the records of party and government establishments and military units; 3) the data on the scale and the process of removing the mines; 4) personal sources, such as opened and inspected by the military censorship authorities correspondence and recordings of interviews with contemporaries and participants of the removal of the mines. The majority of the sources have been discovered in the archives and are introduced into the science sphere for the first time. The story of the removal of the mines is examined from the point of view of the authorities and the OADACI that were involved in this process, but also of the general public. This perspective makes it possible to better understand the reasons for disagreements between the two sides and to explain the gradual change that marked the approach of the government towards the solution of this problem.

Results. We have examined the regulatory framework of the organization, the process of removing the mines in the 1940s – middle 1950s, the scale and the dynamics of the work done, their methods, the scale of damage from detonations executed by the sappers and the civilians, the government and population’s understanding of the problem.

Conclusions. The removal of mines in villages of western Russia in the 1940s – middle 1950s is regarded as a part of controversial relationships between the government and the village community. We propose a chronology of this process which is based on the fact that the emergency measures of removing the mines with the help of the civilians have been replaced by the paid removal by the specialized organizations at the requests of various companies in the end of the 1940s.

Keywords: western Russian countryside, demining, the Society of assistance to defense, aviation and chemical construction, the Volunteer Society of assistance to the Army, soldier-miners, the authorities and collective farm countryside in the 1940s till the mid 1950s.

Важным условием налаживания жизни на освобожденных территориях Запада РСФСР стало их разминирование. Эта проблема начала привлекать внимание краеведов, журналистов, историков с 1970-х гг. [1, с. 323, 324; 2, с. 296–298; 3, с. 501, 502; 4, с. 200–207; 5; 6, с. 68, 69]. Однако длительная засекреченность источников, панегиричность многих посвященных ей публикаций затрудняют понимание того, как и почему менялись подходы власти к ее решению. Ответить на этот вопрос позволяет обращение к постановлениям ГКО СССР, Военных советов Западного, Брянского, Центрального и Калининского фронтов, бюро Калужского, Московского, Орловского, Смоленского обкомов ВКП(б) и облисполкомов, бюро РК ВКП(б) и райисполкомов, директивам Центрального Совета Союза Осоавиахим СССР, делопроизводству партийных, советских органов, облвоенкоматов, воинских частей, военных округов, в которых отразились организация и ход разминирования.

С начала освобождения территории западнорусской деревни в ходе контрнаступления советских войск под Москвой и до конца 1943 г. разминирование велось согласно постановлениям Военных советов Западного, Брянского, Центрального и Калининского фронтов, директивам Штаба Инженерных войск Красной армии, приказам штабов Московского военного округа, постановлениям бюро обкомов ВКП(б) и облисполкомов, инструкциям Народного комиссариата обороны (НКО) СССР, как правило, без единого плана и силами инженерно-саперных подразделений действующей армии, снимавшей, прежде всего, собственные минные поля. Финансирование работ производилось НКО СССР.

В результате предпринятых мер к началу 1944 г. на полевых и пристанционных складах в Орловской и Смоленской областях скопилось большое количество собранных мин и других боеприпасов. В одном только Мценском районе Орловской области таких складов насчитывалось тринадцать [7, л. 415]. Инженерные части Белорусского фронта, проводя в октябре – ноябре 1943 г. разминирование на бывшем рубеже Центрального фронта, проходившем по девяти районам Орловской области, сняли около 300 тыс. мин и собрали много боеприпасов [8, л. 23]. К началу 1944 г. после разминирования инженерными частями Западного фронта полосы своего переднего края в пределах восьми районов Смоленской области на полевых и придорожных складах было сосредоточено около 800 т мин и минно-подрывного имущества [9, л. 6].

Попутно с разминированием производился сбор тяжелого вооружения и военной техники. К июлю 1942 г. на полях битвы под Москвой райвоенкоматами Московской области при помощи сельсоветов и колхозов были учтены 290 танков и танкеток, 217 орудий, 75 тракторов и тягачей, 1436 автомашин, 79 бронемашин, вездеходов и т.п., большое количество стрелкового оружия и боеприпасов [10, л. 64, 65]. Органами УНКВД Тульской области с 15 декабря 1941 г. по 15 февраля 1943 г. было собрано 203 автомашины, 210 мотоциклов, 8 тракторов, много стрелкового оружия и боеприпасов [11, л. 49, 96]. 5-я фронтовая трофейная бригада, очищавшая территорию Ор-

ловской, Брянской, части Калужской и северо-запада Курской области после сражений июля – августа 1943 г., к ноябрю 1943 г. учла 2519 танков, 178 бронемашин, 85 тягачей, 431 орудие и самоходную артиллерийскую установку (САУ), а также 1272 тыс. снарядов, 487 тыс. мин, минометных мин и другое военное имущество и металлолом [8, л. 71, 72]. Одиннадцать райкомов ВКП(б) Смоленской области, территория которых была освобождена во второй половине 1943 г., проинформировали обком партии, что к 1 января 1944 г. на подконтрольной им территории учтено 127 танков и САУ, 35 артиллерийских орудий, 36 тракторов, 102 автомобиля, 9 самолетов и другое вооружение, боеприпасы и военная техника [подсчитано: 12, л. 152–154]. Значительная часть этой военной техники была разбита и вывозилась как металлолом. Нередко требовалось разминирование подходов к ней.

Гражданское население привлекалось изначально в основном к вспомогательным работам по разминированию (ограждению минных полей и т.д.) [10, л. 54, 63; 13, л. 10; 14, л. 23; 15, л. 39; 16, л. 113, 113 об.]. Однако по мере удаления фронта очистка территорий от взрывоопасных предметов становилась задачей все более насущной и не решаемой лишь инженерно-саперными частями армии, к тому же в большинстве занятыми на фронте. Директивой Штаба Инженерных войск Красной армии за № 1234852-с от 9 ноября 1943 г. инженерным частям и отрядам разграждения предписывалось прекратить работы по разминированию районов бывших боевых действий [8, л. 24]. Среди других причин привлечения населения к разминированию – необходимость скорейшего обеспечения безопасности сельхозработ, огромный масштаб засоренности территорий взрывоопасными предметами, стремление использовать осведомленность местной власти и населения о местах их концентрации и др.

Отсутствие конкретных указаний о способе комплектования команд по разминированию в директивах по этому вопросу, принятых в 1942–1943 гг., подталкивало региональное и районное руководство к использованию тех же методов, что и при привлечении населения к разнообразным оборонительным работам в порядке выполнения государственной повинности (строительству полевых укреплений, взлетно-посадочных полос аэродромов и т.д.), мобилизации молодежи в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), железнодорожные и ремесленные училища, за уклонение от которых предусматривалась строгая ответственность.

Население, немалая часть которого стремилась уклониться от трудовых мобилизаций, зачастую так же относилось и к привлечению к работам по разминированию. В результате количество подготовленных разминеров было невелико и не обеспечивало минимальные потребности в очистке территории. Так, в 1942–1943 гг. в Смоленской области было подготовлено 996 разминеров, в Орловской – 237 [17, л. 19; 18, л. 297]. В Тульской области курсы минеров организовывались трижды, в том числе в 1943 г. подготовку прошли 24 человека, которых в итоге сочли не готовыми к самостоятельной работе в виду ее сложности [19, л. 71, 72].

Акцент на мобилизации как основном способе комплектования команд по разминированию из числа гражданского населения в областях Запада РСФСР, подчинение команд военным определили следование мобилизованными разминерами методикам разминирования, принятым в Красной армии.

Инженерные части ее сухопутных войск вели эти работы на основе руководств, инструкций и наставлений, изданных НКО СССР в довоенные и военные годы, а также собственного опыта периода войны. Основополагающие из них предполагали возможность снятия большинства типов мин отечественного производства для повторного использования посредством извлечения из них взрывателей [20, с. 165–168; 21, с. 57, 61, 64, 65, 94, 95, 100, 109; 22, с. 10–13; 23, с. 19]. Так же рекомендовалось поступать с большинством применявшихся на Западе РСФСР типов немецких мин [22, с. 10–13; 23, с. 19; 24, с. 74–85; 25, с. 34–36, 55–67, 71–75, 98–102, 121, 122]. Следование таким рекомендациям, несомненно, увеличивало количество несчастных случаев среди минеров из числа гражданского населения, в большинстве не обладавших достаточным опытом и квалификацией.

В результате усилий военных саперов и разминеров из числа гражданского населения к концу 1943 г. были разминированы проходы в бывших рубежах обороны, мосты, наиболее важные дороги, значительная часть населенных пунктов, отдельные площади сельхозназначения, учтено и частично собрано на местах боев тяжелое вооружение, часть стрелкового оружия, боеприпасов, военного имущества.

С 1944 г. работа по разминированию была возложена ГКО на организации Осоавиахима, а обучение подготовленных Осоавиахимом разминеров, контроль и руководство их работами – на военных [26, л. 41]. Организация работ определялась директивами Центрального совета (ЦС) Осоавиахима, Военных советов фронтов и округов, обкомов ВКП(б), облисполкомов, облвоенкоматов. Общее руководство работами велось областными штабами по разминированию и облсоветами Осоавиахима по согласованным планам. Разминирование проводилось силами инженерно-саперных подразделений Белорусского, Орловского и Московского военных округов, районных команд Осоавиахима, частей местной противовоздушной обороны (МПВО) при ведущей роли военных и финансировалось из бюджета Осоавиахима, НКО СССР, частично – колхозами и совхозами.

Продолжительное время центральное и региональное руководство не вполне представляло масштаб работ, из-за чего сроки завершения сплошного разминирования регионов неоднократно переносились. Особую сложность представляло разминирование рубежей долговременной обороны. Так, по Сычевскому, Гжатскому, Кармановскому и Темкинскому районам Смоленской области проходил июльский (1942) оборонительный рубеж Красной армии. По территории Велижского, Слободского, Пречистенского, Духовщинского, Ярцевского, Сафроновского, Дорогобужского, Ельнинского и Восточного районов после контрнаступления советских войск под Москвой до двух лет проходили глубоко эшелонированные полевые рубежи обороны шириной до 30–40 км с развитыми минными заграждениями, которые все это время непрерывно совершенствовались. Сильно минировались города и районные центры. Немцы сильно минировали пути своего отступления, населенные пункты, промежуточные рубежи обороны. На территории Орловской области (в границах до 5 июля 1944 г.) наибольшая насыщенность минными полями отмечалась по линии Орловского выступа, проходившего по территории 19 районов области на протяжении 460 км, а также в узлах обороны противника в Хотынецком, Шаблыкинском, Кромском, Свердловском и других рай-

онах. С момента освобождения области от гитлеровцев и в ходе работ по разминированию весной – летом 1944 г. было выявлено 218,4 тыс. га заминированной площади в 55 районах. На территории Калужской области заминированными и засоренными взрывоопасными предметами были все районы, кроме Калужского, очищенного воинской частью в 1944 г. По восьми районам долговременные рубежи обороны проходили год и более.

Низкие темпы работ с начала 1944 г., большое количество жертв в районных командах Осоавиахима обусловили корректировку подходов к решению проблемы разминирования. Постановлением ГКО № 6564 от 19 сентября 1944 г. разминирование бывших оборонительных рубежей, сложных минных полей передавалось инженерным частям армии [27, л. 65].

Реализация постановлений ГКО 1944 г. выявила несовпадение позиций привлеченных к разминированию структур. Председатели областных советов Осоавиахима публично гордились повышением статуса своих организаций [28, л. 161], но на деле старались переложить наиболее сложную работу на военных, а многие низовые осоавиахимовские руководители давали понять начальству, что разминирование вообще – прежде всего дело армии. Руководство обкомов ВКП(б) областей, подвергавшихся оккупации и нуждавшихся в разминировании значительных площадей, периодически ставили перед ЦК ВКП(б) вопросы о недостаточной и порой некачественной работе инженерно-саперных подразделений по разминированию [29, л. 78; 30, л. 2, 3]. В свою очередь военные требовали участия в работах всех подготовленных Осоавиахимом инструкторов по разминированию и бойцов-минеров и негодовали по поводу корректировки планов работ в сторону их увеличения.

Отсутствие у центральной и региональной власти достаточных кадровых, организационных и материальных ресурсов для проведения разминирования силами специализированных структур (прежде всего армии) обусловило сохранение размытости ряда ключевых формулировок постановлений ГКО об участии организаций Осоавиахима в разминировании, прежде всего о порядке комплектования команд. Хотя согласно постановлению ГКО № ГОКО–5216 их предписывалось создавать на добровольных началах из гражданского населения, преимущественно членов Осоавиахима не моложе 15 лет, способных выполнить эту работу, фактически их часто формировали, мобилизуя допризывников, которые до призыва в Красную армию должны были участвовать в разминировании своих районов.

Привлечение к разминированию преимущественно молодежи в первой половине 1940-х гг. определялось прежде всего напряженным балансом трудовых ресурсов. На протяжении 1941–1944 гг. значительная часть сельского населения Запада РСФСР, не призванная в армию и не угнанная гитлеровцами, привлекалась к строительству и обслуживанию оборонительных сооружений, полевых аэродромов дорог. Многие подростки направлялись в школы ФЗО, ремесленные училища предприятий Урала и Сибири. Немногими, кого можно было привлечь к разминированию, были допризывники 1927 и 1928 г. рождения, девушки, инвалиды войны с легкими ранениями. В результате в 1944–1946 гг. команды комплектовались в основном из призывников, сменявших друг друга по мере призыва в армию. На период обучения и практической работы по разминированию государство обеспечивало инструкторов и

членов районных команд Осоавиахима продовольствием по норме промышленных рабочих.

С начала 1946 г. привлечение населения к разминированию через Осоавиахим стало более дифференцированным. В районах, официально закончивших сплошное разминирование, формировались взводы минеров из членов Осоавиахима, уже работавших на разминировании, а также из демобилизованных, знающих минно-подрывное дело, и только при их отсутствии – из впервые прошедших подготовку [31, л. 2, 3 об.]. Постановлением СМ СССР № 1225–502с от 12 июня 1946 г. ответственность за окончание разминирования силами организаций Осоавиахима территории Брянской, Калужской, Орловской и Смоленской областей кроме его Центрального Совета возлагалась также и на СМ РСФСР. При отсутствии «в силу местных условий» добровольных команд минеров Смоленскому облисполкому разрешалось привлекать их из других районов за плату. Совету Министров РСФСР, облисполкомам регионов, освобожденных от оккупации, а также предприятиям союзного подчинения предписывалось создавать в строительных организациях и организациях, ведущих земляные работы, команды из рабочих, которые должны были совмещать основные обязанности с работой по поиску и уничтожению взрывоопасных предметов на участках работ [32, л. 206, 207].

Приоритетное внимание при разминировании села уделялось очистке сельскохозяйственных земель – залогом выполнения планов поставки государству сельхозпродуктов. В 1944–1946 гг. была выявлена и уничтожена большая часть взрывоопасных предметов. Если в 1944–1946 г., по далеко не полным данным, в Калужской, Орловской и Смоленской областях их было обезврежено около 12,5 млн, то в 1942–1952 гг. – около 15 млн.

Массовое привлечение гражданского населения к разминированию становится важным фактором эволюции методики разминирования: с начала 1944 г. основным методом обезвреживания взрывоопасных находок объявлялось их уничтожение. Снимать рекомендовалось лишь не бывшие в употреблении или недавно установленные мины, годные для повторного использования. Мины ряда конструкций с сохранными зарядами разрешалось использовать в качестве источника взрывчатки для подрывных работ [22, с. 12–14; 23, л. 65; 24, с. 19; 33, л. 171; 34, с. 3, 4, 10, 11].

К концу 1946 г. результаты проделанной в 1944–1946 гг. работы были утверждены актами об окончательном разминировании территорий. Однако продолжавшиеся подрывы населения, скота и техники заставили власть вновь вернуться к этому вопросу. Причиной такого положения стало то, что для многих региональных руководителей, отвечавших за безопасную эксплуатацию земельных площадей, критерием завершения разминирования было не полное удаление взрывоопасных предметов, а прекращение подрывов. В итоге по мере освоения новых, не проверявшихся территорий периодически происходили чрезвычайные происшествия.

Официально основными причинами подрывов разминеров считались их неосторожность, несоблюдение ими техники безопасности, необеспечение руководства работами по разминированию. Фактически ими также были недостаток у разминеров опыта, высокая сложность минирования, наличие большого количества мин нестандартных конструкций и мин-сюрпризов, по-

ставленных гитлеровцами, снятие многих мин вместо их уничтожения на месте в 1942–1944 гг., частое отсутствие точных карт минных полей и др.

Причинами подрывов гражданского населения были попытки выплавлять из боеприпасов тол для глушения рыбы, охоты, разборка с целью добычи цветного металла, из чувства любопытства, что было особенно характерно для детей. Статистика несчастных случаев, учитывавшихся структурами НКВД, Осоавиахима Калужской, Орловской и Смоленской областей, заведомо не полна. И тем не менее, в 1944–1946 гг. при подрывах на боеприпасах погибло 127 и было ранено 189 членов районных команд Осоавиахима, погибло 1973 человека и было ранено 3104 человека гражданского населения, а в 1944–1957 гг. – 146 и 210 членов районных команд, 2338 и 3648 человек населения соответственно. Высокими были и потери военных саперов, особенно в первые годы работ по разминированию.

Воспоминания очевидцев и участников работ по разминированию свидетельствуют, что население, зная о многочисленных подрывах, боялось вести полевые работы, отпускать гулять детей и т.д. Некоторые подростки, пройдя курсы подготовки разминеров, уклонялись от участия в практической работе. Председатели некоторых райисполкомов давали указания о первоочередном призыве членов команд Осоавиахима в школы ФЗО и ремесленные училища. В результате количество участвовавших в разминировании инструкторов и бойцов-минеров из числа гражданского населения всегда было ниже, чем количество подготовленных. Так, в Орловской области из 237 подготовленных в 1942–1943 гг. разминеров в разминировании участвовал 91 человек, в 1944 г. – 1706 из 1862 человек, в 1945 г. – 848 из 1150 человек, в 1946 г. – 430 из 488 человек соответственно, в Смоленской области из подготовленных в 1944 г. 3260 разминеров в работах участвовало около 1200 человек, в 1945 г. – 1331 из 1399 человек, в 1946 г. – 670 из 904 человек соответственно [подсчитано: 17, л. 19, 53; 18, л. 297; 35, л. 54; 36, л. 38; 37, л. 53; 38, л. 46; 39, л. 131; 40, л. 43]. Бывали случаи, когда родители обращались к руководству районов с просьбами забрать своих детей из команд по разминированию.

С конца 1940-х гг. во многих разминированных ранее районах началось повторное разминирование согласно директивам Военного министерства СССР, постановлениям СМ СССР, ЦС Осоавиахима (ЦС Досарма), инженерных отделов военных округов, обкомов ВКП(б), облисполкомов. Руководство разминированием теперь возлагалось на Военное министерство, проводилось скоординировано в масштабе региона по заявкам местной власти силами инженерно-саперных подразделений армии, руководившими минерами Досарма. Объемы работ и количество найденных и обезвреженных взрывоопасных предметов из года в год сокращались. Финансирование работ осуществлялось как Военным министерством СССР, так и из бюджета РСФСР и областей.

После разделения в 1949 г. Осоавиахима на несколько оборонно-спортивных организаций ответственность за организацию работ по окончательному разминированию территории бывших боевых действий постановлением СМ СССР № 2834-1130сс от 29 июня 1950 г. и СМ РСФСР № 810-60сс от 10 июля 1950 г. была возложена на командующих войсками военных округов. Им давалось право привлекать обученных саперов-добровольцев Досарма

в составе воинских команд и под руководством офицеров инженерных частей (право привлекать к работам по разминированию на добровольных началах подготовленных саперов Досарма давалось начальнику инженерных войск Сухопутных войск уже постановлением СМ СССР № 13573-рс от 28 августа 1949 г. [41, л. 204]). Самостоятельная работа минеров-добровольцев Досарма по разминированию была запрещена. В Уставе Досарма задача по ведению разминирования территории бывших боевых действий не упоминалась, однако указывалось, что на Досарм возлагается обучение его членов и населения военным специальностям.

На СМ РСФСР возлагалось направление необходимого числа минеров-добровольцев в воинские части, ведущие разминирование, выплата им заработной платы (инструктору – 1000 руб. в месяц, бойцу-минеру – 800 руб.), командировочных, обеспечение за счет военного министерства спецодеждой и обувью, а также организация за плату общественного питания в местах работ (согласно постановлению СМ СССР № 13573-рс инструктору полагалось 800 руб., а рядовому минеру – 600 руб. в месяц) [41, л. 205; 42, л. 188, 189]. Райисполкомы заключали с минерами-добровольцами Досарма юридически обязывающие договоры.

Постановления СМ СССР 1949–1950 гг. создали основу механизма разминирования по заявкам учреждений и организаций силами специализированных структур, что значительно снизило потери от подрывов ведущих работы по разминированию.

Основные усилия были сосредоточены на выявлении пропущенных боеприпасов, очистке труднодоступных участков сельхозугодий, лесов, полос отвода автомобильных и железных дорог и т.д. Основной объем работ по разведке засоренных площадей и их разминированию был выполнен военными. Так, по информации военного министра СССР А. М. Василевского в ЦК ВКП(б), к концу лета 1951 г. в работах по разминированию Калужской области участвовало 2917 человек, значительная часть которых была военнослужащими инженерно-саперных частей [30, л. 4]. В Смоленской области разминирование бывших рубежей обороны на территории 28 районов вели 2143 человека, а всего на работах по разминированию территории, входящей в Московский военный округ, в 1951 г. было задействовано около 5700 саперов [30, л. 34].

Таким образом, засоренность взрывоопасными предметами западно-русской деревни воспринималось властью прежде всего как преграда для нормализации хозяйственной жизни, выполнения планов поставки государству сельскохозяйственных продуктов. Для ее устранения были привлечены все имевшиеся возможности, в том числе и молодежь, участие которой в разминировании изначально базировалось на директивах военных и политических структур военного времени, фактически подразумевавших призыв по мобилизации. Однако при этом многие разминеры-осоавиахимовцы отождествляли свой труд с ратным трудом фронтовиков. Власть учитывала это, награждая подростков воинскими знаками отличия, а наиболее отличившихся – государственными наградами. По мере удаления от событий войны чрезвычайщина в организации разминирования заменялась детально регламентированной процедурой обезвреживания взрывоопасных предметов по заявкам нуждавшихся в этом структур власти, предприятий и организаций, а участие в разминировании из жертвенного подвига превращалось в профессию.

Библиографический список

1. Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне / под общ. ред. А. П. Бекасова. – Тула : Приокское книжное изд-во, 1970. – 344 с.
2. **Гавриленков, В. М.** На земле Демидовской / В. М. Гавриленков. – Смоленск : Смядынь, 1994. – 320 с.
3. **Комаров, Д. Е.** Великая Отечественная война на Вяземской земле / Д. Е. Комаров. – Смоленск : Универсум, 2009. – 556 с.
4. **Полынкин, А. М.** Покровский край в годы Великой Отечественной войны / А. М. Полынкин. – Орел : Картуш, 2015. – 268 с.
5. **Гусев, А. В.** Разминирование территорий и объектов пиротехническими подразделениями МПВО и группами Осоавиахима в годы войны (1941–1945 гг.) / А. В. Гусев ; науч. ред. Е. Ю. Волкова. – Кострома : Изд-во Костромского государственного технологического ун-та, 2012. – 123 с.
6. **Писаренко, И. С.** Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И. С. Писаренко. – Калуга : Изд-во ЦНТИ Калужской области, 1998. – 118 с.
7. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-1591. Оп. 8. Д. 27.
8. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 518.
9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 115.
10. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. П-3. Оп. 52. Д. 150.
11. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-2640. Оп. 7. Д. 33.
12. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1695.
13. ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 52. Д. 188а.
14. ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 43.
15. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 55.
16. ГАОО. Ф. 52. Оп. 2. Д. 517.
17. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 932.
18. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1484.
19. ГАТО. Ф. П-177. Оп. 9. Д. 112.
20. Наставление по инженерному делу для пехоты (Инж. П-43) : проект / ред. С. Е. Гербановский. – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1943. – 247 с.
21. Руководство по средствам минирования и разминирования. – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1943. – 256 с.
22. Краткие указания по организации работ инженерной части при сплошном разминировании местности (из опыта работы инженерных частей). – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1943. – 16 с.
23. Инструкция по сплошному разминированию местности (для инженерных частей и отрядов разграждения Управлений оборонительного строительства). – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1944. – 44 с.
24. Краткие указания по минированию, разведке и разминированию. – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1942. – 111 с.
25. Минно-подрывные средства противника. – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1943. – 152 с.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Д. 287.
27. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 384.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 202.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 84.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 228.

31. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 221.
32. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 213.
33. ГАОО. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 19.
34. Инструкция по определению качественного состояния мин, снятых при разминировании и изъятых из захваченных складов противника. – Москва : Военное изд-во НКО СССР, 1944. – 14 с.
35. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 233.
36. ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. Д. 234.
37. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 1. Д. 19.
38. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1685.
39. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1690.
40. ГАСО. Ф. Р-2361. Оп. 5. Д. 151.
41. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 92.
42. ГАКО. Ф. Р-883. Оп. 19. Д. 113.

References

1. *Kogda bushuyut grozy. Kaluzhskaya oblast' v Velikoy Otechestvennoy voyne* [When thunderstorms rage. Kaluga region during the Great Patriotic War]. Ed. A. P. Bekasov. Tula: Priokskoe knizhnoe izd-vo, 1970, 344 p. [In Russian]
2. Gavrilov V. M. *Na zemle Demidovskoy* [In the land of Demidov]. Smolensk: Smyadyn', 1994, 320 p. [In Russian]
3. Komarov D. E. *Velikaya Otechestvennaya voyna na Vyazemskoy zemle* [The Great Patriotic War on Vyazemsky land]. Smolensk: Universum, 2009, 556 p. [In Russian]
4. Polynkin A. M. *Pokrovskiy kray v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Pokrovsky krai during the Great Patriotic War]. Orel: Kartush, 2015, 268 p. [In Russian]
5. Gusev A. V. *Razminirovanie territoriy i ob"ektov pirotekhnicheskimi podrazdeleniyami MPVO i gruppami Osoaviakhima v gody voyny (1941–1945 gg.)* [Demining of territories and objects by pyrotechnic divisions of MPVO and Osoaviakhima groups during the war (1941–1945)]. Kostroma: Izd-vo Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta, 2012, 123 p. [In Russian]
6. Pisarenko I. S. *Tyl Kaluzhskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The rear of the Kaluga region during the Great Patriotic War]. Kaluga: Izd-vo TsNTI Kaluzhskoy oblasti, 1998, 118 p. [In Russian]
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Orlov region]. F. R-1591. Op. 8. D. 27. [In Russian]
8. *GAOO*. F. 52. Op. 2. D. 518.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Smolenskoy oblasti (GASO)* [State Archive of Smolensk region]. F. R-2361. Op. 5. D. 115. [In Russian]
10. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv Moskvy (TsGA Moskvy)* [Central State Archive of Moscow]. F. P-3. Op. 52. D. 150. [In Russian]
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)* [State Archive of Tula region]. F. R-2640. Op. 7. D. 33. [In Russian]
12. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Smolenskoy oblasti (GANISO)* [State Archive of contemporary history of Smolensk region]. F. 6. Op. 1. D. 1695. [In Russian]
13. *TsGA Moscow*. F. P-3. Op. 52. D. 188a.
14. *GASO*. F. R-2361. Op. 5. D. 43.
15. *GAOO*. F. 52. Op. 2. D. 55.
16. *GAOO*. F. 52. Op. 2. D. 517.
17. *GAOO*. F. P-52. Op. 2. D. 932.
18. *GANISO*. F. 6. Op. 1. D. 1484.
19. *GATO*. F. P-177. Op. 9. D. 112.

20. *Nastavlenie po inzhenernomu delu dlya pekhoty (Inzh. P-43): proekt* [Engineering Manual for Infantry (P-43): draft]. Ed. S. E. Gerbanovskiy. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1943, 247 p. [In Russian]
21. *Rukovodstvo po sredstvam minirovaniya i razminirovaniya* [Mining and Mine Action Guide]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1943, 256 p. [In Russian]
22. *Kratkie ukazaniya po organizatsii rabot inzhenernoy chasti pri sploshnom razminirovanii mestnosti (iz opyta raboty inzhenernykh chastey)* [Brief instructions on the organization of work of the engineering part during continuous clearance of the terrain (from the experience of the engineering parts)]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1943, 16 p. [In Russian]
23. *Instruktsiya po sploshnomu razminirovaniyu mestnosti (dlya inzhenernykh chastey i otryadov razgrazhdeniya Upravleniy oboronitel'nogo stroitel'stva)* [Instructions for continuous clearing of the area (for engineering units and barrage units of the Office of Defensive Construction)]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1944, 44 p. [In Russian]
24. *Kratkie ukazaniya po minirovaniyu, razvedke i razminirovaniyu* [Brief guidelines for mining, reconnaissance and clearance]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1942, 111 p. [In Russian]
25. *Minno-podryvnye sredstva protivnika* [Enemy mine-subversive weapons]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1943, 152 p. [In Russian]
26. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 644. Op. 2. D. 287. [In Russian]
27. *RGASPI*. F. 644. Op. 2. D. 384.
28. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-8355. Op. 6. D. 202. [In Russian]
29. *RGASPI*. F. 17. Op. 136. D. 84.
30. *RGASPI*. F. 17. Op. 136. D. 228.
31. *GARF*. F. R-8355. Op. 6. D. 221.
32. *GARF*. F. R-8355. Op. 6. D. 213.
33. *GAOO*. F. R-1691. Op. 1. D. 19.
34. *Instruktsiya po opredeleniyu kachestvennogo sostoyaniya min, snyatykh pri razminirovanii i iz'yatykh iz zakhvachennykh skladov protivnika* [Instructions for determining the quality condition of mines removed during clearance and withdrawn from captured enemy depots]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR, 1944, 14 p. [In Russian]
35. *GARF*. F. R-8355. Op. 6. D. 233.
36. *GARF*. F. R-8355. Op. 6. D. 234.
37. *GAOO*. F. P-52. Op. 1. D. 19.
38. *GANISO*. F. 6. Op. 1. D. 1685.
39. *GANISO*. F. 6. Op. 1. D. 1690.
40. *GASO*. F. R-2361. Op. 5. D. 151.
41. *Gosudarstvennyy arkhiv Kaluzhskoy oblasti (GAKO)* [State Archive of Kaluga region]. F. R-883. Op. 19. D. 92. [In Russian]
42. *GAKO*. F. R-883. Op. 19. D. 113.

Кометчиков Игорь Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории, Калужский
государственный университет
имени К. Э. Циолковского (Россия,
г. Калуга, ул. Степана Разина, 26)

E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

Kometchikov Igor' Vyacheslavovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history,
Kaluga State University named after
K. E. Tsiolkovski (26, Stepana Razina
street, Kaluga, Russia)

Образец цитирования:

Кометчиков, И. В. «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет...»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е – середина 1950-х гг.) / И. В. Кометчиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 71–83. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-5.

КИНО ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ? ИСТОРИЯ ОДНОГО СОВЕЩАНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье рассматривается деятельность системы городского кинопроката в Ленинграде в годы оттепели. Целью данной работы является сравнение ленинградской и московской систем показа кинофильмов, выявление специфических черт, присущих ленинградскому кинопрокату, изучение развития городской сети кинотеатров, а также проблем, стоявших перед кинопрокатчиками, и путей их решения.

Материалы и методы. Благодаря стенографическим отчетам о совещаниях, в которых принимали участие сотрудники, ответственные за работу городских кинотеатров, удастся сформировать целостную картину о проблемах, с которыми сталкивалась данная структура. Исследование базируется на материалах Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) и периодической печати тех лет. С помощью сравнительно-исторического метода возможно сопоставление московской и ленинградской систем кинопроката; статистический метод позволяет проанализировать эффективность государственных ассигнований, выделяемых на развитие кинофикации в СССР.

Результаты. Исследовано состояние системы кинопроката в СССР в период хрущевской оттепели. Рассмотрены особенности репертуарной политики, организации работы по привлечению зрителей и планируемые доходы от показа фильмов в Москве и Ленинграде. Отмечены специфические черты, присущие ленинградскому кинопрокату, связанные с его провинциальным положением, историческими особенностями развития сети кинотеатров, вкусами публики.

Выводы. На основании использованных источников можно сделать вывод о том, что «ответственные» лица знали о существовании и пытались устранить «слабые места» системы кинопроката, но часто сталкивались с бюрократическими препятствиями плановой экономики. К основным проблемам, безусловно, относились: недоступность билетов на вечерние киносеансы для массового зрителя, отсутствие комфорта в городских кинотеатрах, ограниченные возможности населения в просмотре новинок отечественного, и в первую очередь, западного кинематографа. Автор приходит к заключению, что возникали эти проблемы зачастую из-за идеологизированной политики государства в области выпуска и проката кинофильмов, а также из-за недостаточного финансирования и отсутствия квалифицированных сотрудников.

Ключевые слова: история повседневности, досуг, кинопрокат в СССР, кинотеатр, Ленинград.

IS THE CINEMA FOR THE VIEWER? THE STORY OF ONE MEETING

Abstract.

Background. The article discusses the activities of the city film distribution system in Leningrad during the thaw years. The purpose of this work is to compare the Leningrad and Moscow film screening systems, identify specific features inherent in the Leningrad film distribution, study the development of the city cinema network, as well as the problems faced by film distributors, and ways to solve them.

Materials and methods. Thanks to the stenographic reports on the meetings that were attended by the employees responsible for the operation of the city's cinemas, it is possible to form a comprehensive picture of the problems faced by this structure. The research is based on the materials of the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (TsGALI St. Petersburg) and the periodical press of those years. With the help of the comparative-historical method it is possible to compare the Moscow and Leningrad film distribution systems; the statistical method makes it possible to analyze the effectiveness of government spending on the development of cinema in the USSR.

Results. The state of the film distribution system in the USSR during the Khrushchev thaw was studied. The features of the repertoire policy, the organization of work to attract viewers and the planned revenues from the screening of films in Moscow and Leningrad are considered. Specific features inherent in Leningrad film distribution, related to its provincial position, historical features of the development of the cinema network, and the tastes of the public, are noted.

Conclusions. Based on the sources used, it can be concluded that the "responsible" people were aware of the existence of the film distribution system and tried to eliminate them, but often faced bureaucratic obstacles of the planned economy. The main problems undoubtedly included: the unavailability of tickets for evening cinema performance to the general public; the lack of comfort in the city's cinemas; and the limited ability of the public to view new domestic and above all western films. The author concludes that these problems often arose because of the state's ideological policy in the field of film production and distribution, as well as the lack of funding and qualified staff.

Keywords: history of everyday life, leisure, film distribution in the USSR, cinema, Leningrad.

В эпоху зарождения массового советского телевидения в 1950-е гг. поход в кино был важнейшей формой организации досуга и развлечения для большинства советских граждан. Просмотр нового фильма был для многомиллионного населения страны культурной отдушиной, помогал почерпнуть информацию о последних тенденциях мира науки и искусства, моды, становился окном в незнакомый мир Запада.

Специальных работ по истории досуга советских людей и, в частности, организации кинообслуживания совсем немного. Существуют исследования, посвященные проблемам кинопроизводства и кинопроката в СССР, созданные за последние годы [1–6]. Однако настоящее исследование выделяется тем, что в нем впервые предпринимается попытка проследить особенности развития отечественного кинопроката в хрущевскую эпоху на примере Ленинграда.

О популярности кинематографа свидетельствует статистика: в 1955 г. на одного жителя страны приходилось 15,9 походов в кино в год [7, с. 274], по Ленинграду эта цифра была несколько выше – 19 [8, л. 1]. Однако особенностью советского кинопроката 1950-х гг. являлось то, что спрос намного превышал предложение. Прежде всего не хватало популярных кассовых кинофильмов советского производства. В 1953 г. на киноэкраны было выпущено всего лишь 28 отечественных полнометражных фильма, в 1954 г. – 38 картин [9, л. 5].

В условиях «малокартинья» руководители кинопроката должны были выполнять финансовый план: получать максимальную прибыль при минимальных затратах на его организацию. Методы для достижения этой цели применялись самые разнообразные: повторный показ лучших фильмов, выпущенных советскими кинематографистами в 1930–1940-е гг., демонстрация зарубежных кинолент (преимущественно производства стран народной демократии), привлечение на дневные киносеансы школьников и целых трудовых коллективов. Однако далеко не всегда данные методы действительно работали. Например, заполнить кинотеатры, разнообразить репертуар за счет иностранных фильмов было непросто. В 1953 г. на экранах демонстрировалась 51 картина из социалистических стран и Запада, а в 1954 г. их количество уменьшилось до 40 [10, с. 188].

Советские кинематографисты хотели видеть полные залы во время показа своих фильмов и искренне не понимали, почему далеко не всегда это происходит. Свое негодование выразил режиссер многих любимых советским зрителем фильмов М. И. Ромм, опубликовавший 17 марта 1955 г. в «Литературной газете» статью под названием «Кино и зритель» [11, с. 1]. В статье говорилось о недостатках системы производства и проката кинофильмов. В частности, Ромм обращал внимание на недостаточное количество кинотеатров, плохие условия организации просмотров, скудный репертуар. Критическая статья М. И. Ромма не могла остаться незамеченной в среде кинопрокатчиков. Хотя речь в ней в основном шла о состоянии московских кинотеатров, в ленинградском Доме кино 7 апреля 1955 г. состоялось специальное совещание, на котором происходило обсуждение этой статьи. В совещании приняли участие представители киностудии «Ленфильм», руководство ленинградской системы кинопроката, инженеры-проектировщики объектов киноиндустрии, директора городских кинотеатров. Отчет о состоявшемся совещании в настоящее время находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга в фонде, посвященном деятельности ленинградского Дома кино [9].

Само совещание любопытно тем, что по его стенографическому отчету заметно противостояние между кинематографистами в лице сотрудников «Ленфильма» и кинопрокатчиками, от лица которых выступала начальник Ленинградской конторы Кинопроката Анастасия Юнисова. Открыл собрание главный редактор ленфильмовской газеты «Кадр» Арнольд Янович Витоль, который познакомил собравшихся с кратким содержанием статьи Ромма и дополнил свой рассказ фактами о состоянии системы кинопроката Ленинграда.

В первую очередь Витоль говорил о недостаточном количестве кинотеатров, отмечая, что в 1916 г. в Петрограде их насчитывалось около 400.

Правда, большинство из них являлись киноминиатюрами, т.е. отличались небольшими размерами. В каждом кинотеатре с 7 до 11 вечера давали по три сеанса. В маленьких кинозалах было от 50 до 100 мест. Были в столице и большие кинотеатры, например, первый синематеатр на Невском проспекте «Пикадилли» на 800 мест, имелись кинозалы и на 400–500 мест. Эти цифры хоть и ориентировочные, но позволяют сделать вывод, что посещаемость кинотеатров достигала 400 тыс. человек в день¹. Приводил Витоль и такой пример: в 1914 г. на Невском проспекте было 23 кинотеатра, в 1955 г. уже 10, а количество мест увеличилось лишь на треть [9, л. 7]. Заканчивал свою мысль Арнольд Янович следующим выводом: «У нас намечилось очень серьезное отставание киносети от потребностей населения» [9, л. 8].

О нехватке кинотеатров в городе говорил и оператор «Ленфильма» С. Иванов. Согласившись с тем, что в стране не все в порядке с прокатом, помещениями и кинообслуживанием населения, он предложил в первую очередь задуматься о создании новых удобных кинозалов. Приводил оператор пример, основанный на личном опыте: «Когда идешь вечером по Невскому проспекту, то у кинотеатра “Аврора” стоит толпа и просит: “Нет ли билета?” Пройдешь дальше и опять у кинотеатров толпа. Следовательно, в первую очередь, надо решать вопросы о строительстве больших кинотеатров, которые позволили нормально работать киноработникам» [9, л. 25].

Противоположную позицию заняла начальник Ленинградской конторы кинопроката Анастасия Юнисова. Она была солидарна с Роммом по вопросу недостаточного количества кинотеатров в Москве, потому что, по имеющимся у нее данным, в год на одного активного зрителя Москвы было 10 посещений; в Ленинграде при том же количестве посадочных мест в 1954 г. было 19 посещений на одного активного зрителя. Известно, что количество жителей с учетом зрителей, находящихся в городе проездом в Москве, примерно в два раза больше Ленинграда, а количество посещений на одного активного зрителя в два раза меньше. Приходила А. Юнисова к следующему выводу: «При таком положении дел в Москве увеличение количества кинотеатров является насущной потребностью. Что касается Ленинграда, то я полагаю, что Ленинграду в ближайшее время увеличение количества кинотеатров не нужно. Нам на вечерние сеансы помещений хватает. Есть надобность открытия кинотеатров в отдельных районах города, где их сейчас нет. Там нужно построить кинотеатры, чтобы создать условия кинозрителю посмотреть фильм на месте. У нас создается ажиотаж на Невском проспекте, и рабочие Кировского завода, попадая на Невский, в ряде случаев, приобретают билеты на вечерние сеансы у спекулянтов» [9, л. 62].

В активную дискуссию включился представитель филиала проектного института «Гипрокино», Галкин, который не согласился с Юнисовой. Он заявил, что, по данным их организации, в Советском Союзе на 1950-е гг. запланирована техническая база кинематографии из расчета выпуска 100 картин ежегодно. Кинотеатры будут иметь возможность каждые три дня получать новую советскую картину. Галкин сетовал: «Как же можно будет окупить стоимость затрат на картины, не имея большой киносети? В этом отношении,

¹ Подсчеты произведены автором работы и основываются на том, что общее число жителей Петрограда в 1916 г. составляло 2 415 700 человек [12, с. 16, 17].

мне думается, неправильна установка товарища Юнисовой. Кинотеатры нужны, их мало» [9, л. 66]. Данное замечание безусловно справедливо, но стоит заметить, что советское кинопроизводство окажется способным выпускать более 100 художественных фильмов в год только к 1970-м гг.

Собравшиеся в ленинградском Доме кино дискутировали и о недостатке в прокате фильмов отечественного производства. На эту проблему обратил внимание тот же Витоль. Он отмечал, что в 1951 г. советские киностудии выпустили только 6 картин [9, л. 4]. В 1955 г. производство советских фильмов еще не достигло достаточных объемов, однако кинопрокат СССР в этом году получил 75 новых полнометражных кинолент, из них 33 советских [9, л. 4]. Витоль с досадой заметил, что многие из советских фильмов зрители считали «скучными и неинтересными». Он выступил в защиту собравшихся кинематографистов с мыслью о том, что советское кино воспитывает вкусы и не будет выпускать кассовые фильмы, сколько бы они ни приносили прибыли, ведь советское кино идейно и духовно выше поделок западного кинематографа: «Не советское кино будет выпускать такие картины, как “Тарзан”, “Мост Ватерлоо” или “Милый друг”, как бы экономически выгодно это ни было» [9, л. 12]. Выпущенные еще в начале 1940-х гг., эти фильмы продолжали собирать полные кинозалы в СССР.

Говорил Витоль и о том, что некоторым советским картинам пока еще рано конкурировать за зрителя с зарубежными. Главной причиной сложившейся ситуации был одновременный показ в ленинградских кинотеатрах фильмов советского производства и западных игровых картин: «Такая ситуация была с “Героями Шипки”, когда рядом шел “Фанфан-Тюльпан”. Это коммерческое отношение, идущее во вред художественной политике, задачам советского киноискусства». В качестве примера неправильного составления репертуара в ленинградских кинотеатрах Арнольд Янович приводил ситуацию, когда в залах города демонстрировались сразу три цирковые кинокартины – «Укротительница тигров», «Цирк» и «Представление начинается» [9, л. 12]. Здесь явно взяли верх финансовые интересы и желание директоров кинотеатров спасти свой собственный план в ущерб соседним кинотеатрам. Очевидно, что не был правильно спланирован общий репертуар. Настаивал Витоль и на пересмотре планирования доходов от киноотрасли и выпуска фильмов на экраны. Он приводил пример с фильмом «Укротительница тигров», который демонстрировался в кинотеатре «Великан» только четыре дня, а затем в силу невыполнения плана по прибыли на дневных сеансах был снят с показа. Впоследствии от зрителей стали поступать звонки на «Ленфильм» с вопросом, в каких кинотеатрах фильм еще можно застать [9, л. 15].

Кинооператор С. Иванов соглашался с тем, что прокат, состояние помещений и обслуживание населения в Ленинграде оставляли желать лучшего. Он обращал внимание собравшихся на то, что, «с одной стороны, кинематография должна воспитывать народ в коммунистическом духе, с другой стороны, кинематография должна давать деньги». Затем он задавался вопросом: «Что же у нас происходит на самом деле?» [9, л. 26]. И сам же давал на него ответ: «Днем кинотеатры часто не выполняют план, и картину – хорошую, нужную снимают с экрана. Как же можно ориентироваться на показ картин только по дневным сеансам? У нас днем в основном все работают и ходят на дневные киносеансы только приезжие люди, домохозяйки да дети. А вечером

никто не может запросто попасть в кинотеатр. План по прибыли в свою очередь составляется только для дневных сеансов, вечерние показы в нем не учитываются. Не знаю, насколько это правильно. План – это большое дело, но его не следует составлять только по дневным сеансам» [9, л. 26].

И вновь Анастасия Юнисова была вынуждена отражать нападки от коллег по цеху: «Мы с вами, работники кинофикации и кинопроката обязаны обеспечивать выполнение плана». Затем, она напомнила собравшимся о том, как устроена система выпуска фильмов в Ленинграде: «В тех случаях, когда фильм санкционирован (*видимо Министерством культуры СССР* – В. Г.), мы получаем одновременно визу на выпуск и 35–36 копий фильма. В нашем городе 36 первоэкранных выпускных кинотеатров; целый ряд фильмов получаем сокращенным тиражом, как, например, фильмы стран народной демократии и другие заграничные фильмы. Выпуская картину на первый экран, мы держим ее до предела, т.е. до тех пор, пока картина обеспечивает выполнение государственного плана. Государственный план по городским кинотеатрам составляет 500 тыс. рублей (*с одной картины* – В. Г.)» [9, л. 26]. Если картина не обеспечивает выполнение плана в первоэкранных кинотеатрах, то, следовательно, получается недобор суммы плана и через два дня принимается решение о снятии ее с проката [9, л. 55].

Еще одной проблемой советской системы кинопроката являлось отсутствие качественной рекламы. Витоль говорил, что реклама фильмов в Ленинграде организована на недостаточном уровне, а ведь она является наглядной агитацией и пропагандой. Также он обращал внимание на то, что долгое время в Министерстве кинематографии существовал приказ, запрещающий сообщать о картинах, находящихся в производстве (*из-за того, что многие картины затем ложились на полку* – В. Г.). Приводил он в качестве примера ранее упоминаемый фильм «Укротительница тигров»: «Она очень интересно создавалась, но ведь мы не видели ни фотокадров, ни моментов съемок, что было бы очень интересно зрителю». Арнольд Янович сетовал: «У нас нет киноинформационной печати. До войны в Ленинграде издавался еженедельный журнал-программа и бюллетень “Ленфильма”, а до революции в Петрограде было 6 киножурналов. Сейчас нет ни одного» [9, л. 16]. По всей видимости, данная проблема оказалась замеченной руководством, и с 1956 г. стал издаваться журнал «Кинонеделя Ленинграда».

Вместе с тем решение далеко не всех проблем зависело от региональных чиновников. Анастасия Юнисова отвечала на замечания относительно рекламы следующим образом: «Мы узнаем о выпуске кинофильма в лучшем случае тогда, когда нам присылают листок ориентировочного репертуарного плана на следующий месяц, т.е. в 20-х числах текущего месяца. Следовательно, до выпуска первого кинофильма следующего месяца в нашем распоряжении остается максимум 10 дней. И если учесть, что к этому времени нет ни картин, ни исходного рекламного материала, то вам станет ясно, как бы ни хотели работники кинофикации и кинопроката – они не в состоянии подготовить рекламу, кроме текстовой, выпускаемой своими средствами» [9, л. 56].

Другим проблемным вопросом стала культура обслуживания. Витоль отмечал, что в Ленинграде есть хорошие кинотеатры, многие из которых отремонтированы («Баррикада», «Родина», «Аврора» и др.). В то же время, по его мнению, во многих театрах города сохранялась неуютная обстановка, со-

проводившаяся отсутствием чистоты и духотой в кинозалах, неинтересными выставками, толпами людей в фойе, находящихся в ожидании сеанса. Вину за происходящее Арнольд Янович возлагал на работников кинотеатров, которые недостаточно внимательно относились к своей работе [9, л. 11]. Много претензий поступало в это время от зрителей. Например, посетители кинотеатра «Аврора» жаловались на плохое изображение, а в кинотеатрах «Спартак», «Художественный» и «Титан» имелись нарекания к качеству звука [9, л. 20].

Солидарен с Арнольдом Яновичем был и специалист «Гипрокино» Галкин. Он заявил, что многие ленинградские кинотеатры не соответствуют уровню развития советской кинематографии и также обращал внимание на проблемы со светом и звуком, отоплением и вентиляцией кинозалов. К тому же специалист «Гипрокино» жаловался, что ряд проектов, выполненных институтом, не совсем правильно выполняется в натуре, нет контроля со стороны Управления культуры. Например, в кинотеатре «Колизей» подъем пола не был выполнен по проекту, и зрители испытывали дискомфорт при просмотре фильмов. Вывод, к которому приходил Галкин, был следующий: «Надо и проектировать, и строить так, чтобы были созданы нормальные, благоприятные условия для зрителей, тогда посещаемость кинотеатров будет лучшей и создадутся лучшие возможности восприятия кино и художественных качеств, присущих нашим фильмам» [9, л. 63].

На этом прения завершились и подводить итог совещанию пришлось главе ленинградского кинопроката Анастасии Юнисовой: «К сожалению, сегодняшнее совещание, с моей точки зрения, не достигло цели. Я думала, что при обсуждении статьи в выступлениях товарищей будут высказаны какие-нибудь предложения, о которых бы следовало поговорить и дать обещание их выполнить. К сожалению, я конкретных предложений не слышала» [9, л. 68]. Подобными общими словами, пожеланиями, декларациями полны речи многих советских руководителей, в данном случае выступление начальника Ленинградской конторы кинопроката. Между тем, именно А. Юнисова должна была рекомендовать конкретные меры по решению проблем.

Кинопровод был одной из самых доходных отраслей советской экономики. Казалось бы, власть должна быть заинтересованной в увеличении численности кинотеатров и зрителей. На примере совещания заметно, насколько система кинопроката Ленинграда не была способна реагировать на запросы публики и кинематографистов, поскольку ответственность за ее развитие ложилась на чиновников, а не на лиц, которые были действительно в этом заинтересованы. Руководство кинопрокатом в лице Юнисовой оказалось глухо к просьбам кинематографистов. Заметно, как начальник ленинградского кинопроката пытается либо свести к минимуму важность проблемы (в частности, отсутствие достаточного количества кинотеатров), либо перекладывает ответственность на вышестоящие органы. Как бы ни пыталось руководство кинопроката «сгладить углы», в своих письмах зрители продолжали высказывать претензии¹ и многие проблемы не были решены еще долгое время.

¹ К примеру, на страницах еженедельника «Кинонеделя Ленинграда» от 1 января 1960 г. можно ознакомиться с письмом ленинградского зрителя Е. Беловой следующего содержания: «Мне бы хотелось сказать о кинотеатрах. По-прежнему очень трудно попасть в кино. Представьте, что вы вечером вздумали вдруг посмотреть какой-нибудь фильм. Однако достать

Однако парадоксальным образом руководство, в частности ленинградского кинопроката, практически ничего не делает для достижения этой важнейшей финансово-хозяйственной задачи. Ведь заметно, как Анастасия Юнисова сама себе противоречит, считая, что увеличение количества кинотеатров на-сущно лишь для столицы, но не для Ленинграда и тут же говорит, что «есть надобность открытия кинотеатров в отдельных районах города, где их сейчас нет, нужно построить кинотеатры, чтобы создать условия кинозрителю посмотреть фильм на месте» [9, л. 62]. Одной из важнейших проблем было то, что управленцы от кинопроката были недостаточно квалифицированы для того, чтобы организовать производственный процесс и сделать просмотр кинофильмов доступным зрителю.

Библиографический список

1. **Кометчиков, И. В.** Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1-2 (39). – С. 90–96.
2. **Косинова, М. И.** История взаимоотношений отечественного кинематографа со зрительской аудиторией / М. И. Косинова // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 4. – С. 147–155.
3. **Миколаускайте, Л. В.** Культурно-просветительские учреждения в Горно-Алтайской автономной области в 50–60-е гг. XX века / Л. В. Миколаускайте // Мир Евразии. – 2010. – № 4 (11). – С. 120–124.
4. **Огородникова, О. А.** Кино в повседневной жизни советского человека (1950–1960-е годы) / О. А. Огородникова // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Исторические науки. – 2018. – № 3 (31). – С. 58–64.
5. **Орехова, Н. В.** Развитие киносети Сталинградской области как сферы культурного строительства в 1946 – начале 1950-х гг. / Н. В. Орехова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (97). – С. 216–221.
6. **Ралкова, О. В.** Кинофикация и пропаганда в эпоху Н. С. Хрущева (на материалах Челябинской области) / О. В. Ралкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2011. – № 9 (226). – С. 46–49.
7. Социология и кинематограф / под общ. ред. М. И. Жабского. – Москва : Канон+, 2012. – 599 с.
8. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 386. Оп. 1. Д. 121.
9. ЦГАЛИ СПб. Ф. 182. Оп. 1. Д. 146.
10. **Ряпусова, Д. Н.** «Что сегодня покажет нам товарищ Большаков?»: проблемы послевоенного уральского кинопроката в свете сталинской кинополитики / Д. Н. Ряпусова // Вестник Пермского университета. Сер.: История. – 2013. – Вып. 1. – С. 185–196.

билеты на картину так вот, сразу, не удастся: для этого нужно выстоять не один час в очереди. Поэтому я, как и многие другие кинозрители, приветствую строительство новых кинотеатров, которое сейчас ведется в нашем городе. Испытывает кинозритель и еще одно неудобство: сейчас на экраны одновременно выходит по несколько фильмов, но посмотреть даже лучшие из них трудновато: в одном кинотеатре фильм идет всего два-три дня. Необходимо в 1960 г. изменить это положение». Заметно, что многие из озвученных на совещании проблем за 5 лет так и не были решены.

11. Ромм, М. И. Кино и зритель / М. И. Ромм // Литературная газета. – 1955. – 17 марта. – № 33 (3378). – С. 1.
12. Санкт-Петербург. 1703–2003. Юбилейный статистический сборник / под ред. И. И. Елисеевой, Е. И. Грибовой. – Санкт-Петербург : Судостроение, 2003. – Вып. 2. – 229 с.

References

1. Kometchikov I. V. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2014, no. 1-2 (39), pp. 90–96. [In Russian]
2. Kosinova M. I. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2014, no. 4, pp. 147–155. [In Russian]
3. Mikolauskayte L. V. *Mir Evrazii* [Eurasia World]. 2010, no. 4 (11), pp. 120–124. [In Russian]
4. Ogorodnikova O. A. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Moscow City University. Series: Historical sciences]. 2018, no. 3 (31), pp. 58–64. [In Russian]
5. Orekhova N. V. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Proceedings of Volgograd State Pedagogical University]. 2015, no. 2 (97), pp. 216–221. [In Russian]
6. Ralkova O. V. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of South Ural State University. Series: Social sciences and humanities]. 2011, no. 9 (226), pp. 46–49. [In Russian]
7. *Sotsiologiya i kinematograf* [Sociology and cinema]. Ed. M. I. Zhabskiy. Moscow: Kanon+, 2012, 599 p. [In Russian]
8. *Tsentrallyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb)* [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg]. F. 386. Op. 1. D. 121. [In Russian]
9. *TsGALI SPb*. F. 182. Op. 1. D. 146.
10. Ryapusova D. N. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya* [Bulletin of Perm University. Series: History]. 2013, iss. 1, pp. 185–196. [In Russian]
11. Romm M. I. *Literaturnaya gazeta* [Literature newspaper]. 1955, 17 March, no. 33 (3378), p. 1. [In Russian]
12. *Sankt-Peterburg. 1703–2003. Yubileynyy statisticheskiy sbornik* [St. Petersburg. 1703–2003. Jubilee Statistical Digest]. Eds. I. I. Eliseeva, E. I. Gribova. Saint-Petersburg: Sudostroenie, 2003, iss. 2, 229 p. [In Russian]

Гречкин Виталий Николаевич
аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет (Россия,
г. Санкт-Петербург, Университетская
набережная, 7–9)

E-mail: vitalij-grechkin@yandex.ru

Grechkin Vitaliy Nikolaevich
Postgraduate student, St. Petersburg
State University (7–9, Universitetskaya
embankment, Saint-Petersburg, Russia)

Образец цитирования:

Гречкин, В. Н. Кино для зрителя? История одного совещания / В. Н. Гречкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 84–92. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-6.

РЕФОРМА 1958 г. ПО РЕОРГАНИЗАЦИИ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОЛХОЗНУЮ ЭКОНОМИКУ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность исследования аграрной истории России новейшего периода определяется необходимостью получения новых знаний, чтобы противостоять глобальным вызовам современности, среди которых важнейшее место занимает продовольственная безопасность страны. Цель исследования состоит в выявлении механизма торможения социально-экономического развития общества и причин, обусловивших его.

Материалы и методы. Исследование построено на введении в научный оборот новых исторических источников, представленных документами ЦК КПСС (материалы фонда 5 – «Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС по РСФСР» Российского государственного архива новейшей истории) и Липецкого обкома коммунистической партии (материалы фонда 34 – «Липецкий обком КПСС» Государственного архива новейшей истории Липецкой области). Указанный корпус документов отражает положение колхозов после проведения реформы 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций (МТС). Методология статьи опирается на комплексное использование основ модернизационного и синергетического подходов к изучению проблемы при критическом анализе исторических документов. При этом важнейшим концептом является синергетическая макропознавательная теория, которая базируется на таких понятиях, как нелинейность, неустойчивость, непредсказуемость и альтернативность развития. Подобный методологический подход дает возможность осмыслить обстоятельства, в которых родилась идея проведения реформы 1958 г., ее направленность, механизм реализации и последствия. Сравнительно-исторический метод позволяет показать общее и особенное при проведении реформы 1958 г. в различных регионах страны, влияние природно-географического фактора на эффективность аграрного производства в новых условиях.

Результаты. Изучен процесс реализации реформы 1958 г. по реорганизации МТС и его влияние на колхозную экономику в ряде регионов России. Наибольшее внимание уделено конкретно-исторической ситуации, которая сложилась в колхозах Липецкой области.

Выводы. На основе анализа документальных источников сделан вывод, согласно которому реформа 1958 г. и передача техники колхозам проводились директивными методами, по спущенным сверху шаблонам, без учета финансово-экономического состояния и региональных особенностей колхозов. Неготовность колхозов к работе в новых экономических условиях обусловила трудности сельскохозяйственного производства и обострение продовольственной проблемы в СССР в начале 1960-х гг.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, реформа 1958 г. в СССР, машинно-тракторные станции, колхозы.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00386\19).

© Томилин В. Н., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

REFORM OF 1958 ON THE REORGANIZATION OF MACHINE-TRACTOR STATIONS AND ITS INFLUENCE ON THE VILLAGE ECONOMY

Abstract.

Background. The relevance of the study of the agrarian history of Russia modern period is determined by the need to acquire new knowledge to confront global challenges, among which the most important is the food security of the country. The purpose of the study is to identify the mechanism of inhibition of socio-economic development of society and the causes that caused it.

Materials and methods. The research is based on the introduction of new historical sources, represented by the documents of the CPSU Central Committee (the Fund 5 – “Agricultural Department of the Central Committee of the CPSU for the RSFSR” Russian state archive of contemporary history) and Lipetsk obkoma the Communist party (the Fund 34 – “Lipetsk regional Committee of the CPSU” the State archive of contemporary history of Lipetsk region). This body of documents reflects the situation of collective farms after the reform of 1958 on the reorganization of MTS. The methodology of the article is based on the complex use of the bases of modernization and synergetic approaches to the study of the problem in the critical analysis of historical documents. At the same time, the most important concept is the synergetic macro-cognitive theory, which is based on such concepts as nonlinearity, instability, unpredictability and alternative development. Such a methodological approach makes it possible to understand the circumstances in which the idea of the 1958 reform was born, its direction, mechanism of implementation and consequences. The comparative-historical method allows to show the General and special at carrying out of reform of 1958 in various regions of the country, influence of a natural-geographical factor on efficiency of agrarian production in new conditions.

Results. The process of implementation of the reform of 1958 on reorganization of MTS and its influence on collective farm economy in a number of regions of Russia is studied. The greatest attention is paid to the specific historical situation that has developed in the collective farms of the Lipetsk region.

Conclusions. Based on the analysis of documentary sources the author concludes that reforms of 1958 and the transfer of the machinery to the collective farms was carried out by legislative means, in top-down patterns, without regard to the financial and economic condition and regional characteristics of the farms. The unwillingness of collective farms to work in the new economic conditions caused the difficulties of agricultural production and the aggravation of the food problem in the USSR in the early 1960s.

Keywords: agrarian policy of the Soviet state, reform of 1958 in the USSR, machine-tractor stations, collective farms.

В марте 1958 г. Верховный Совет СССР принял «Закон о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» [1], согласно которому предстояло реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические станции, а тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, принадлежащие машинно-тракторным станциям, продавать колхозам.

Главный посыл, с которым выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев при обосновании необходимости проведения реформы, сводился к тезису о низкой эффективности производственной системы «МТС – колхозы». Разумеется, отдача аграрного сектора экономики могла быть большей, но и достижения последних лет впечатляют. К примеру, в 1953–1957 гг. в Липецкой области сбор зерна увеличился в 1,8 раза, сахарной свеклы – в 3,5 (!) раза [2, л. 142]. Высокие темпы роста аграрной экономики региона свидетельствовали как раз о наличии серьезных возможностей для самосовершенствования и саморазвития производственной системы «МТС – колхозы». К сожалению, у Н. С. Хрущева и его окружения были другие взгляды на перспективы развития колхозного строя в СССР.

Между тем предстоящая реформа многие колхозы пугала. В ЦК КПСС поступали тревожные сведения из регионов о низкой платежеспособности значительной части колхозов, которые «не вписывались» в реформу 1958 г. и не могли оплатить приобретение техники МТС в ближней перспективе. Во многих областях Центра России, Поволжья, Урала и Сибири колхозы заняли выжидательную позицию. В Алтайском крае только 200 колхозов из 697 (28,7 %) изъявили желание купить технику, в Красноярском – 100 из 829 (12,1 %), в Омской области – 60 из 424 (14,2 %), в Московской – 300 из 1126 (26,6 %), в Пензенской – 150 из 577 (26,0 %), в Смоленской – 113 из 955 (11,8 %) [3, л. 2].

Колхозы, даже находясь под мощным нажимом со стороны райкомов партии, старались максимально уменьшить расходы на покупку техники МТС. В ход шли различные уловки. Чаще всего речь шла о том, что на колхозных полях «так много машин» не требуется. В частности, председатель колхоза «Большевик» Мокшанского района Пензенской области Войнов заявил: «От МТС у нас в колхозе работало 18 тракторов и 12 комбайнов, а мы думаем купить 12 тракторов и 10 комбайнов и произвести работ больше, чем их выполняла нам МТС» [4, л. 3].

Подобные настроения отмечались повсеместно. Колхоз «Победа» Ново-Орского района Оренбургской области решил приобрести 24 трактора вместо 32, работавших на его полях по договору с МТС. Колхоз имени Ленина Новоузенского района Саратовской области был согласен купить 37 тракторов вместо 53, колхоз «Заветы Ильича» Гаврилов-Ямпольского района – 5 тракторов вместо 9, колхоз имени Радищева Гжатского района Смоленской области – 10 тракторов из 16 и 4 комбайна из 6 [3, л. 3].

Колхозы, приобретая машины, тратили на эти цели большие финансовые ресурсы, к которым они не были готовы. Райкомы партии оказывали на колхозы мощное давление, чтобы в итоге выполнить указания вышестоящего начальства. 27 сентября 1958 г. Задонский райком КПСС и райсовет депутатов трудящихся обратились в обком партии с просьбой разрешить продажу техники Задонской МТС колхозам с уплатой стоимости приобретаемой техники в рассрочку (табл. 1).

При изучении данных табл. 1 следует обратить внимание на чрезмерно оптимистические прогнозы райкомовских расчетов по итогам 1958 хозяйственного года, согласно которым денежный доход колхозов должен был вырасти в 1,7 раза в сравнении с предшествующим аналогичным периодом.

В таком случае стоимость приобретаемой техники составляет около 43 % денежных доходов колхозов за год.

Таблица 1

Экономические показатели колхозов зоны обслуживания
Задонской машинно-тракторной станции Задонского района
Липецкой области и стоимость покупаемой ими техники (тыс. руб.)*

Колхозы	Денежный доход		Стоимость техники	Сумма выплат по годам		
	1957 г.	1958 г.		1959 г.	1960 г.	1961 г.
Имени Кирова	214,0	300,0	377,5	77,5	100	100
«Заветы Ленина»	393,0	510,0	252,1	70,1	100	82
«Родина»	742,0	1060,0	526,4	150,4	200	176
Имени Жданова	469,0	637,0	278,8	78,8	100	100
«Путь к коммунизму»	463,0	959,0	671,1	200,1	271	200
«Советская Армия»	1175,0	1530,0	549,5	249,5	200	100
Имени Ульянова	469,0	586,0	407,1	100,1	157	150
«Восток»	913,0	1500,0	340,1	140,1	150	50
Итого	4838,0	7982,0	3402,5	1066,6	1278,0	1058

Примечание. * Источник: ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 9. Д. 101. Л. 47.

Но в сентябре год не заканчивается, отсюда райкомовские расчеты по 1958 г. представляются сильно завышенными. Поэтому будет более корректным взять за основу финансовые показатели колхозов за предшествующий 1957 хозяйственный год. При таких исходных данных оказывается, что колхозы должны выплатить за приобретаемые тракторы, комбайны и прочую сельскохозяйственную технику более 70 % (!) денежных средств, заработанных в 1957 г. Это в среднем.

Но за усредненными данными скрыты конкретные хозяйства, соответственно, и реальный расклад будет иным. В рассматриваемом случае такой подход совершенно неверен экономически и аморален нравственно. Для значительной части задонских колхозов приобретение государственной техники стало «удушающим приемом». В частности, согласно расчетам райкомовцев, колхоз имени Кирова должен был купить техники МТС на сумму 377,5 тыс. руб. А весь денежный доход его в прошлом году составил 214,0 тыс. руб. Это означает, что колхоз имени Кирова должен был потратить на приобретение техники в 1,8 раза больше денег, чем заработано в 1957 г.

Подобные хозяйства следовало бы оставить на прежних условиях сотрудничества с МТС, потому что финансовое бремя было непосильным для колхозников. Отсюда и предложение растянуть выплату денег на три года. Как покажет практика, многие колхозы страны и за три года не смогут погасить долги перед государством.

Парадокс данной ситуации состоял в том, что расходы накручивались, как снежный ком. Сложную технику необходимо было обслуживать во время эксплуатации, проводить ее текущий и капитальный ремонт. На базе МТС создавались ремонтно-технические станции. Но одновременно колхозам тре-

бовалась и собственная производственно-техническая инфраструктура. Поэтому они намечают строительство ремонтных мастерских и сараев для хранения техники.

Аграрная политика Н. С. Хрущева, проводимая с осени 1953 г., несомненно, создавала для колхозов стимулы развития. Но прошло всего лишь несколько лет, накопления колхозов были невелики. Финансовое положение многих хозяйств не позволяло приобретать технику МТС и одновременно вести новое производственное строительство. Поэтому в связи с реорганизацией МТС и приобретением колхозами техники во многих областях запланировали дальнейшее укрупнение колхозов. В Омской области в Полтавском районе было решено вместо 26 создать 17–18 колхозов, в Большереченском – вместо 14 – 5–6, в Усть-Ишимском – вместо 19 – 9. Аналогичная ситуация сложилась в Ярославской области: в Ростовском районе было решено объединить 30 колхозов и на их базе создать 5 крупных хозяйств [3, л. 4].

Оригинальный подход к проблеме реорганизации МТС предложили на Урале. В Троицком районе Челябинской области 5 колхозов объединялись для того, чтобы закупить целиком всю технику, мастерскую и оборудование Санарской МТС. Если для Урала покупка колхозами всего имущества МТС была исключительным делом, то для южных районов страны – нормой. В Ставропольском крае колхозы подали заявку на покупку всей техники, производственных и жилых построек 41 МТС, в Краснодарском крае – 42 и Ростовской области – 15 [3, л. 4].

Механическое слияние нескольких колхозов вовсе не означало финансового оздоровления предприятия и повышения его способности тратить большие средства на укрепление материально-технической базы. В некоторых областях Урала и Сибири нашли другой выход: провести реорганизацию МТС за счет государства. Для этого были подготовлены предложения об организации новых совхозов на базе слияния колхозов и МТС. В Алтайском крае предусматривалось организовать 100 новых совхозов, главным образом за счет колхозов, расположенных в степных и засушливых районах Кулунды. В Новосибирской области власти рассчитывали преобразовать в совхозы 177 колхозов, в том числе все колхозы Купинского, Андреевского и Чистозерного района, которые наиболее часто подвергались засухе и неурожаю [3, л. 5].

Реорганизация МТС проведена в сжатые сроки: к началу 1960 г. в Российской Федерации осталось всего 29 МТС. В эти годы колхозами было куплено тракторов, машин и оборудования на сумму 32 млрд руб., из них бывших в эксплуатации МТС – на 18 млрд и новых – на 14 млрд руб. Реформа 1958 г., как убеждали ее инициаторы, была призвана открыть новые перспективы и стимулы для развития колхозного строя. В действительности оказалась все гораздо сложнее. Во многих районах страны колхозы, равно как и ремонтно-технические станции (РТС), не могли «свести концы с концами». Они не могли нормально хозяйствовать в условиях новой экономической реальности. В первую очередь это относится к северо-западным районам России.

В результате реорганизации МТС в Ленинградской области осталось 25 ремонтно-технических станций с 5-ю отделениями и 10 специализированных станций. Год работы в условиях хозяйственного расчета показал, что хо-

роших экономических показателей и безубыточности добились лишь три РТС – Кипенская, Сиверская и Лужская. Накладные расходы остальных предприятий составили 140–153 % от прямой зарплаты рабочих. «Эти и ряд других РТС и ММС, – писал в ЦК КПСС председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся И. Смирнов, – на ближайшие годы не имеют перспектив для расширения своей производственной деятельности и полного использования имеющейся производственной базы, ввиду того, что обслуживаемые ими колхозы и другие предприятия районов имеют ограниченные возможности...». И. Смирнов предлагает ликвидировать Котельскую, Серебрянскую РТС, Кингисепскую луго-мелиоративную станцию (ЛМС), Волховскую и Приморскую машинно-мелиоративную станцию (ММС), а также отделения Колчановской, Будогощской и Ефимовской РТС [4, л. 64].

Для того чтобы сохранить в сельском хозяйстве производственные мощности и кадры ликвидируемых РТС и специализированных станций, руководство Ленинградской области просило ЦК партии образовать на их базе 7 новых совхозов с передачей им земель 37 прилегающих колхозов, а также укрупнить 11 совхозов за счет передачи им земель 16 колхозов. Просьба была удовлетворена [4, л. 66, 76]. Положение, сложившееся в сельском хозяйстве Ленинградской области, свидетельствует о серьезных издержках и изъятиях реформы 1958 г. Значительная часть колхозов страны не могла не то чтобы развиваться в новых условиях, она по-прежнему выживала. Кардинальные решения в рамках всего государства приняты не были.

В записке Брянского обкома КПСС, адресованной Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совету Министров РСФСР, финансово-экономическое состояние местных колхозов оценивается как неблагоприятное: из 375 хозяйств на 01.01.1961 удовлетворительное финансовое положение имели только 76. В безнадежном финансовом положении оказались 168 брянских колхозов, или почти каждое второе хозяйство в области (45 %). По оценке руководства обкома партии, эти колхозы «не в состоянии рассчитаться по долговым обязательствам в ближайшие два года даже при условии успешного выполнения своих производственных и финансовых планов». Колхозы «тянули на дно» непомерные платежи, перешедшие с прошлых лет. Они составили 15,7 млн руб., или 38,5 % к планируемому доходу 1961 г. [5, л. 61].

Одним из аргументов идеологов реформы 1958 г. стал тезис о недостаточной эффективности использования сельскохозяйственной техники работниками МТС. И вот колхозы приобрели тракторы, комбайны, прочие сельскохозяйственные машины и почвообрабатывающие орудия. Насколько производительнее они использовались теперь?

Оказалось, сельскохозяйственная техника в колхозах лучше обслуживаться и более производительнее, чем в машинно-тракторных станциях, работать не стала. Даже наоборот. 15 июля 1958 г. бюро Липецкого обкома КПСС рассмотрело вопрос «О недостатках в использовании техники, купленной колхозом имени Сталина Трубетчинского района в МТС». Трубетчинская МТС по материально-технической базе и организации работы считалась одной из лучших в Липецкой области. Теперь машины и почвообрабатывающие орудия МТС были переданы в колхозы. Колхоз имени Сталина купил в МТС

23 трактора, 14 комбайнов и другой сельскохозяйственной техники на сумму 952,4 тыс. руб. со сроком оплаты на 3 года [6, л. 314].

Для колхозной экономики это были очень большие деньги. Казалось бы, теперь колхозники будут со своих машин «пылинки сдувать», блюсти, ведь они перешли в их собственность, на земле появился «один хозяин». В действительности ничего подобного не наблюдалось. У рядовых колхозников реформа энтузиазма не вызывала, выгод от ее проведения они не видели, а потому отношение колхозников к технике хозяйским назвать нельзя. Технические уходы за тракторами и другими сельскохозяйственными машинами в колхозах не проводились, даже сроки их определены не были. «Механизаторы пренебрегают ежедневными уходами, – отмечается в справке инструктора обкома партии И. Коровина и заместителя начальника областного управления сельского хозяйства Б. Королева, – а если и проводят их, то сводят к заправке тракторов горючим, водой, маслом и смазкой некоторых деталей. Остальные операции теххода не выполняются». Проверяющие были поражены тем, насколько плохо в колхозе было организовано хранение дорогостоящей техники: «на полевом стане машины и инвентарь разбросаны, сеялки, плуги, культиваторы от растительных остатков и грязи не очищены и не смазаны, отдельные квадратно-гнездовые сеялки разукomплектованы, а у зерновых сеялок потеряны семяпроводы. Детали к сельскохозяйственным машинам разбросаны по всему стану, ржавеют и растаскиваются» [6, л. 315].

Весенний сев 1958 г. колхоз имени Сталина впервые проводил собственной техникой. И в данном случае отмечается немало серьезных недостатков в его организации. «В тракторной бригаде № 3 во время проведения весеннего сева 6 из 9 тракторов выходили из строя и значительное время простаивали» [6, л. 315]. При проведении посевных работ дорог каждый час, а тут больше половины тракторов останавливалась для ремонта и простаивала «значительное время». В справке об использовании техники колхозом имени Сталина заостряется внимание на вопросе нехватки механизаторских кадров. В частности, отмечается, что трактор «У-2» не укомплектован трактористом и в работе не используется. Колхозы, приобретшие технику, оказались совершенно неготовыми с точки зрения определения порядка ее экономичного использования, исчисления затрат на ее содержание, организации работы и т.д. Положение дел в колхозе имени Сталина тому пример. Тракторы в колхозе работали только 30 % рабочего времени [6, л. 315].

При обсуждении реформы упор в разъяснительно-пропагандистской работе делался как раз на то, что сельскохозяйственная техника в колхозах будет использоваться более производительнее, коль остается «на земле один хозяин». Колхозы, приобретшие сельскохозяйственную технику, сталкивались с большими трудностями при ее обслуживании и ремонте. В приспособленных мастерских, при нехватке оборудования, оснастки, запчастей, квалифицированных ремонтников подготовить было крайне сложно, а порой невозможно.

С повестки дня партийных комитетов разного уровня не сходили вопросы, связанные с бережным отношением к сельскохозяйственной технике и ее сохранностью в колхозах. Очевидно, экономические стимулы не срабатывали, упор делался на административный метод.

7 декабря 1960 г. на заседании бюро Липецкого обкома КПСС рассматривалось положение дел в колхозах по части хранения тракторов, машин и почвообрабатывающих орудий после завершения полевых работ. В постановлении отмечалось, что в колхозах сельскохозяйственная техника от трактористов и комбайнеров по актам не принята, а в некоторых случаях она была брошена в борозде [7, л. 140].

Одна и та же картина наблюдалась в разных районах области. В колхозах имени Ленина и имени Жданова Становлянского района «вся техника» к зимнему хранению не подготовлена, с силосных комбайнов арматурные ремни и цепи не сняты. В колхозах «Россия», «Красный Бор», «Великий Октябрь», «Наша победа» Усманского района «плуги от грязи не очищены и не смазаны, цепи и ножи с отдельных комбайнов не сняты, зерновые и силосные комбайны не очищены от пожнивных остатков. В банках кукурузных сеялок колхоза «Россия» со времени весеннего сева остались семена и ядохимикаты». В колхозе «Память Ильича» Долгоруковского района «техника с полей не свезена, до сих пор на поле стоит силосный комбайн «СК-2», два плуга и трактор «ДТ-54». Удобрения из свекловичных сеялок не убраны, туковые ящики ржавеют и выходят из строя» [7, л. 140].

Разумеется, было бы неправильно утверждать, что во всех колхозах сельскохозяйственная техника «брошена на произвол», но и фактов неумелого обращения и даже безразличного отношения к ней со стороны колхозников отрицать также нельзя.

Государство сбросило со своих плеч часть тяжелой ноши. Производство сельскохозяйственной техники сократилось, более чем вдвое увеличивались цены на технику и запчасти к ней [8, с. 156]. Ликвидацией МТС было невозможно решить проблемы аграрного производства. В результате реформы произошла перекачка средств из колхозов в бюджет государства, финансово-экономическое положение большинства колхозов страны только ухудшилось.

1958 г. стал завершающим годом работы большинства машинно-тракторных станций, которые затем передавали технику на баланс колхозов. Реформа 1958 г. оказалась очень болезненной для колхозов и не способствовала росту сельскохозяйственного производства во многих регионах. Положение можно проиллюстрировать на примере Тамбовской области, находящейся в одном из самых благодатных аграрных регионов страны – Черноземном Центре России (табл. 2).

Таблица 2

Урожайность сельскохозяйственных культур в колхозах и совхозах Тамбовской области в 1958–1960 гг. (центнеров с гектара)*

Сельскохозяйственные культуры	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Зерновые	13,2	10,1	11,4
Сахарная свекла	160	76	145
Подсолнечник	6,8	6,2	6,4
Картофель	55	40	47
Овощи	55	42	60
Зеленая масса кукурузы, убранная на силос	222	85	100

Примечание. * Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 288. Л. 118.

Как видно из табл. 2, урожайность сельскохозяйственных культур в колхозах и совхозах Тамбовской области после 1958 г. снизилась почти по всем позициям. Провальным оказался 1959 г. Урожайность зерновых культур в этом году снизилась почти на четверть, сахарной свеклы – более чем на половину, зеленой массы кукурузы, убранной на силос, – почти на две трети, подсолнечника – почти на 10 %. Получая низкие денежные доходы, многие колхозы испытывали серьезные финансовые затруднения. На 1 января 1961 г. колхозы области задолжали различным кредиторам 621 млн руб. [9, с. 124].

Таким образом, реформа 1958 г. по реорганизации МТС и передача техники колхозам проводились директивными методами, по спущенным сверху шаблонам, без учета финансово-экономического состояния и региональных особенностей колхозов. Неготовность колхозов к работе в новых экономических условиях обусловила трудности сельскохозяйственного производства. Ситуация серьезно изменилась в этом отношении только во второй половине 1960-х – 1970-е гг. [10]. Часть корпуса колхозных председателей надеялась через реформу поднять экономику своих предприятий, искренне поддерживала реорганизацию МТС [11, с. 121]. Однако реальность оказалась иной, от негативных последствий реформы сельскому хозяйству страны удалось оправиться лишь во второй половине 1960-х гг.

Библиографический список

1. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. – Москва : Госюриздат, 1959. – С. 138–140.
2. Государственный архив новейшей истории Липецкой области (ГАНИЛО). Ф. 34. Оп. 11. Д. 142.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 46. Д. 199.
4. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 244.
5. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 340.
6. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 9. Д. 93.
7. ГАНИЛО. Ф. 34. Оп. 9. Д. 11.
8. **Рогалина, Н. Л.** Власть и аграрные реформы в России XX века / Н. Л. Рогалина. – Москва : Энциклопедия российских деревень, 2010. – 256 с.
9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 46. Д. 288.
10. **Безнин, М. А.** Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 94–121.
11. **Вислогузов, П. А.** Точка опоры: Воспоминания председателя колхоза и директора совхоза-техникума / П. А. Вислогузов. – Воронеж : ИПФ «Воронеж», 2002. – 415 с.

References

1. *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938–1958 gg.* [Collection of USSR laws and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1958]. Moscow: Gosyurizdat, 1959, pp. 138–140. [In Russian]
2. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Lipetskoy oblasti (GANILO)* [State Archive of contemporary history of Lipetsk region]. F. 34. Op. 11. D. 142. [In Russian]
3. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of contemporary history]. F. 5. Op. 46. D. 199. [In Russian]
4. *RGANI*. F. 5. Op. 46. D. 244.

5. *RGANI*. F. 5. Op. 46. D. 340.
6. *GANILO*. F. 34. Op. 9. D. 93.
7. *GANILO*. F. 34. Op. 9. D. 11.
8. Rogalina N. L. *Vlast' i agrarnye reformy v Rossii XX veka* [Authority and agrarian reforms in Russia of the XX century]. Moscow: Entsiklopediya rossiyskikh dereven', 2010, 256 p. [In Russian]
9. *RGANI*. F. 5. Op. 46. D. 288.
10. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Otechestvennaya istoriya* [National history]. 2005, no. 6, pp. 94–121. [In Russian]
11. Visloguzov P. A. *Tochka opory: Vospominaniya predsedatelya kolkhoza i direktora sovkhoza-tekhnikuma* [Pivot: Memoirs of the chairman of the collective farm and the director of the state farm technical school]. Voronezh: IPF «Voronezh», 2002, 415 p. [In Russian]

Томили́н Виктор Николаевич

доктор исторических наук, доцент,
профессор, заведующий кафедрой
отечественной и всеобщей истории,
Липецкий государственный
педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Россия, г. Липецк, ул. Ленина, 42)

E-mail: tomilin58@mail.ru

Tomilin Viktor Nikolaevich

Doctor of historical sciences, associate
professor, professor, head of the
sub-department of Russian and general
history, Lipetsk State Pedagogical
University named after P. P. Semenov-
Tian-Shansky (42, Lenina street, Lipetsk,
Russia)

Образец цитирования:

Томили́н, В. Н. Реформа 1958 г. по реорганизации машинно-тракторных станций и ее влияние на колхозную экономику / В. Н. Томили́н // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 93–102. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-7.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОДГОТОВКЕ И ПРАЗДНОВАНИИ 1000-ЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ: СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Обращение к теме празднования 1000-летия Крещения Руси актуально в предметном поле истории современности и объясняется как новизной произошедшего, так и масштабами последовавших в центре и на местах преобразований. Целью статьи является определение информативности и репрезентативности представленных в федеральном и региональных архивах исторических источников, необходимых для ведения исследований о подготовке и праздновании юбилея христианства как начала решения «религиозного вопроса» в контексте дихотомии «столица и провинция».

Материалы и методы. Исследование проведено на основе представленных в фондах Государственного архива Российской Федерации и государственных архивов российских субъектов архивных источников из фондов Совета по делам религий при Совете Министров СССР и его уполномоченных в областях центра РСФСР. Корпус источников формирует делопроизводственная документация в виде отчетов, справок, докладных записок, информационных сообщений. Используются сравнительно-исторический и историко-критический методы, принцип взаимодополняемости источников.

Результаты. Исследован разнообразный массив архивных документов, раскрывающих историю подготовки и празднования в центре и на местах 1000-летия Крещения Руси, когда действия местных властей вступали в противоречия с быстро меняющейся государственной политикой в отношении религии.

Выводы. Представленные в фондах федерального и региональных архивов материалы воссоздают целостную и достоверную картину подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси на уровне столицы и провинций центра РСФСР, где православие является традиционной, исторически обусловленной религией большинства жителей. Анализ источников показывает различия в подходах к организации юбилейных торжеств в центре и на местах: в столице в числе важнейших выступали внешнеполитические, организационные, научные задачи, издательская деятельность; в провинциальных областях, несмотря на изменение государственной политики в отношении религии, сохранялось настороженное отношение к активизации религиозной жизни и расширению деятельности Русской православной церкви.

Ключевые слова: федеральный и региональные архивы, архивные материалы, исторические источники, 1000-летие Крещения Руси, столица, провинция.

ARCHIVAL MATERIALS ON PREPARATION AND CELEBRATION OF THE 1000th ANNIVERSARY OF THE BAPTISM OF RUS: CAPITAL AND PROVINCE

Abstract.

Background. Addressing the theme of celebrating the 1000 anniversary of the Baptism of Rus is relevant in the subject field of the history of modernity and is explained by both the novelty of the event and the scale of the subsequent transformations in the central part and in the places of transformation. The purpose of the article is to determine the information content and representativeness of the historical sources presented in the federal and regional archives necessary for conducting research on the preparation and celebration of the anniversary of Christianity as the beginning of the solution of the “religious issue” in the context of the “capital and province” dichotomy.

Materials and methods. The study was conducted on the basis of archival sources from the funds of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR and its representatives in the regions of the central part of the RSFSR presented in the collections of the State Archive of the Russian Federation and the state archives of Russian entities. The corpus of sources forms the paperwork in the form of reports, certificates, memos, information messages. Comparative historical and historical critical methods, the principle of complementarity of sources were used.

Results. A diverse array of archival documents has been examined that reveals the history of the preparation and celebration of the 1000 anniversary of the Baptism of Rus in the central part and in the places of transformation when the actions of local authorities came into conflict with the rapidly changing state policy regarding religion.

Conclusions. The materials presented in the collections of the federal and regional archives recreate a holistic and reliable picture of the preparation and celebration of the 1000 anniversary of the Baptism of Rus at the level of the capital and provinces of the center of the RSFSR, where Orthodoxy is the traditional, historically determined religion of most residents. The analysis of the sources shows the differences in approaches to organizing anniversary celebrations in the central part and in the places of transformation: in the capital, foreign policy, organizational, scientific tasks, and publishing were among the most important; in the provincial regions, despite a change in state policy regarding religion, a cautious attitude towards the intensification of religious life and the expansion of the activities of the Russian Orthodox Church remained.

Keywords: regional archives, archival materials, historical sources, the 1000th anniversary of the Baptism of Rus, capital, province.

Обращение к теме 1000-летия Крещения Руси нередко в научной литературе. Тем не менее в предметном поле истории современности изучение подготовки и празднования юбилея христианства не теряет актуальности, что объясняется новизной для советского периода истории проводимых на государственном уровне юбилейных торжеств. Кроме того, значительными были последовавшие после празднований в центре и на местах изменения в «религиозном вопросе»: всплеск религиозности в обществе и массовое открытие храмов и монастырей; изменение законодательства в религиозной сфере и

новые принципы построения взаимоотношений государства и религиозных организаций; «религиозный плюрализм» и засилье зарубежных сект в первое постсоветское десятилетие; рост в обществе потребностей в изучении религии и появление в школах и вузах учебных курсов религиозной тематики; введение в научный оборот новых исторических источников и накопление научного знания о советском периоде истории Русской православной церкви и других конфессий; внимание научной общественности к теме политических репрессий и канонизация Русской православной церковью сонма новомучеников. В 2010 г., более чем через двадцать лет после масштабных торжеств в честь тысячелетнего юбилея христианства, День Крещения Руси получил статус государственного праздника, что свидетельствует о признании важности для Российской Федерации произошедшего в 988 г. исторического события, определившего цивилизационный выбор государства, и отражает духовные потребности российских граждан в изучении и сохранении православного культурно-исторического наследия.

История празднования 1000-летия Крещения Руси отражена в архивных материалах как в масштабах целого государства, так и на уровне отдельных регионов. Как и большинство научных проблем в истории современности, избранная тема нуждается в актуализации источниковой базы в связи с отсутствием комплексной характеристики архивных фондов по новейшему периоду. Целью статьи является изучение информативности и репрезентативности представленных в федеральном и региональных архивах исторических источников, необходимых для ведения исследований о подготовке и праздновании юбилея христианства как начала решения «религиозного вопроса» в контексте дихотомии «столица и провинция».

В современной исторической науке доказательно обоснован подход к значимости исследования культурного пространства столицы и провинции с позиций дихотомии [1, 2]. В отечественной историографии постсоветского периода большое внимание уделено специфике российской провинции как носительницы традиционности [3–5]. В работах, посвященных советскому периоду взаимоотношений Русской православной церкви, государства и общества, подчеркивается роль провинции в сохранении православной культуры [6, 7]. Обосновано, что культурные отличия провинции, духовные потребности жителей, их консерватизм, традиционность взглядов обусловили сохранение в областях центра РСФСР – России особой формировавшейся веками культурной среды, которая представляла собой накопление духовных ценностей, противоречащих советской культурной политике [8, 9].

Анализируемые в данной статье исторические источники сосредоточены в федеральном и региональных архивах (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) и архивы субъектов Российской Федерации). Автор обращался к фондам архивов областей центра России, где православие является традиционной, исторически обусловленной религией большинства жителей: Государственных архивов Белгородской (ГАБО), Воронежской (ГАВО), Ивановской (ГАИО), Костромской (ГАКоО), Курской (ГАКО), Орловской (ГАОО), Тульской (ГАТО) областей. Для создания целостного представления о комплексе исторических источников по вопросу подготовки и празднования юбилея христианства в столице и провинции представляется целесооб-

разным изложение материала с позиций информативности и репрезентативности.

Традиционно важнейшим фондом, в котором сосредоточена значительная часть документальных источников о подготовке и праздновании 1000-летия Крещения Руси, считается фонд Совета по делам религий при Совете Министров СССР (Р-6991) ГАРФ. Массив документальных источников, раскрывающих историю подготовки на местах юбилейных торжеств, представлен в фондах уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР региональных архивов: Р-1179 (Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Белгородской области) ГАБО, Р-967 (Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Воронежской области) ГАВО, Р-2953 (Уполномоченный совета по делам религий при Совете Министров СССР по Ивановской области) ГАИО, Р-213 (Уполномоченные Советов по делам религий по Курской области) ГАКО, Р-3660 (Отдел Орловской областной администрации по связям с религиозными и общественными организациями – Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Орловской области) ГАОО, Р-3354 (Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Тульской области) ГАТО.

Содержательный анализ документов фонда Р-6991 ГАРФ детально раскрывает основные направления деятельности по подготовке к празднованию 1000-летия Крещения Руси: внешнеполитическое, организационное, хозяйственное, научное, издательское. В контексте исследуемой проблемы необходимо учитывать, что подготовка к юбилею христианства была начата Русской православной церковью еще в 1980 г., тогда же была учреждена Юбилейная комиссия под председательством Патриарха Московского и всея Руси Пимена. На первом заседании Юбилейной комиссии 24 июля 1981 г. было принято решение все существенные мероприятия Русской православной церкви проводить под знаком приближающегося юбилея [10, л. 4]. Согласно представленным в материалах фонда информационным сообщениям Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, особое значение при подготовке к торжествам имели провозглашение в ноябре 1987 г. на 24-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 1000-летия Крещения Руси крупнейшим событием в европейской и мировой культуре принятие резолюции «О 1000-летию введения христианства на Руси», разработка программы мероприятий [10, л. 5, 6]. По мнению членов Юбилейной комиссии, важной составляющей торжеств должно было стать вовлечение религиозных и иных зарубежных кругов к соучастию в праздновании. Существенное внимание уделялось созданию паломнических групп, в том числе для выезда за рубеж – в 1987 г. было сформировано 199 подобных делегаций [11, л. 225, 239].

Анализ архивных документов свидетельствует, что в период подготовки к празднованию 1000-летия Крещения Руси Церкви были возвращены, помимо переданного в мае 1983 г. по просьбе Патриарха Московского и всея Руси Пимена ансамбля Московского Данилова монастыря с прилегающей к нему территорией для создания Духовно-административного центра Русской Церкви, архитектурные комплексы бывших монастырей – Козельской Введенской Оптиной пустыни (Калужская область) и Толгского монастыря (Ярославская область) [12–14]. Весьма содержательна и обширна представ-

ленная в фонде Р-6991 ГАРФ информация о регистрации новых приходов Русской православной церкви в провинциальных областях и передаче храмов верующим [15–17]. Анализ исторических источников по регионам позволяет говорить о репрезентативности материала.

Информативны материалы об активизации в период подготовки к юбилею издательской деятельности Московской Патриархии, ориентированной как на зарубежного, так и на советского читателя. Документы архивных фондов свидетельствуют, что в 1987 г. тиражом 90 000 экземпляров были изданы брошюры «Ради жизни на земле», «Изберем жизнь» (авторы: митрополиты Сухумский и Абхазский Давид и Минский Филарет); начал ежемесячно выпускаться бюллетень «Религия в СССР», в газетах и журналах «Голос Родины», «Московские новости», «Советская женщина», «Советская жизнь», «Советский Союз» было опубликовано около 100 материалов о жизни и деятельности Русской православной церкви; организован выпуск «Московского церковного вестника». Многие издания выпускались не только на русском, но и на иностранных языках [11, л. 229, 230].

Большая роль в период подготовки и празднования юбилея христианства отводилась средствам массовой информации. Так, 4 июня 1988 г., накануне официальных торжеств, состоялась пресс-конференция для советских и зарубежных журналистов – их было приглашено более 500. По оценке органов государственной власти, «пресс-конференция показала в целом готовность церкви к проведению юбилейных торжеств, эффективность проделанной за последние годы работы по нормализации положения церкви в стране, что позволило снять многие острые, “болевые вопросы” (регистрация религиозных объединений, возвращение церкви монастырей, обеспечение верующих религиозной литературой и т.п.), повысить результативность информационно-пропагандистских мероприятий по нейтрализации попыток буржуазно-клерикальной пропаганды дискредитировать юбилейные торжества» [15, л. 59].

О начале развития нового для советского периода научного знания по истории Русской православной церкви, трактованной вне идеологически заданного атеистического контекста, позволяют говорить представленные в материалах фонда Р-6991 ГАРФ документы, раскрывающие подготовку и проведение под эгидой Русской православной церкви в 1986–1988 гг. трех международных конференций, посвященных юбилею. На конференциях рассматривались вопросы истории Церкви и роли христианства в развитии государства, проблемы русской духовной литературы, вопросы богословия. В частности, были представлены доклады «Понятие “Русь” в современной исторической науке», проф. А. Г. Кузьмин; «Достоверность летописного свидетельства о месте и времени крещения князя Владимира и киевлян», протоиерей Лев Лебедев; «Значение первого русского Митрополита Киевского Илариона», архимандрит Кирилл (Христов) и др. [11, л. 224, 239, 240; 15, т. 4].

Дополняют историю подготовки к празднованию юбилея христианства находящиеся на хранении в региональных архивах документы, свидетельствующие об активизации в 1987–1988 гг. религиозной жизни в городских и сельских поселениях центра РСФСР. На местах Церковь проводила активную работу по реставрации храмов, что подробно отражено в фондах уполномоченных по регионам [18, л. 36; 19, л. 111]. Имеются свидетельства об измене-

нии характера произносимых в храмах проповедей, их большей социальной ориентированности, приближенности к ««мирским» проблемам верующих» [19, л. 25]. Представленные в фондах уполномоченных отчеты позволяют сделать вывод об увеличении денежных поступлений от прихожан на подготовку к торжествам [19, л. 16].

Содержание документов региональных архивов раскрывает специфику подготовки к юбилею в конкретных провинциальных регионах. Так, в информации уполномоченного по Орловской области отмечалось, что в Орловско-Брянской епархии, которая в 1988 г., помимо тысячелетнего юбилея христианства, отмечала еще одну дату – 200-летие своего образования, подготовка к торжествам началась заранее, «особенно активно она проводилась в последние 4–5 лет» [20, л. 116].

Расширили комплекс исторических источников, раскрывающих специфику проводимой в регионах подготовки к юбилейным торжествам, отложившиеся в региональных архивах документы областных отделений общества «Знание». Так, выявить особенности религиозного возрождения в Костромской области позволили документы фонда Р-2878 (Костромская областная организация общества «Знание») ГАКО, содержащие информацию о становлении празднования в Костромской области Собора костромских святых, который был введен в 1981 г. Московской Патриархией Русской православной церкви, и постепенном росте религиозной обрядности в регионе. Местные власти отмечали активную работу священнослужителей «по привлечению в церковь» костромичей, в том числе и молодежи: например, отмечалось, что в дни больших религиозных праздников «служители церкви активно приглашают молодежь войти внутрь, а то и приобрести свечи, крестики, иконы и другие предметы культа, а также религиозную литературу» [21, л. 111].

Выявлению специфики столицы и провинции в отношении подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси способствовал анализ материалов федерального и региональных архивов, раскрывающих общественное восприятие состоявшейся 29 апреля 1988 г. в Кремле встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Священного Синода Русской православной церкви. Центральные средства массовой информации охарактеризовали ее как историческое событие, подтверждавшее начало «кардинального поворота взаимоотношений церкви и советского государства» [15, т. 1, л. 57]. Представленные в региональных архивах материалы дополнили сведения, раскрывающие реакцию местной власти на изменения, происходившие в решении «религиозного вопроса» [22, л. 26]. На начальном этапе построения взаимоотношений государства и религиозных организаций к исходившей из центра инициативе по организации диалога власти и Церкви на местах относились настороженно. Так, в Курской области «руководство облисполкома и горисполкома так и не сочли нужным принять у себя архиепископа Ювеналия, хотя об этом уполномоченным Совета по делам религий велся разговор и в обкоме КПСС и в облисполкоме» (встреча состоялась только в марте 1989 г.) [23, л. 85].

Следует признать, что отдельные источники по исследуемой теме чрезмерно идеологизированы, что является следствием длительного периода атеистической идеологии и «болезненностью» религиозной проблемы для

СССР. Так, например, состоявшаяся в апреле 1988 г. встреча советского лидера с первоиерархами Русской православной церкви оценивалась «как свидетельство восстановления ленинских принципов отношения к религии, церкви и верующим» [15, т. 1, л. 61]. Однако представленные в документах фондов уполномоченных сведения об открытии новых храмов и монастырей, возвращении Церкви ее святынь – мощей святых угодников, икон можно охарактеризовать как обладающие высокой степенью достоверности, что объясняется постоянным контролем партийно-государственных структур за изменениями в религиозной сфере и, как следствие, точным фиксированием фактов активизации религиозной жизни на местах.

Весьма важными историческими источниками являются представленные в материалах фонда Р-6991 ГАРФ отчеты, справки, информации Председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР, позволяющие реконструировать историю проведения с 5 по 16 июня 1988 г. юбилейных торжеств в центре [15, т. 1]. О состоявшихся в провинциальных областях центра РСФСР мероприятиях по празднованию юбилея христианства представлена подробная информация в отчетах, докладных записках, информационных сообщениях, справках уполномоченных, в их переписке с Председателем Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Так, материалы фонда Р-967 ГАВО содержат информацию о совместном участии представителей светской и церковной власти и проходивших 4 и 5 августа 1988 г. в г. Воронеже (Воронежско-Липецкая епархия) мероприятиях [24]. В материалах фонда Р-3660 ГАОО представлена информация о проведении торжеств по случаю 1000-летия Крещения Руси в г. Орле [20].

Анализ документов изученных фондов выявил важную особенность: произошедшее в конце 1987–1988 г. изменение государственной политики в отношении религии не отменило продолжавшую исходить с мест отчетность о проведении на местах атеистической работы. Например, в Белгородской области уже после юбилейных торжеств в отчетах уполномоченного как достижение в борьбе с религией отмечалось сокращение числа крещений и венчаний [25, л. 25]. В отчете уполномоченного по Курской области критически оценивалась деятельность архиепископа Курско-Белгородского Ювеналия по активизации в регионе религиозной жизни [26, л. 5, 6]. Уполномоченный Совета по делам религий по Тульской области в январе 1988 г. информировал вышестоящие инстанции о том, что предупредил рай(гор)исполкомы о необходимости усиления контроля за соблюдением законодательства о культах; в дни прохождения религиозных праздников Рождества и Крещения работники райисполкомов, члены общественных комиссий посещали богослужения, слушали проповеди священников [27, л. 1]. Как обстоятельство, «смягчающее» информацию об увеличении числа «посетителей» в дни церковных праздников, уполномоченный по Тульской области называл «раздачу» «святой воды» в областном центре вне храмов, в связи с чем многие пришедшие не заходили в церковь [27, л. 6]. Уполномоченный по Воронежской области уже в 1989 г. продолжал подавать информацию о том, что исполкомы райсовета, поселкового и сельских Советов народных депутатов стремятся к тому, чтобы охватить атеистическим воздействием все слои населения [22, л. 26].

Представленные в фондах региональных архивов материалы свидетельствуют, что в период подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси особое внимание уделялось атеистической работе с молодежью. Так, в Воронежской области была создана Комиссия содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культах из депутатов, работников культуры, народного образования и других представителей советского актива, осуществляющая контроль за соблюдением принципа обоюдного согласия родителей при крещении детей, комиссия отвечала за недопустимость привлечения несовершеннолетних к участию в работе в храмах, в сольных выступлениях, прислуживанию священникам при богослужении, обучения детей религиозности [18, л. 14]. При городских, районных библиотеках создавались клубы «Юный атеист», в рамках работы которых проводились атеистические беседы, показывались опыты, раскрывающие религиозные «чудеса», применялись «химические и физические реактивы для разоблачения церковников» [18, л. 62, 71, 83].

В фондах региональных архивов выявлена важная информация, касающаяся влияния празднования юбилея христианства на новое образовательное пространство. В частности, документы свидетельствуют об обращении в 1988 г. ректора Орловского сельскохозяйственного института к уполномоченному с просьбой оказать помощь в приобретении для кафедры истории КПСС и марксистской философии десяти экземпляров Библии для использования в учебно-воспитательной работе [20, л. 45]. В целом важность исторических источников из фондов региональных архивов, свидетельствующих об усилении в позднесоветские годы на местах интереса к религии, заключается в том, что подобные факты, расширяя возможности изучения генезиса знаний о религии в школе, не транслировались в качестве официальной информации. Результаты исследования автора, посвященные изучению влияния торжеств в связи с 1000-летием Крещения Руси на новое образовательное пространство, представлены в научных публикациях [28].

В заключение отметим, что документы, сосредоточенные в фондах федерального и региональных архивов, информативны и репрезентативны и в совокупности представляют ценный исторический источник по подготовке и празднованию 1000-летия Крещения Руси на уровне столицы и провинций центра РСФСР, где православие является традиционной, исторически обусловленной религией большинства жителей. В столице в числе важнейших при подготовке к юбилейным торжествам были внешнеполитические, организационные вопросы, издательская деятельность; Церковью предпринимались попытки научного осмысления роли Православия в истории государства. Иная проблематика выявлена при изучении истории юбилейных торжеств через региональное преломление. В провинциальных областях центра РСФСР, несмотря на изменение государственной политики в отношении религии и масштабное проведение торжеств в столице, сохранялось настороженное отношение к расширению религиозной жизни и активизации Русской православной церкви.

В целом, несмотря на активное использование в современной исторической науке архивных документов по истории подготовки и празднования 1000-летия Крещения Руси, вопрос об их источниковедческом анализе не теряет актуальности. Использование сравнительно-исторического и историко-

критического методов и принципа взаимодополняемости источников расширяют источниковую базу за счет материалов, находящихся на хранении в фондах федерального и региональных архивов, позволяя раскрыть изменения государственной политики и практику реализации на местах новых подходов в отношении религии, реакцию местной власти на решение «религиозного вопроса».

Библиографический список

1. **Карнишина, Н. Г.** Столица и провинция в России: взаимодействие и взаимовлияние в период системных реформ второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–12.
2. **Карнишина, Н. Г.** Центр и регион: исторические модели взаимодействия / Н. Г. Карнишина. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2003. – 224 с.
3. Русская провинция: культура XVIII–XX веков : сб. ст. / ред.-сост.: В. Афиани, Т. Размустова, А. Сундиева. – Москва : РИК, 1992. – 183 с.
4. **Данилов, А. А.** Интеллигенция провинции в истории и культуре России / А. А. Данилов, В. С. Меметов. – Иваново : Изд-во ИГУ, 1997. – 175 с.
5. **Инюшкин, Н. М.** Провинциальная культура: взгляд изнутри : монография / Н. М. Инюшкин. – Пенза : Пензенская правда, 2004. – 440 с.
6. **Гераськин, Ю. В.** Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х – 1991 гг. (на материалах областей Центральной России) : монография / Ю. В. Гераськин. – Москва, 2008. – 558 с.
7. **Федотов, А. А.** Русская Православная Церковь в 1943–2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России) : монография / А. А. Федотов. – Иваново, 2011. – 999 с.
8. **Лебедева, О. В.** Крестьяне – хранители православных традиций: последние годы истории Советского государства / О. В. Лебедева, З. Д. Ильина // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2010. – № 9. – С. 76–78.
9. **Лебедева, О. В.** Парадоксы «перестройки»: государственная политика и региональная практика в отношении религии / О. В. Лебедева, З. Д. Ильина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 160–168.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3841.
11. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3665.
12. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3679.
13. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3886.
14. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 4074.
15. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3668.
16. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3718.
17. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3748.
18. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 315.
19. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. Р-3354. Оп. 3. Д. 25.
20. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-3660. Оп. 1. Д. 99.
21. Государственный архив Костромской области (ГАКОО). Ф. Р-2878. Оп. 3. Д. 531Б.
22. ГАВО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 323.
23. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3732.
24. ГАВО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 318.
25. Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-1179. Оп. 3. Д. 148.
26. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 218.
27. ГАТО. Ф. Р-3354. Оп. 3. Д. 24.

28. **Пигорева, О. В.** Историко-культурные традиции региона как фактор развития образовательного пространства с православным компонентом в провинциях центра РСФСР – России: конец 1980-х – 1990-е годы / О. В. Пигорева // Вестник Костромского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 54–57.

References

1. Karnishina N. G. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2013, no. 2 (26), pp. 5–12. [In Russian]
2. Karnishina N. G. *Tsentr i region: istoricheskie modeli vzaimodeystviya* [Center and region: historical models of interaction]. Penza: Izd-vo PGU, 2003, 224 p. [In Russian]
3. *Russkaya provintsiya: kul'tura XVIII–XX vekov: sb. st.* [Russian province: culture of XVIII–XX centuries: collected articles]. Ed.-comp.: V. Afiani, T. Razmustova, A. Sundieva. Moscow: RIK, 1992, 183 p. [In Russian]
4. Danilov A. A., Memetov B. C. *Intelligentsiya provintsii v istorii i kul'ture Rossii* [The intelligentsia of the province in the history and culture of Russia]. Ivanovo: Izd-vo IGU, 1997, 175 p. [In Russian]
5. Inyushkin N. M. *Provintsial'naya kul'tura: vzglyad iznutri: monografiya* [Provincial Culture: an inside look: monograph]. Penza: Penzenskaya pravda, 2004, 440 p. [In Russian]
6. Geras'kin Yu. V. *Vzaimootnosheniya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi, obshchestva i vlasti v kontse 1930-kh – 1991 gg. (na materialakh oblastey Tsentral'noy Rossii): monografiya* [Relations between the Russian Orthodox Church, society and government in the late 1930s – 1991 (based on materials from the regions of Central Russia): monograph]. Moscow, 2008, 558 p. [In Russian]
7. Fedotov A. A. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1943–2000 gg.: vnutritserkovnaya zhizn', vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom (po materialam Tsentral'noy Rossii): monografiya* [Russian Orthodox Church in 1943–2000. Church life, relations with the state and society (based on materials from Central Russia): monograph]. Ivanovo, 2011, 999 p. [In Russian]
8. Lebedeva O. V., Il'ina Z. D. *Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of Kursk State Agricultural Academy]. 2010, no. 9, pp. 76–78. [In Russian]
9. Lebedeva O. V., Il'ina Z. D. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities]. 2011, no. 1, pp. 160–168. [In Russian]
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. R-6991. Op. 6. D. 3841. [In Russian]
11. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3665.
12. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3679.
13. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3886.
14. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 4074.
15. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3668.
16. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3718.
17. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3748.
18. *Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti (GAVO)* [State Archive of Voronezh region]. F. R-967. Op. 1. D. 315. [In Russian]
19. *Gosudarstvennyy arkhiv Tul'skoy oblasti (GATO)* [State Archive of Tula region]. F. R-3354. Op. 3. D. 25. [In Russian]
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of Orel region]. F. R-3660. Op. 1. D. 99. [In Russian]
21. *Gosudarstvennyy arkhiv Kostromskoy oblasti (GAKoO)* [State Archive of Kostroma region]. F. R-2878. Op. 3. D. 531B. [In Russian]

22. *GAVO*. F. R-967. Op. 1. D. 323.
23. *GARF*. F. R-6991. Op. 6. D. 3732.
24. *GAVO*. F. R-967. Op. 1. D. 318.
25. *Gosudarstvennyy arkhiv Belgorodskoy oblasti (GABO)* [State Archive of Belgorod region]. F. R-1179. Op. 3. D. 148. [In Russian]
26. *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO)* [State Archive of Kursk region]. F. R-213. Op. 1. D. 218. [In Russian]
27. *GATO*. F. R-3354. Op. 3. D. 24.
28. Pigoreva O. V. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2015, no. 3, pp. 54–57. [In Russian]
-

Пигорева Ольга Владимировна

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных
языков и гуманитарных наук, Курская
государственная сельскохозяйственная
академия имени И. И. Иванова (Россия,
г. Курск, ул. Карла Маркса, 70)

E-mail: ovpigoreva@yandex.ru

Pigoreva Ol'ga Vladimirovna

Doctor of historical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of foreign languages and humanities,
Kursk State Agricultural Academy named
after I. I. Ivanov (70, Karla Marksa street,
Kursk, Russia)

Образец цитирования:

Пигорева, О. В. Архивные материалы о подготовке и праздновании 1000-летия Крещения Руси: столица и провинция / О. В. Пигорева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 103–113. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-8.

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК АКТОР СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И МЕМОРИАЛЬНЫЕ РИСКИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Деятельность современных негосударственных научных и просветительских общественных организаций, работающих в сфере осмысления исторического прошлого, до настоящего времени не подвергалась всестороннему изучению в отечественной науке. Цель данного исследования – осуществление системного анализа динамики развития негосударственных акторов символической политики в современной России, прежде всего научной общественной организации «Российское историческое общество».

Материалы и методы. Исследование проведено на базе документов и материалов Российского исторического общества, опубликованных на официальном сайте, в информационных изданиях общества (вестник «Воронцово поле»). В работе использовались материалы круглых столов, конференций, выставок, научных изданий и других проектов Российского исторического общества. Методологической основой исследования является структуралистский подход, ставший основанием выделения символической политики в особый вид политической деятельности, и компаративный анализ источников, раскрывающий значение данного явления для развития современной отечественной исторической науки.

Результаты. Описаны процессы становления различных акторов символической политики в новейшей истории России, определены специфика и тенденции их развития. Дана оценка основным мемориальным проектам Российского исторического общества в пространстве символической политики в нашей стране.

Выводы. Последние двадцать лет стали временем активизации символической политики в России. Динамика ее развития позволяет констатировать, что к 2012 г. государство в лице своих отдельных акторов и институций перешло к активному формированию публичной мемориальной повестки. В это время происходит институциональное становление ее негосударственных акторов, среди которых одним из наиболее активных становится Российское историческое общество. Его деятельность сосредоточилась на определении основных векторов исторических исследований и артикулирования историко-политической повестки на внутривнутриполитической арене, позволив при этом избежать серьезных скандалов и традиционного противостояния сторонников советской и антисоветской версий истории.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

© Аникин Д. А., Бубнов А. Ю., Комплеев А. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

Ключевые слова: история, историческая память, символическая политика, политические акторы, коммеморативные практики, Российское историческое общество.

D. A. Anikin, A. Yu. Bubnov, A. V. Kompleev

RUSSIAN HISTORICAL SOCIETY AS AN ACTOR OF SYMBOLIC POLICY: INSTITUTIONAL FEATURES AND MEMORIAL RISKS

Abstract.

Background. The activities of modern non-governmental scientific and educational public organizations working in the field of comprehending the historical past have not yet been comprehensively studied in Russian science. The purpose of this study is to carry out a systematic analysis of the dynamics of the development of non-state actors of symbolic politics in modern Russia, especially the scientific public organization Russian Historical Society.

Materials and methods. The study was conducted on the basis of documents and materials of the Russian Historical Society, published on the official website, in the informational publications of the company (Bulletin "Vorontsovo Field"). The work used materials from round tables, conferences, exhibitions, scientific publications and other projects of the Russian Historical Society. The methodological main research is the structuralist approach, which became the basis for distinguishing symbolic politics into a special type of political activity and a comparative analysis of sources that reveals the significance of this phenomenon for the development of modern Russian historical science.

Results. The processes of the formation of various actors of symbolic politics in the recent history of Russia are described, the specifics and trends of their development are determined. An assessment is given of the main memorial projects of the Russian Historical Society in the space of symbolic politics in our country.

Conclusions. The last twenty years have become a time of revitalization of symbolic politics in Russia. The dynamics of its development allows us to state that by 2012 the state, through its individual actors and institutions, has proceeded to actively formulate a public memorial agenda. At this time, the institutional formation of its non-state actors is taking place, among which the Russian Historical Society is becoming one of the most active. His activity focused on identifying the main vectors of historical research and articulating the historical and political agenda in the domestic political arena, while avoiding serious scandals and the traditional confrontation between supporters of the Soviet and anti-Soviet versions of history.

Keywords: history, historical memory, symbolic politics, political actors, commemorative practices, Russian Historical Society.

Символическая политика в современном мире становится неотъемлемым элементов политической деятельности, представляя собой «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [1, с. 23]. Понимаемая таким образом символическая политика представляет собой элемент реальной политической деятельности, который выходит на первый план в тех ситуациях, когда трансформации подвергается само политическое сообщество, его идентичность оказывается подвержена угрозе раскола или уничтожения. Несмотря на то что методологическим основанием

выделения символической политики в особый вид политической деятельности является структуралистский подход в политике, сформулированный П. Бурдьё еще в 60-е гг. XX в., особую актуальность ее исследование приобрело в условиях глобальных политико-территориальных трансформаций конца XX в. Политическая карта Европы и мира в целом оказалась существенно переключена – распад СССР и части государств бывшего коммунистического блока сопровождался центристскими тенденциями в западноевропейском обществе (объединение Германии, расширение ЕС). Вопрос коллективной идентичности в условиях политической нестабильности приобрел новое звучание и потребовал включения новых акторов в процессы конструирования или деконструирования мемориальной символики.

Современная символическая политика является отражением структуры политического пространства, соответственно, она характеризуется гетерогенностью и неоднородностью акторов, вступающих между собой в противоречивые отношения конкуренции и солидарности. Несмотря на то что государства остаются ведущими игроками политического процесса, стоит обратить внимание на три существенных обстоятельства.

Во-первых, демократизация привела к увеличению роли общественных структур если не в принятии, то хотя бы в обсуждении принимаемых решений, следовательно, общественные организации превращаются в политических акторов, оказывающих определенное влияние на формирование мемориальной повестки, выдвижение тех или иных инициатив относительно увековечивания памяти какого-либо деятеля или события.

Во-вторых, не стоит абсолютизировать внутреннее единство государства как политического актора, в реальности имеет место сочетание интересов различных государственных институтов, поэтому каждый из этих институтов, по сути, должен рассматриваться с точки зрения собственных интересов.

В-третьих, современная политическая практика подразумевает отсутствие четкого барьера между общественными и государственными структурами, по крайней мере в том случае, если руководитель данной организации является по совместительству и государственным деятелем.

В постсоветской России вовлеченность общественных организаций в символическую политику носила волнообразный характер. Вспышка общественных дискуссий по поводу проблемных вопросов прошлого, приведшая к возникновению специализированных организаций (например, общества «Мемориал»), не стала основанием для дальнейшей институализации, поскольку возможность пересмотра истории (прежде всего советской) оказалась купирована на государственном уровне в середине 1990-х гг.

Активизация символической политики в России происходит в начале 2000-х гг., причем катализатором этих процессов становится внешнеполитический фактор на западном направлении. В 1998 г. возникает Институт национальной памяти в Польше, который делает своей целью окончательное формирование и продвижение идеи «двух оккупаций» (немецкой и советской), схожие процессы происходят на Украине и в странах Прибалтики. Показательно, что вновь возникающие институты вступили в активное взаимодействие с общественными организациями на территории РФ, прежде всего с обществом «Мемориал», что было обусловлено сходством взглядов по поводу советского режима [2]. Расширение использования мемориальной

проблематики не только в законотворческой сфере, но и в сфере публичной дискуссии вызвало к жизни потребность в общественных организациях, которые выступили бы в качестве оппонентов негативизации советского прошлого. По словам А. И. Миллера, «в целом в первой половине 2000-х годов власть начинает активно заниматься политикой памяти и доминирует в формировании повестки дня в этом вопросе. От властей исходят почти все инициативы в этой сфере, в том числе инициативы создания организаций, похожих на экспертные сообщества» [3, с. 230].

Интересно, что в начале 2000-х гг. существовали разные точки зрения по поводу отношения государства к символической политике. В отдельных выступлениях поднимался вопрос о необходимости адекватного ответа на польскую инициативу, а именно – создание российского Института национальной памяти, обладающего широким кругом полномочий в сфере внешней и внутренней политики. Отголоском стремления к «огосударствлению» мемориальных вопросов стало в 2009 г. создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, которая, судя по своему составу, отчетливо была ориентирована не на исследовательскую или экспертную деятельность, а на публичное озвучивание государственных инициатив [4].

Но возобладало более компромиссное мнение, заключающееся в делегировании полномочий осуществления символической политики по поводу прошлого общественным организациям, пусть аффилированным с государственными структурами. Подобная тенденция, однако, оказалась совмещена с конкуренцией государственных институций и отдельных акторов за тот символический капитал, который сулила «приватизация» мемориальной политики. Эта конкуренция привела к тому, что практически параллельно в 2012 г., объявленном в России Годом истории, были образованы две общественные организации, не только взявшие на себя функции проведения отдельных мемориальных мероприятий, но и сделавшие серьезную заявку на регламентацию всей символической политики с государственнической точки зрения. Речь идет о Российском историческом обществе (РИО), учреждение которого в организационно-правовой форме ассоциации состоялось на учредительном собрании 20 июня 2012 г., а также о Российском военно-историческом обществе, которое было основано Указом Президента РФ № 1710 от 29 декабря 2012 г. Стоит сразу отметить, что последняя организация может считаться общественной с определенной долей условности, поскольку для ее образования была использована форма общественно-государственной организации, а учредителями стали сразу два министерства – Министерство обороны РФ и Министерство культуры РФ [5; 6, с. 6, 7].

Интересным аспектом учреждения Российского исторического общества и Российского военно-исторического общества стала апелляция их создателей и руководителей к существованию аналогичных структур в императорской России, что позволяло придать созданию этих обществ дополнительную символическую окраску восстановления исторической справедливости и возобновления традиции.

Российское военно-историческое общество провозгласило себя преемником Императорского Русского военно-исторического общества, основанного в 1907 г., что создало достаточно любопытную историческую коллизию.

Дело в том, что дореволюционное общество было основано и возглавлялось действующими представителями генералитета русской армии (генералом Д. А. Скалоном, генералом А. З. Мышлаевским, генералом Н. П. Михневичем), в то время как их символическим преемником стал министр культуры В. Р. Мединский. В отношении Российского исторического общества, ведущего свою родословную от Российского императорского общества, существовавшего в 1866–1917 гг., ситуация отобразилась зеркально – если до революции в его руководстве находились профессиональные историки или высокопоставленные деятели, занимавшиеся историей (великий князь Николай Михайлович), то восстановленное общество возглавил С. Е. Нарышкин, занимавший в тот момент пост Председателя Государственной думы, а с 2016 г. ставший директором Службы внешней разведки Российской Федерации.

Таким образом, динамика развития символической политики в России позволяет констатировать, что к 2012 г. государство в лице своих отдельных акторов и институций перешло к активному формированию публичной мемориальной повестки. Если Российское военно-историческое общество в силу своей специфики сосредоточилось исключительно на военной истории и тесно связанной с ней внешнеполитической деятельности, то Российское историческое общество сделало упор на определение основных векторов исторических исследований и артикулирования историко-политической повестки на внутривнутриполитической арене.

Анализ мемориальных проектов, осуществленных по инициативе или при участии Российского исторического общества, показывает существенное преобладание проблематики, посвященной масштабным историческим юбилеям. Из более чем 20 проектов, осуществленных Российским историческим обществом в 2012–2019 гг., 11 посвящены коммеморации юбилейных дат российской истории. Одним из первых проектов Российского исторического общества стал юбилей Отечественной войны 1812 г., реализованный в череде академических мероприятий, таких как передача писем Наполеона в Государственный исторический музей или проведение международной конференции, посвященной влиянию событий 1812 г. на судьбы России и Европы. Учитывая, что это один из важных периодов отечественной истории, не разделяющих, а наоборот, объединяющих российское общество, выбор оказался символическим. 200-летний юбилей стал удобным поводом заявить о себе и продемонстрировать возможность преодоления былых конфликтов через работу с исторической памятью. Последняя идея была сформулирована Сергеем Нарышкиным на примере российско-французских отношений: «Это была жестокая и кровопролитная война, это был конфликт общеевропейского масштаба. Но он не оставил в памяти французов и россиян враждебности. Мы участвуем в большом количестве проектов: в экономике, науке, культуре; вместе отдаем дань памяти павших на полях сражений, воссоздаем историю тех далеких событий» [7]. В сходном ключе осуществлялась коммеморация событий окончания Смуты, стартовавшая в 2012 г. со сбора средств на реставрацию памятника Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому и продолженная в 2013 г. мероприятиями, посвященными династии Романовых.

2014 г. был отмечен началом одного из наиболее крупных проектов, осуществленных РИО, – 100-летия Первой мировой войны [8, с. 6]. Проект, занявший четыре года и реализованный между двумя памятными датами –

начала и окончания мировой войны, включил в себя широкий перечень мероприятий, в их числе научные конференции, выставки, оцифровка картотеки потерь российской армии на фронтах Первой мировой и открытие памятников.

Российское историческое общество и Российское военно-историческое общество стали главными операторами мемориальной политики, посвященной Первой мировой войне, а председатель Российского исторического общества Сергей Нарышкин возглавил Организационный комитет по подготовке мероприятий юбилея. На сайте Российского исторического общества цель мемориальных мероприятий определялась как «углубленное изучение событий этой “забытой” страницы истории Отечества, а также возвращение национальной памяти о павших воинах – героях Великой войны» [9]. Нарратив «забытой войны» стал для Российского исторического общества символической осью коммеморации Первой мировой войны, что позволило избежать скандалов и традиционного противостояния сторонников советской и анти-советской версий истории. Можно вспомнить, что предшествующий опыт исторической политики под эгидой государства был не столь позитивен. Достаточно вспомнить дебаты, разгоревшиеся по поводу внедрения в школы учебника Данилова – Филиппова, деятельность комиссии по борьбе с фальсификациями или «десталинизацию» образца 2011 г., инициированную Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека и обществом «Мемориал». Более того, произошедшая в 2016 г. история с установкой и последующим демонтажом памятной доски барону К. Г. Маннергейму в Санкт-Петербурге показала, что конфликтный потенциал может быть актуализирован в любое время. И даже примиряющая модель «забытой войны» может быть разрушена неосторожным обращением к персонажам, раскалывающим российское общество.

Коммеморация Первой мировой войны предваряла еще две важные даты – 100-летие Революции 1917 г. и 100-летие Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Важность символической политики и по этим вехам российской истории трудно переоценить. Широкий перечень мероприятий, реализованный Российским историческим обществом в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации, продемонстрировал новую стратегию политики памяти – государство задает рамки, в которых действуют негосударственные акторы. Общую направленность материалов, посвященных мемориальным мероприятиям, можно охарактеризовать как академическую и осторожно-взвешенную. Как синонимы употребляются определения Революция 1917 г. и Великая Российская Революция. На сайте Российского исторического общества подчеркивается, что «необходимо поддержать тенденцию примирения общества с событиями 1917 года и способствовать популяризации качественного исторического знания для извлечения из них уроков» [10]. Однако в интервью Сергея Нарышкина более внятно расставляются акценты на дистанцирование от событий революционной эпохи – «не праздновать», но «отмечать». Главный негативный урок революции, по его оценке, – нетерпимость в обществе и снижение политической ответственности у элит – в целом соответствует классической консервативной критике революций [11].

В отличие от более масштабных проектов, посвященных Первой мировой войне и Революции, к столетию Гражданской войны в Российском исто-

рическом обществе ограничились научным форматом без широкого общественного резонанса. Очевидно, что на символическом уровне коммеморация гражданской войны как событие трагическое и до сих пор разделяющее российское общество нуждается в отстраненности и максимальной объективности. Как было подчеркнуто на сайте Российского исторического общества, один из главных вопросов через сто лет после окончания гражданского конфликта – в чем «красный проект» был более технологически успешен, чем «белый»? Любопытно, что официальное название юбилея в документах Российского исторического общества «100-летие Гражданской войны в России 1917–1922 гг.» свидетельствует о более широком подходе к определению хронологических рамок и отказе от советской традиции относить начало гражданской войны к весне 1918 г. и так называемому «мятежу чехословацкого корпуса».

Поскольку важнейшей константой мемориальной политики российского государства остается коммеморация Великой Отечественной войны, в деятельности Российского исторического общества эта тема является сквозной. В 2015 г. был осуществлен проект, посвященный 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, на 2020 г. анонсированы мероприятия в честь 75-летия Победы. Стоит отметить, что символический акцент в осуществленных проектах делается не на военных событиях, относящихся скорее к сфере Российского военно-исторического общества, а на памяти о жертвах нацизма. На странице проекта в заглавие вынесено заявление Российского исторического общества, посвященное годовщине освобождения концлагеря «Освенцим» [12]. В этом же русле находится и осуществленный в 2018 г. проект к 75-летию восстания в лагере Собибор. Частью проекта стали мероприятия по продвижению одноименного фильма Константина Хабенского, снятого в том числе при поддержке Российского исторического общества. Продолжением работы с темой сохранения исторической памяти о преступлениях нацистов на оккупированных территориях СССР стал круглый стол, проведенный в марте 2019 г.

Еще один акцент Российского исторического общества в мемориальных проектах, посвященных Победе в Великой Отечественной войне, – исторические основания причин войны и послевоенного мироустройства. Были широко представлены научные мероприятия, посвященные Ялтинской и Крымской конференциям. В 2018 г. по инициативе Российского исторического общества состоялись научные конференции с международным участием, документальная выставка, посвященные 80-летию «Мюнхенского сговора» 1938 г. Официальная позиция Российского исторического общества ставит своей целью релятивизировать то огромное значение, которое придается на Западе советско-германскому пакту 1939 г. В резюме проекта отмечается, что политика «умиротворения» была продиктована стремлением направить агрессию нацистской Германии на Советский Союз и стала важным шагом ко Второй мировой войне [13]. В схожем ключе выполнена и коммеморация 80-летия сражений на р. Халхин-Гол как события, позволившего в конечном итоге избежать японской агрессии против СССР. В 2019 г. это направление было продолжено проектом, посвященным 75-летию освобождения Восточной Европы от нацизма.

Событиям современной истории в тематике проектов РИО отводится гораздо меньше места. Единственный проект такого рода, реализованный в 2013 г. – «20 лет Конституции Российской Федерации и Федеральному Собранию Российской Федерации».

Наконец, стоит упомянуть один крупный проект, связанный с символической политикой, – «Великие имена России» – присвоение имен значимых исторических фигур российским аэропортам. Он был проведен по инициативе Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, Русского географического общества и Общества русской словесности. Координатором проекта выступила Общественная палата Российской Федерации. Проект обосновывался ссылкой на американский и европейский опыт и фактически представлял собой социологический опрос об отношении к разным периодам прошлого через связанные с ними знаковые фигуры. Особенностью его осуществления стало как подтверждение безусловного пантеона национальных героев, так и выявление болевых точек национальной памяти, сопровождавшихся войнами памяти.

Таким образом, в постсоветский период произошла значительная активизация символической политики в России, этому в немалой степени способствовала внешнеполитическая ситуация и проводимая странами Восточной Европы историческая политика. Данный процесс носил нелинейный и достаточно противоречивый характер. Стремление государства уйти от прямого вмешательства в политику памяти и перейти к «мягкой силе» породило особый формат общественно-государственного партнерства, который по аналогии с «прокси-войнами» можно назвать «прокси-памятью».

Можно говорить о том, что к 2012 г. был выбран компромиссный вариант, состоявший в делегировании полномочий осуществления символической политики по поводу прошлого общественным организациям, аффилированным с государственными структурами. Анализ мемориальных проектов, осуществленных по инициативе или при участии Российского исторического общества в 2012–2019 гг., позволяет говорить о том, что подобную практику в целом можно признать успешной. И если еще в 2013 г. А. И. Миллер отмечал слабость негосударственных институтов, препятствовавшую полноценному участию гражданского общества в мемориальной политике [3, с. 231], то к 2019 г. деятельность Российского исторического общества по коммеморации важнейших событий российской истории свидетельствует об успешном институциональном становлении негосударственных акторов символической политики и их активной роли в формировании публичной мемориальной повестки.

Библиографический список

1. **Малинова, О. Ю.** Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва : Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
2. Институт национальной памяти благодарен Обществу «Мемориал» // Радио Польши. – URL: <http://archiwum.radiopolsha.pl/6/110/Artykul/122559> (дата обращения: 01.11.2019).
3. **Миллер, А. И.** Политика памяти в России. Роль негосударственных агентов / А. И. Миллер // *Історія, пам'ять, політика* : зб. наук. ст. / упоряд.: Г. Касьянов, О. Гайдай. – Київ : Інститут історії України НАН, 2016. – С. 218–242.

4. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России : Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 // Российская газета. – 2009. – 20 мая. – № 89 (4913). – URL: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (дата обращения: 01.11.2019).
5. О создании Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» : Указ Президента РФ от 29.12.2012 № 1710 // Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611> (дата обращения: 01.11.2019).
6. Юбилейный сборник Российского исторического общества: 150 лет со дня основания Русского исторического общества. – Москва : Кучково поле, 2016. – 176 с.
7. 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/?view=article&id=493:200-letie-pobedy-v-otechestvennoj-vojne-1812-goda&catid=93:proekty> (дата обращения: 01.11.2019).
8. **Нарышкин, С. Е.** Юбилей – повод для серьезной работы / С. Е. Нарышкин // Воронцово поле. – 2018. – № 2. – С. 6–9.
9. 100-летие Первой мировой войны // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-pervoj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 01.11.2019).
10. 100-летие Революции 1917 года // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda.html> (дата обращения: 01.11.2019).
11. Сергей Нарышкин: революционные события 1917 года больше не раскалывают общество // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/sergej-naryshkin-revoljucionnye-sobytiya-1917-goda-bolshe-ne-raskalyvayut-obshchestvo.html> (дата обращения: 01.11.2019).
12. Заявление Российского исторического общества к 70-летию освобождения Освенцима // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/proekty/70-letie-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne.html> (дата обращения: 01.11.2019).
13. 80-летие Мюнхенского соглашения 1938 года // Сайт Российского исторического общества. – URL: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglasenie-1938-goda.html> (дата обращения: 01.11.2019).

References

1. Malinova O. Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [The actual past: Symbolic politics of the reigning elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 207 p. [In Russian]
2. *Radio Pol'shi* [Radio of Poland]. Available at: <http://archiwum.radiopolsha.pl/6/110/Artykul/122559> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
3. Miller A. I. *Istoriya, pam'yat', politika: zb. nauk. st.* [History, Remember, Politics: collected articles]. Kiev: Institut istorii Ukraïni NAN, 2016, pp. 218–242.
4. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2009, 20 May, no. 89 (4913). Available at: <https://rg.ru/2009/05/20/komissia-dok.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
5. *O sozdanii Obshcherossiyskoy obshchestvenno-gosudarstvennoy organizatsii «Rossiyskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo»*: Ukaz Prezidenta RF ot 29.12.2012 № 1710 [On the creation of the public-state organization “Russian Military Historical Society”: Decree of the President of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 1710]. Website President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36611> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
6. *Yubileyny sbornik Rossiyskogo istoricheskogo obshchestva: 150 let so dnya osnovaniya Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Anniversary collection of the Russian His-

- torical Society: 150 years since the founding of the Russian Historical Society]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 176 p. [In Russian]
7. *200-letie pobedy v Otechestvennoy voyne 1812 goda* [200th anniversary of the victory in the Patriotic War of 1812]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/?view=article&id=493:200-letie-pobedy-v-otechestvennoj-vojne-1812-goda&catid=93:proekty> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
 8. Naryshkin S. E. *Vorontsovo pole* [Vorontsovo field]. 2018, no. 2, pp. 6–9. [In Russian]
 9. *100-letie Pervoy mirovoy voyny* [100th anniversary of the First World War]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-pervoj-mirovoj-vojny.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
 10. *100-letie Revolyutsii 1917 goda* [100th anniversary of the 1917 Revolution]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
 11. *Sergey Naryshkin: revolyutsionnye sobytiya 1917 goda bol'she ne raskalyvayut obshchestvo* [Sergei Naryshkin: the revolutionary events of 1917 no longer split society]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda/sergej-naryshkin-revolutsionnye-sobytiya-1917-goda-bol-she-ne-raskalyvayut-obshchestvo.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
 12. *Zayavlenie Rossiyskogo istoricheskogo obshchestva k 70-letiyu osvobozhdeniya Osventsima* [Statement by the Russian Historical Society on the 70th anniversary of the liberation of Auschwitz]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/proekty/70-letie-pobedy-v-velikoj-otechestvennoj-vojne.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]
 13. *80-letie Myunkhenskogo soglasheniya 1938 goda* [The 80th anniversary of the Munich Agreement of 1938]. Website of the Russian historical society. Available at: <https://historyrussia.org/proekty/80-letie-myunkhenskogo-soglasheniya-1938-goda.html> (accessed Nov. 01, 2019). [In Russian]

Аникин Даниил Александрович

кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и теории политики,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1)

E-mail: dandee@list.ru

Anikin Daniil Aleksandrovich

Candidate of philosophical sciences,
associate professor, sub-department
of history and political theory, Lomonosov
Moscow State University (1, Leninskiye
Gory street, Moscow, Russia)

Бубнов Александр Юрьевич

кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и теории политики,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1)

E-mail: alexandr-bubnov@mail.ru

Bubnov Aleksandr Yur'evich

Candidate of philosophical sciences,
associate professor, sub-department
of history and political theory, Lomonosov
Moscow State University (1, Leninskiye
Gory street, Moscow, Russia)

Комплев Антон Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и теории политики,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1)

E-mail: an_kompleev@mail.ru

Kompleev Anton Vyacheslavovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history and
political theory, Lomonosov Moscow State
University (1, Leninskiye Gory street,
Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Аникин, Д. А. Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски / Д. А. Аникин, А. Ю. Бубнов, А. В. Комплеев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1 (53). – С. 114–124. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-1-9.

Вниманию авторов!

Редакция журнала «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» приглашает специалистов опубликовать на его страницах оригинальные статьи, содержащие новые научные результаты в области истории, а также обзорные статьи по тематике журнала.

Статьи, ранее опубликованные, а также принятые к опубликованию в других журналах, редколлегией не рассматриваются.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, подготовленные с использованием текстового редактора Microsoft Word for Windows (тип файла – RTF, DOC).

Необходимо представить статью в электронном виде (VolgaVuz@mail.ru) и дополнительно на бумажном носителе в двух экземплярах. Оптимальный объем рукописи 10–14 страниц формата А4. Основной шрифт статьи – Times New Roman, 14 pt через полуторный интервал. Статья **обязательно** должна содержать индекс УДК, ключевые слова и развернутую аннотацию объемом от 100 до 250 слов, имеющую четкую структуру **на русском** (Актуальность и цели. Материалы и методы. Результаты. Выводы) **и английском языках** (Background. Materials and methods. Results. Conclusions).

Обращаем внимание авторов на то, что в соответствии с этическим кодексом журнала для обеспечения единообразия перевод фамилии, имени, отчества каждого автора на английский язык (в сведениях об авторах и списке литературы) осуществляется автоматически с использованием программы транслитерации в кодировке BGN (сайт translit.ru).

Рисунки и таблицы должны быть размещены в тексте статьи и представлены в виде отдельных файлов (растровые рисунки в формате TIFF, BMP с разрешением 300 dpi, векторные рисунки в формате Corel Draw с минимальной толщиной линии 0,75 pt). Рисунки должны сопровождаться подрисовочными подписями.

Формулы в тексте статьи **обязательно** должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Word Equation (версия 3.0) или MathType. Символы греческого и русского алфавита должны быть набраны прямо, нежирно; латинского – курсивом, нежирно; обозначения векторов и матриц прямо, жирно; цифры – прямо, нежирно. Наименования химических элементов набираются прямо, нежирно. Эти же требования **необходимо** соблюдать и в рисунках. Допускается вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol).

В списке литературы **нумерация источников** должна соответствовать **очередности ссылок** на них в тексте ([1], [2], ...). Номер источника указывается в квадратных скобках. **Требования к оформлению списка литературы** на русские и иностранные источники: **для книг** – фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; **для журнальных статей, сборников трудов** – фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала или сборника, серия, год, том, номер, страницы; **для материалов конференций** – фамилия и инициалы автора, название статьи, название конференции, город, издательство, год, страницы.

К материалам статьи **должна** прилагаться следующая информация: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание и должность, место и юридический адрес работы (на русском и английском языках), e-mail, контактные телефоны (желательно сотовые).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Статьи, оформленные без соблюдения приведенных выше требований, к рассмотрению не принимаются.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике • история.

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «История. Общество. Политика», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Просвещение. Образование. Педагогика». Подписной индекс – 36967.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____
(подпись) (ФИО)

Дата « ____ » _____ 20__ г.